

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКАЯ АКАДЕМИЯ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ИМЕНИ А.Я. СУХАРЕВА»

На правах рукописи

Жуков Дмитрий Александрович

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛНОМОЧИЙ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО СОБИРАНИЮ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ**

Специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Научный руководитель
доктор юридических наук,
профессор
Жук Олег Дмитриевич

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. Теоретические основы деятельности следователя и его полномочия по собиранию доказательств	19
§ 1. Процессуальная функция следователя и его полномочия в современном уголовном судопроизводстве России.....	19
§ 1.2. Процессуальная самостоятельность следователя в качестве условия эффективности собирания доказательств	48
§ 1.3. Обеспечение разумных сроков уголовного судопроизводства при осуществлении полномочий следователя по собиранию доказательств	81
ГЛАВА 2. Реализация полномочий следователя по собиранию доказательств при производстве следственных и иных процессуальных действий	96
§ 2.1. Реализация полномочий следователя при проведении отдельных процессуальных действий	96
§ 2.2. Взаимодействие следователя с субъектами оперативно-розыскной деятельности по собиранию доказательств	133
§ 2.3. Полномочия следователя по собиранию доказательств при осуществлении международного сотрудничества в уголовном судопроизводстве	145
§ 2.4. Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства в процессе собирания доказательств.....	162
§ 2.5. Уголовно-процессуальный механизм устранения технических ошибок, допущенных в ходе собирания доказательств, при завершении расследования .	176
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	198
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	206
Приложение 1. Справка по результатам анкетирования.....	239
Приложение 2. Бланки анкет № 1, 2, 3.....	242
Приложение 3. Аналитическая справка.....	245

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Следователь определяет предмет судебного разбирательства, при этом результат проверки сообщения о преступлении, расследования преступления зависит от своевременности сбора в досудебном производстве сведений, имеющих доказательственное значение, и их качества. Насколько разумно реализованы полномочия следователя по собиранию доказательств при расследовании, то есть как результативно, своевременно производятся следственные и иные процессуальные действия и, как следствие, принимаются процессуальные решения по уголовному делу, настолько и достижим качественный результат расследования.

Положениями отечественного уголовно-процессуального законодательства о состязательности следователь отнесен к стороне обвинения, что не соответствует его роли исследователя всех обстоятельств преступления, с чем согласны 81 % опрошенных следователей, а также объему полномочий, явно выходящих за рамки сугубо обвинительной функции, что подтверждает 71 % опрошенных следователей. Это обусловило возникновение ряда проблемных вопросов в области регламентации и реализации его полномочий по собиранию доказательств и необходимость их совершенствования, на что указывает 76 % опрошенных следователей.

Не случайно Председатель Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкин настаивает на введении в уголовный процесс истины как ориентира доказывания, государство через закон чётко и однозначно поставит перед следователем, прокурором и судом задачу полно, объективно и всесторонне разобраться в произошедшем событии и принять меры, направленные на отыскание истины. Следователи знают жизнь уголовного судопроизводства, что называется, изнутри, поэтому хорошо видят его реальные недостатки. Судебный

приговор должен быть основан на полном всестороннем и объективном исследовании всех обстоятельств совершённого деяния¹.

Такой подход к реализации полномочий следователя согласуется с требованиями соблюдения разумных сроков уголовного судопроизводства, обеспечения безопасности его участников, необходимости анализа собранных доказательств и устранения допущенных ошибок.

В теории уголовного процесса и на практике активно обсуждается идея о необходимости широкого использования в доказывании полученных при осуществлении оперативно-розыскной деятельности сведений. При этом основной проблемой при сборе доказательств является отсутствие законодательной регламентации механизма включения полученной в ходе такой деятельности информации в процесс доказывания.

Собирание доказательств – одна из важнейших составных частей международного сотрудничества, сложность которой заключается в том, что для успешного получения доказательств требуется передача другому государству части компетенции запрашивающим государством в виде полномочий следователя по собиранию доказательств.

Практика показывает, что в современных условиях ненормированности и сложности следственной работы ошибки, в том числе технические, неизбежны. При этом в действующем уголовно-процессуальном законе какого-либо иного механизма их устранения по окончании расследования, кроме возвращения уголовного дела руководителем следственного органа, прокурором для дополнительного следствия, и процедуры возвращения уголовного дела судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, не предусмотрено.

Перечисление проблем, связанных с реализацией полномочий следователя по собиранию доказательств в досудебном производстве, и имеющих большое теоретическое и практическое значение, можно продолжить. Их научное

¹ Бастрыкин А.И. Об объективной истине в уголовном процессе: история и современность [Электронный ресурс] // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 1. С. 18–29. URL: <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-18-29> (дата обращения: 16.06.2025).

осмысление, как и практика их реализации, должно продолжаться в целях выработки предложений о внесении изменений в действующее законодательство и практических рекомендаций.

Обстоятельства, изложенные выше, определяют актуальность темы исследования, что обуславливает необходимость продолжения комплексной разработки теоретических и прикладных вопросов реализации полномочий следователя по собиранию доказательств в досудебном производстве.

Степень научной разработанности темы исследования. Проблемам, связанным с собиранием доказательств и реализацией полномочий следователя по их собиранию в досудебном производстве, уделено значительное внимание в трудах Н.С. Алексеева, Н.В. Азаренкова, Ю.А. Андриенко, Р.Ш. Асанова, А.М. Багмета, О.Я. Баева, А.И. Бастрыкина, С.С. Безрукова, Р.С. Белкина, А.А. Бессонова, О.В. Буланова, В.М. Быкова, Е.В. Быковой, А.А. Власова, В.С. Выскуба, Б.Я. Гаврилова, А.П. Гуляева, В.Г. Даева, А.А. Давлетова, Ю.В. Деришева, Н.В. Жогина, В.И. Зажицкого, К.В. Камчатова, К.К. Клевцова, Ю.В. Козубенко, Л.Д. Кокорева, А.М. Ларина, П.А. Lupинской, Е.В. Максименко, Е.В. Мищенко, А.В. Наумова, Н.В. Османовой, Д.П. Попова, А.Р. Ратинова, Р.Д. Рахунова, А.П. Рыжакова, Е.Р. Россинской, С.Б. Россинского, А.В. Смирнова, А.Б. Соловьёва, Ю.Н. Спиридоновой, М.С. Строговича, А.А. Тарасова, Ф.Н. Фаткуллина, Г.П. Химичевой, О.В. Химичевой, В.С. Чистяковой, В.С. Шадрина, С.А. Шейфера и других учёных.

В результате исследований указанных авторов были получены знания, значимые для решения проблемных вопросов собирания доказательств при осуществлении предварительного расследования, создавшие условия для развития теории доказывания в целом. Естественно, даже с учетом значительного вклада вышеперечисленных учёных в теорию и практику, не все поставленные проблемы были успешно разрешены. Некоторые из них нуждались не только в их дальнейшем, более глубоком изучении, но и в новом осмыслении с учётом происходящих в обществе и государстве социально-политических и экономических изменений. В числе таковых категории

собирания доказательств, следственных и иных процессуальных действий, полномочий следователя как субъекта доказывания. Закономерно, что эти вопросы являются проблемными и в современной теории доказательств.

В условиях действующего отечественного уголовно-процессуального закона исследование проблематики, связанной с вопросами реализации полномочий следователя по собиранию доказательств и взаимосвязанными полномочиями, продолжилось. Подготовлены и защищены диссертации на соискание учёной степени доктора юридических наук С.Ф. Шумилина по теме «Теоретические основы и прикладные проблемы механизма реализации полномочий следователя в уголовном судопроизводстве» (2010 год), О.А. Малышевой – «Досудебное производство в Российском уголовном процессе: проблемы реализации и правового регулирования» (2013 год) и диссертации на соискание учёной степени кандидата юридических наук по отдельным вопросам правового статуса следователя и реализации его полномочий по собиранию доказательств таких исследователей как В.Д. Дармаева («Уголовно-процессуальный статус следователя», 2003 год), С.М. Кузнецова («Следователь в состязательном досудебном производстве по уголовному делу», 2005 год), С.Н. Хорьяков («Процессуальная самостоятельность следователя», 2006 год), А.Н. Огородов («Процессуальная самостоятельность следователя в уголовном судопроизводстве», 2018 год), М.В. Давыдова («Основания и порядок осуществления взаимной правовой помощи по уголовным делам», 2009 год), М.М. Шейфер («Социальный и правовой статус свидетеля и проблемы его реализации в уголовном судопроизводстве России», 2005 год), Е.Ю. Алонцева («Полномочия следователя по производству следственных действий, выполняемых с разрешения суда», 2006 год), А.В. Шуваткин («Обвинительное заключение и обвинительный акт в современном уголовном процессе России», 2003 год), Э.Н. Алимамедов («Деятельность следователя на этапе окончания предварительного следствия составлением обвинительного заключения», 2018 год), И.В. Чечулин («Процессуальные полномочия руководителя

следственного органа и их реализация в досудебном производстве», 2013 год), С.А. Минаева («Процессуальная деятельность руководителя следственного органа по обеспечению законности в досудебном производстве», 2014 год), У.В. Садиокова («Процессуальные полномочия руководителя следственного органа: теория и практика реализации», 2020 год), Ю.А. Андриенко («Обеспечение следователем быстроты и полноты предварительного следствия», 2022 год), М.В. Мельников («Собирание доказательств при проверке сообщения о преступлении», 2024 год) и других. Однако весь комплекс проблем в сфере реализации полномочий следователя по собиранию доказательств не был разрешён, а отдельные вопросы, такие как обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства в процессе собирания доказательств и собирание доказательств при международном сотрудничестве, требуют самостоятельного исследования. Поэтому необходимо продолжить изучение проблематики полномочий по собиранию доказательств следователем в досудебном производстве.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования являются правоотношения, возникающие при реализации следователем своего назначения в процессе осуществления полномочий по собиранию доказательств в уголовном судопроизводстве и отдельных полномочий следователя, обусловленных собиранием доказательств.

Предмет исследования составляют полномочия следователя в уголовном судопроизводстве по собиранию доказательств, взаимосвязанные с ними полномочия и правовое положение следователя, урегулированные нормами уголовно-процессуального права, а также существующие теоретические разработки проблем уголовного процесса в части вопросов собирания доказательств.

Цель и задачи исследования. Целью диссертационного исследования является формирование теоретических положений, направленных на совершенствование правового регулирования полномочий следователя по собиранию доказательств в ходе досудебного производства, исходя из его

процессуальной функции, на основе историко-правового и сравнительно-правового анализа процесса реализации указанных полномочий следователя, а также формулирование практически значимых предложений по совершенствованию правоприменительной практики.

Для достижения указанной цели поставлены и решены следующие основные задачи:

1) сформулировано основополагающее начало уголовного судопроизводства как составная часть назначения уголовного судопроизводства; исследованы процессуальная функция следователя, как участника уголовного судопроизводства и его правовое положение, дано определение полномочий следователя;

2) раскрыты сущность и значение системообразующего элемента доказывания «собрание доказательств» и полномочий следователя по собиранию доказательств при обеспечении его процессуальной самостоятельности в процессе доказывания;

3) проанализирована взаимосвязь полномочий следователя по собиранию доказательств с разумностью сроков уголовного судопроизводства;

4) сформулированы предложения по совершенствованию порядка выполнения наиболее часто производимых следственных и иных процессуальных действий и их формы:

- расширены и конкретизированы полномочия следователя по собиранию доказательств в виде направления запросов и требований и регламентированы сроки их исполнения;

- детализирован порядок проведения процессуального действия «получение объяснения» и определена его процессуальная форма;

- уточнён порядок проведения допросов свидетелей и потерпевших для исключения возможности признания протоколов этих следственных действий недопустимыми доказательствами, а также сформулировано определение «подозреваемый»;

- обоснована необходимость расширения полномочий следователя и прав участников уголовного судопроизводства по ознакомлению с процессуальными документами, формирующимися в связи с назначением и проведением судебных экспертиз;

5) исследовано преобразование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказательственную информацию;

6) проведён анализ проблемных вопросов реализации полномочий следователя по собиранию доказательств в рамках международного сотрудничества и путей их разрешения;

7) сформулированы предложения по обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства при реализации полномочий следователя по собиранию доказательств;

8) разработан уголовно-процессуальный порядок устранения технических ошибок, допущенных в ходе собирания доказательств, по результатам их анализа при завершении расследования.

Теоретической основой исследования послужили фундаментальные научные работы учёных в области уголовного процесса советского периода, труды современных российских исследователей по теме выбранного исследования в виде диссертаций, монографий, научных статей, а также иных опубликованных материалов.

Методологическую основу исследования составляют положения общенаучного диалектического метода познания (при изучении процессуальной функции следователя, его полномочий, как элемента его правового статуса, во взаимосвязи с назначением уголовного судопроизводства в их развитии). Наряду с ним в процессе исследования использовались частнонаучные методы: исторический (при изучении процессов возникновения, развития, формирования полномочий следователя как элемента его правового статуса в уголовном судопроизводстве России, в том числе в соотношении с полномочиями иных участников уголовного судопроизводства), статистический (накопление и систематизированное обобщение эмпирических данных о реализации полномочий

следователя по собиранию доказательств и взаимосвязанных с ними полномочий), сравнительно-правовой (при сравнительном изучении общих и специфических закономерностей возникновения, развития, функционирования различных правовых систем в сфере реализации полномочий должностных лиц, осуществляющих расследование, на примере взаимодействия с правоохранительными органами Республики Кипр, США, Королевства Бельгия, Королевства Нидерланды и Республики Беларусь), структурно-функциональный (для выделения в системе доказывания полномочий следователя по собиранию доказательств и при описании их значения как элемента такой системы), социологический (наблюдение, анкетирование, с использованием которых сформирована эмпирическая основа исследования).

Нормативной правовой базой исследования являются: Конституция Российской Федерации, международные правовые акты, решения Конституционного и Верховного судов Российской Федерации, нормы действующего уголовного, уголовно-процессуального, оперативно-розыскного и иного законодательства, ведомственные (межведомственные) нормативные правовые акты.

Эмпирическую основу исследования составили данные, полученные в результате изучения 300 уголовных дел по различным статьям Уголовного кодекса Российской Федерации и 1010 материалов процессуальных проверок, проведённых по сообщениям о преступлениях, приговоры и решения судов различных инстанций, результаты анкетирования 468 следователей следственных подразделений Следственного комитета Российской Федерации.

Сбор эмпирического материала происходил в Москве и Московской области, Санкт-Петербурге, Республике Коми, Новгородской, Архангельской, Вологодской, Ленинградской и Тюменской областях.

Автором использован 25-летний личный опыт практической деятельности в качестве следователя в системе МВД России, прокуратуры Российской Федерации и Следственного комитета Российской Федерации.

Научная новизна исследования заключается в системном исследовании уголовно-процессуального законодательства, практики его применения, а также в авторском анализе процессуальной функции, процессуальной самостоятельности следователя как элемента его правового статуса во взаимосвязи с назначением уголовного судопроизводства и его принципами, с помощью которого раскрывается специфика его полномочий по собиранию доказательств и способов их реализации. Соискателем разработан комплекс практических рекомендаций по решению проблем, возникающих в процессе реализации полномочий следователя по собиранию доказательств в досудебном производстве, обоснована необходимость оптимизации и расширения полномочий следователя для осуществления принципа разумности срока уголовного судопроизводства, сформулированы предложения по изменению нормативной правовой базы для усовершенствования полномочий следователя по собиранию доказательств с учётом проблем, возникающих в практической деятельности.

К основным положениям, отвечающим критериям научной новизны, могут быть отнесены: предложение по уточнению назначения отечественного уголовного судопроизводства; авторское определение уголовно-процессуальной функции следователя, а также терминов «полномочия» и «подозреваемый». При этом в диссертации сформулированы положения, касающиеся: регламентации полномочий по собиранию доказательств, как средств осуществления следователем своей процессуальной функции, необходимости соблюдения и совершенствования формы и порядка выполнения наиболее часто производимых следственных и процессуальных действий.

Новизной отличаются также предложения, сформулированные в диссертации, по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики.

Новизна исследования раскрывается в следующих научных положениях, выносимых на защиту:

1. Обоснование положения о том, что в действующем уголовно-процессуальном законе необходимо выделить в качестве основополагающего

начала уголовного судопроизводства принцип всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств преступления. Исходя из этого, содержание назначения отечественного уголовного судопроизводства следует дополнить следующим положением: «Уголовное судопроизводство осуществляется на основе всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств преступления».

Данное дополнение позволяет прийти к выводу об осуществлении следователем уголовно-процессуальной функции исследования всех обстоятельств преступления и невозможности отнесения его к стороне обвинения. При этом правовое положение следователя в значительной мере обуславливается его процессуальной самостоятельностью и полномочиями.

2. Цель уголовно-процессуальной деятельности следователя, выражается в его функции исследования всех обстоятельств преступления. Осуществление следователем своей уголовно-процессуальной функции достигается реализацией его полномочий. Средствами достижения этой цели являются в совокупности указанные в законе полномочия по собиранию, проверке и оценке фактических данных, на основе которых устанавливается предмет доказывания.

Процессуальная самостоятельность следователя – необходимое условие обеспечения эффективности осуществления его полномочий при производстве предварительного расследования, в том числе, по собиранию доказательств.

Собирание доказательств – это системообразующий элемент процесса доказывания, состоящий в отыскании, выявлении, обнаружении и закреплении доказательств уполномоченными субъектами в пределах их полномочий в установленном уголовно-процессуальном порядке, осуществляемый тремя способами: посредством производства следственных действий (основной способ), иных процессуальных действий, путём приобщения документов, предметов и других объектов в качестве доказательств.

3. Утверждение, что необоснованная длительность досудебного производства, в том числе собирания доказательств, противоречит назначению и принципу разумного срока уголовного судопроизводства, неотъемлемой

составной частью которого является процесс получения доказательств, осуществляемый в ходе предварительного расследования.

Исходя из этого, требуется изменение порядка исчисления сроков предварительного следствия для их соответствия предлагаемой автором формулировке содержания назначения и принципа разумности сроков уголовного судопроизводства при реализации полномочий по собиранию доказательств. Поэтому предлагается предусмотренный УПК РФ срок предварительного следствия исчислять не с момента возбуждения уголовного дела, в случае его возбуждения по факту совершенного преступления, а с момента придания лицу процессуального статуса подозреваемого / обвиняемого, и увеличить этот срок с двух до шести месяцев, по истечении которого он может продлеваться в установленном порядке.

4. Следователь, наделённый полномочиями по собиранию доказательств в ходе досудебного производства, реализует их, соблюдая форму выполнения следственных и иных процессуальных действий.

Правовой статус следователя необходимо дополнить полномочием направлять запросы и требования для получения документов, предметов, для установления обстоятельства, имеющих значение для уголовного дела. Также следует конкретизировать сроки предоставления информации тем, что требования, поручения и запросы следователя и иных субъектов доказывания обязательны для исполнения незамедлительно или в указанный в них срок.

Сведения, изложенные лицом при получении объяснения, как процессуальном действии, должны быть отражены следователем или иным уполномоченным лицом в протоколе получения объяснения, который предполагает наличие неотъемлемых элементов, выработанных и апробированных фактически существующей в течение длительного времени правоприменительной практикой, с детализацией в уголовно-процессуальном законе порядка получения объяснения.

Кроме того, следователю необходимо разрешить по своей инициативе приглашать свидетеля, потерпевшему адвоката для оказания бесплатной

квалифицированной юридической помощи с целью обеспечения соблюдения их прав и предотвращения признания недопустимыми показаний этих лиц, а также подозреваемого, как участника уголовного судопроизводства, в отношении которого осуществляются действия, направленные на его изобличение и дающие основания считать это лицо причастным к совершению преступления.

В ходе проверки сообщения о преступлении следователь также должен обладать полномочием знакомить заинтересованных лиц и их адвокатов с постановлением о назначении экспертизы, заключением эксперта или сообщением эксперта о невозможности дать заключение и установить срок такого ознакомления – не позднее пяти суток.

5. Существующая системная деятельность правоохранительных органов по противодействию преступности в должной мере не способствует быстрому раскрытию преступлений и всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств их совершения, поскольку действующим уголовно-процессуальным законом результаты оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) не предусмотрено использования их в качестве доказательств. Следователь и сотрудник органа, осуществляющего ОРД, должны действовать согласованно и, как правило, совместно для изобличения субъекта преступления, установления его виновности и постановления в отношении его законного, обоснованного и справедливого приговора. Поэтому для производства расследования тяжких или особо тяжких преступлений, совершённых в условиях неочевидности, должна создаваться следственно-оперативная группа, в процессе деятельности которой будет обеспечиваться эффективное взаимодействие следственных органов и органов дознания и предусматриваться ответственность соответствующих должностных лиц за результаты их деятельности в составе группы.

Введение результатов ОРД в процесс расследования посредством вынесения следователем как субъектом доказывания постановления об их приобщении к делу, является оптимальным вариантом решения проблемы их использования в качестве допустимых доказательств.

Учитывая изложенное, следует дополнить уголовно-процессуальный закон отдельной главой о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд, и в перечень видов доказательств включить результаты оперативно-розыскной деятельности.

6. Реализация полномочий следователя по собиранию доказательств в рамках международного сотрудничества имеет две основных проблемы: соответствие требованиям УПК РФ, предъявляемым к процедуре собирания доказательств, результатов исполнения запроса о правовой помощи и их юридическая сила, а также длительные сроки исполнения запросов о правовой помощи.

Для решения проблемы доказательственной силы результатов исполнения запроса о правовой помощи соответствующий запрос должен содержать предложение о разъяснении порядка проведения запрашиваемого процессуального действия, прав, обязанностей и ответственности его участников в соответствии с законодательством запрашивающей стороны.

Совершенствование международного сотрудничества по уголовным делам должно выражаться в рассмотрении участниками международных соглашений, конвенций вопроса о внесении в национальное законодательство норм, устанавливающих конкретные сроки исполнения запросов о правовой помощи.

7. Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства является приоритетом в деятельности следователя.

Необходимо исключить возможность ознакомления участников уголовного судопроизводства по окончании расследования с любыми документами, содержащими сведения о личности участника, данные о личности которого сохранены в тайне, и разрешить такому участнику не отвечать при допросе в суде на вопросы, которые могут способствовать раскрытию таких данных.

8. Рассматривать ошибки следователя, выявленные по результатам анализа собранных доказательств, исключительно как пробельность правоприменения, представляется неверным. Пути их исправления в значительной степени

предопределены природой таких ошибок и предполагают обязательность наличия алгоритма их исправления.

Предлагается авторский уголовно-процессуальный порядок по устранению допущенных в ходе расследования технических ошибок по окончании предварительного расследования, согласно которому прокурор, следователь, руководитель следственного органа наделяются полномочиями по исправлению технических ошибок и опечаток посредством вынесения мотивированного постановления об устранении подобных погрешностей, как правило, без предъявления нового обвинения и пересоставления обвинительного заключения (акта, постановления).

9. Предложения по внесению изменений в действующий уголовно-процессуальный закон: ч. 1 ст. 6 дополнить принципом всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств преступления; в ч. 4 ст. 21 указать, что требования, поручения и запросы субъектов доказывания обязательны для исполнения незамедлительно или в указанный в них срок; в ст. 38 добавить полномочие следователя направлять запросы и требования для получения документов, предметов и установления обстоятельства, имеющих значение для уголовного дела; в п. 16 в ч. 2 ст. 37, п. 6 в ч. 2 ст. 38, п. 12 в ч. 1 ст. 39 внести полномочие прокурора, следователя, руководителя следственного органа по исправлению технических ошибок и опечаток посредством вынесения мотивированного постановления без предъявления нового обвинения и пересоставления обвинительного заключения (акта, постановления); п. 6 ч. 4 ст. 56 и п. 2 ч. 2 ст. 42 дополнить полномочием следователя по своей инициативе приглашать свидетелю, потерпевшему адвоката для оказания бесплатной квалифицированной юридической помощи с целью обеспечения соблюдения их прав и предотвращения признания недопустимыми их показаний и подозреваемого; в ст. 74 указать в перечне видов доказательств результаты оперативно-розыскной деятельности; в ст. 144 отразить полномочие в ходе проверки сообщения о преступлении знакомить заинтересованных лиц и их адвокатов с постановлением о назначении экспертизы, заключением эксперта или

сообщением эксперта о невозможности дать заключение и в ст. 198 установить срок ознакомления с такими документами в пять суток; в ч. 1 ст. 162 исчислять срок предварительного следствия с момента придания лицу процессуального статуса подозреваемого/обвиняемого, увеличив его с двух до шести месяцев; в ст. 454 УПК РФ предложить разяснять в запросе о правовой помощи порядок проведения запрашиваемого процессуального действия, прав, обязанностей и ответственности его участников в соответствии с законодательством запрашивающей стороны; а также дополнить УПК РФ отдельной главой 11.1 о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что рекомендации, сформулированные в диссертации, а также положения и выводы по рассматриваемым вопросам дополняют научные представления о полномочиях следователя по собиранию доказательств, способах реализации таких полномочий, раскрывается специфика условий и процессуального порядка их производства.

Практическая значимость исследования определяется тем, что сформулированные предложения по изменению и дополнению положений УПК РФ, регулирующих полномочия следователя по собиранию доказательств, могут быть использованы в законотворческой деятельности по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, а также для дальнейшей разработки путей решения проблем, возникающих при реализации полномочий следователя по собиранию доказательств в досудебном производстве. Сформулированные в диссертации рекомендации могут быть использованы в правоприменительной деятельности, при преподавании курса уголовно-процессуального права (уголовного процесса) в образовательных учреждениях высшего образования, а также при организации профессиональной подготовки и переподготовки следователей и дознавателей.

Апробация и внедрение результатов исследования. Диссертация подготовлена на кафедре уголовного процесса Московской академии

Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, где проведены её обсуждение и рецензирование. Основные положения и выводы исследования апробированы и представлены на следующих научных конференциях: Межвузовской молодежной научно-практической конференции «Следственная деятельность: проблемы, их решение, перспективы развития» (г. Москва, 8 декабря 2017 года); Международной научно-практической конференции «Досудебное производство по уголовным делам о профессиональных преступлениях, совершённых медицинскими работниками» (г. Москва, 15 февраля 2018 года); Международной научно-практической конференции «Процессуальные и организационно-правовые особенности взаимодействия органов предварительного расследования с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность: проблемы и пути их решения» (г. Москва, 13 декабря 2018 года); Всероссийской научно-практической конференции «Организация труда следователя» (с применением дистанционных технологий) (г. Екатеринбург, 27 февраля 2025 года); Луганской международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы борьбы с коррупцией» (г. Луганск, 27 февраля 2025 года); Луганском международном юридическом форуме «Особенности противодействия гибридным угрозам в отношении Российской Федерации» (г. Луганск, 16 мая 2025 года), и в двадцать одной опубликованной научной статье, шестнадцать из которых – в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Основные положения диссертационного исследования внедрены в практическую деятельность следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Новгородской области и в образовательную деятельность ФГКОУ ВО «Луганская академия Следственного комитета Российской Федерации».

Структура работы определяется целями и задачами исследования и включает в себя введение, две главы, объединяющие восемь параграфов, заключение, список использованной литературы и три приложения.

Глава 1. Теоретические основы деятельности следователя и его полномочия по сборанию доказательств

§ 1.1. Процессуальная функция следователя и его полномочия в современном уголовном судопроизводстве России

Неотъемлемым условием эффективного расследования общественно-опасных деяний, осуществляемого в рамках законодательных требований, является всестороннее, полное и объективное установление обстоятельств этих деяний и соблюдение принципов уголовного судопроизводства. Эту обязанность Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации² (далее – УПК РФ), хотя и не в столь дословной формулировке текста закона, как в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР, утверждённом 27 октября 1960 года Верховным Советом РСФСР³ (далее – УПК РСФСР 1960 года), но с тем же смыслом, главным образом возлагает на следователя, которому предоставлены полномочия, являющиеся, исходя из позиции законодателя, достаточными и необходимыми для выполнения указанной обязанности.

Вместе с тем, буквальный анализ содержания УПК РФ дает основание считать, что столь необходимый в уголовном судопроизводстве принцип всесторонности, полноты и объективности при досудебном производстве и судебном рассмотрении указан в различных статьях кодекса, а не в одной в главе 2 «Принципы уголовного судопроизводства», в пользу принципа состязательности и в связи с этим, – разделения участников уголовного судопроизводства на стороны обвинения, защиты и разрешения дела.

В соответствии с п. 45 ст. 5 УПК РФ стороны – участники уголовного судопроизводства, выполняющие на основе состязательности функцию обвинения (уголовного преследования) или защиты от обвинения.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 16.06.2025).

³ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 года с изм. и доп. [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 16.06.2025).

В соответствии с п. 47 ст. 5 УПК РФ сторона обвинения – прокурор, а также следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, орган дознания, частный обвинитель, потерпевший, его законный представитель и представитель, гражданский истец и его представитель.

Отнесённый к стороне обвинения в соответствии с п. 41 ст. 5 УПК РФ следователь определён как должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также иные полномочия, предусмотренные УПК РФ.

Из буквального содержания п. п. 45 и 47 ст. 5 УПК РФ и с учётом регламентации указанного в ст. 15 УПК РФ принципа состязательности, являющегося отличительной чертой нового УПК РФ, следователь, как участник уголовного судопроизводства согласно главе 6 этого кодекса, отнесён к участникам уголовного судопроизводства со стороны обвинения и осуществляет процессуальную функцию обвинения (уголовного преследования)⁴.

Это указано в ч. ч. 1 и 2 ст. 21 УПК РФ «Обязанность осуществления уголовного преследования»: уголовное преследование от имени государства по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения осуществляют прокурор, а также следователь и дознаватель. В каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные данным кодексом меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления.

Как видно из буквального содержания этих требований УПК РФ, отнесение следователя к стороне обвинения связано с его обязанностью уголовного преследования (обвинения) в ходе предварительного расследования после принятия решения о возбуждении уголовного дела, как отправной точки расследования обстоятельств преступления.

⁴ См.: Жуков Д.А. К вопросу о процессуальной функции следователя // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2018. № 2(20). С. 73–78.

Представляется необоснованным отнесение следователя к стороне обвинения и регламентация его процессуальной функции исключительно как функции обвинения (уголовного преследования).

Обоснованность данного утверждения подтверждает содержание многочисленных научных работ, в частности публикации С.С. Безрукова, А.А. Давлетова, Н.В. Азаренкова, Р.Ш. Асанова, А.В. Смирнова. Диссертант присоединяется к мнению В.С. Шадрина о том, что «основной функцией следователя, как и ранее, является не обвинение (уголовное преследование), а именно всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств совершения преступления, достаточно давно именуемое также функцией предварительного расследования»⁵.

По своему смыслу уголовно-процессуальные функции – это вытекающие из назначения уголовного судопроизводства и задач участников уголовного судопроизводства направления их деятельности⁶. Под функцией участника уголовного процесса также понимается «роль, которую законодатель закрепил за ним и исполнение которой необходимо для достижения его целей»⁷.

Процессуальная функция, по мнению соискателя, первична и связывает задачи уголовного судопроизводства в контексте конкретного участника уголовного судопроизводства и его правовое положение. Верное определение уголовно-процессуальных функций даёт возможность правильно установить процессуальные статусы (правовое положение) участников уголовного

⁵ См.: Безруков С.С. Система принципов отечественного уголовного процесса: актуальные проблемы и подходы к построению // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 3. С. 11–18; Давлетов А.А. Проблема функций следователя в уголовном процессе // Российский юридический журнал. 2019. № 4. С. 56–68; Смирнов А.В. Вопрос о типологической принадлежности Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и его дальнейших перспективах // Уголовное судопроизводство. 2023. № 1. С. 11–15; Шадрин В.С. Следователь как участник уголовного процесса на рубеже третьего десятилетия применения УПК РФ // Российский следователь. 2023. № 4. С. 28–32.

⁶ Уголовный процесс: учебник для вузов / Под общ. ред. Лупинской П.А. М.: «Юрист», 1995. С. 47.

⁷ Тугутов Б.А. Уголовно-процессуальные функции: понятие и содержание // Российский судья. 2014. № 7. С. 28–31.

судопроизводства и, соответственно, их полномочия, а также оценить их взаимосвязь и результат осуществления.

В научном мире не прекращаются споры о том, сколько и какие именно процессуальные функции осуществляет следователь.

Так, С.А. Шейфер отстаивает концепцию единственной функции следователя, заключающейся во всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела⁸, через проведение аналогии с понятием «расследование преступлений», которое считают основной процессуальной функцией следователя, например, Р.Д. Рахунов, Д.М. Берова⁹.

Представляется не вполне верным предложение С.А. Шейфера отождествлять уголовно-процессуальную функцию следователя с принципом уголовного судопроизводства, даже если учитывать, что в УПК РФ таковой чётко не определён.

Функция уголовного преследования (обвинения), закреплённая в процессуальном статусе следователя, как считает В.В. Пушкарев, проявляет социальное назначение данного должностного лица, выступает основным направлением его процессуальной деятельности и реализуется для достижения назначения уголовного судопроизводства в процессе её осуществления¹⁰.

По мнению В.М. Быкова, «состязательность в уголовном процессе, в том числе и на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, не может сводиться к равенству сторон, которое на досудебных стадиях уголовного процесса невозможно, в принципе. Состязательность на предварительном следствии имеет место, однако за следователем остаются такие

⁸ Шейфер С.А. Российский следователь – исследователь или преследователь? // Российская юстиция. 2010. № 11. С. 34–36.

⁹ Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. М.: Госюриздат, 1961. С. 47–48; Берова Д.М. К вопросу о процессуальной функции следователя в уголовном судопроизводстве // Общество и право. 2009. № 3. С. 207–210.

¹⁰ Пушкарев В.В. Толкование функции уголовного преследования (обвинения) в решениях Европейского Суда по правам человека, Европейской Комиссии по правам человека, Конституционного Суда Российской Федерации как предпосылка ее нормативного выражения в процессуальном статусе следователя [Электронный ресурс] // Международное уголовное право и международная юстиция. 2016. № 4. СПС КонсультантПлюс.

важные процессуальные функции, как расследование преступления, обвинения и частично разрешения уголовного дела»¹¹.

Ввиду ограничений, обусловленных объёмом настоящей работы, в ней не уделено детального внимания всем научным взглядам на определение уголовно-процессуальных функций следователя, их сходство и различие, однако некоторым из них необходимо уделить внимание прежде, чем соискатель изложит собственное суждение по рассматриваемому вопросу.

По утверждению С.В. Лаврухина и Ю.С. Комягиной, «следователь является в одном лице инициатором, организатором и исполнителем предварительного следствия. От направления и содержания его действий напрямую зависит эффективность расследования преступлений. Поэтому фундаментальное научное и практическое значение имеет правильное определение процессуальных функций следователя, а отнесение следователя к стороне обвинения, исходя из содержания п. п. 45 и 47 ст. 5 и ст. 38 УПК РФ, является ошибкой, которая в значительной степени дезорганизует расследование преступлений, а также придает этому процессу черты деградации. На практике это часто приводит к обвинительному уклону в расследовании. Анализ предмета доказывания дает основание для вывода о том, что следователь подобно суду, должен стоять над сторонами обвинения и защиты в качестве своеобразного объективного арбитра, гаранта законности в подлинном смысле этого слова»¹².

Актуально мнение А.Д. Бойкова о том, что «прокурор, следователь, дознаватель объявлены стороной обвинения, а это значит, что их деятельность становится односторонне обвинительной, и это не может не сказаться на объективности и качестве расследования; в суд могут поступать заведомо тенденциозные материалы»¹³.

¹¹ Быков В.М. Следователь в уголовном процессе России: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 37–38.

¹² Лаврухин С.В. Процессуальные функции следователя // Российский следователь. 2014. № 9. С. 17–21.

¹³ Бойков А.Д. Новый УПК России и проблемы борьбы с преступностью // Уголовное право. 2002. № 3. С. 64.

Результаты анкетирования, проведённого в рамках настоящего исследования, показали, что 53 % из 139 опрошенных следователей согласились с тем, что отнесение следователя к стороне обвинения провоцирует обвинительный уклон (см. Приложения 1, 2).

Однако полностью согласиться с указанным мнением С.В. Лаврухина и Ю.С. Комягиной не представляется возможным, поскольку они относят следователя и дознавателя к «участникам уголовного судопроизводства со стороны государства, обеспечивающим реализацию функции обвинения и защиты», а это лишь составные части функции следователя, но не единственные.

Очевидно, что основными представителями стороны защиты на период предварительного расследования, исходя из содержания главы 7 УПК РФ «Участники уголовного судопроизводства со стороны защиты», являются только подозреваемый, обвиняемый, защитник. Поэтому трудно согласиться с вышеизложенным мнением В.М. Быкова о том, что «следователь совмещает функцию частичного разрешения дела и функцию обвинения» в предварительном расследовании, так как согласно ч. 2 ст. 15 УПК РФ функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо.

Если же считать, что досудебное производство – это подготовка к судебному разбирательству, то при отнесении следователя и дознавателя к стороне обвинения получается, что сторона защиты и сторона обвинения в досудебном производстве состязаются без арбитра, который «разрешает дело», и к тому же объём их полномочий заведомо неравен, поскольку очевидно, что у стороны обвинения в досудебном производстве он значительно шире.

Поэтому соискатель присоединяется к мнению о том, что состязательность сторон в стадии предварительного расследования возможна в случае наделения стороны защиты правом на осуществление параллельного расследования. Изложенное свидетельствует о значимости правильного определения понятий состязательности и функций в уголовном судопроизводстве.

«Состязательность – это не принцип уголовного судопроизводства, а один из многих способов исследования доказательств в суде. Следователь обязан расследовать уголовное дело полно, всесторонне и объективно, выяснять все смягчающие и отягчающие вину обстоятельства. Соответственно, нет оснований относить следователя к участникам процесса со стороны обвинения»¹⁴.

Исходя из изложенного, можно обоснованно прийти к выводу, что поскольку суд осуществляет функцию разрешения дела, то следователь или дознаватель просто не может осуществлять расследование только с позиции уголовного преследования (обвинения), иначе собранные доказательства будут по сути обвинительными.

Поэтому нельзя не согласиться с мнением о том, что «если ранее, по УПК РСФСР (1960 года), следователь был «познавателем» по уголовному делу, то сегодня УПК, причислив его к стороне обвинения, устранив требование всесторонности, полноты и объективности, создает условия для односторонней его обвинительной деятельности»¹⁵.

При этом не следует смешивать так называемый «обвинительный уклон» с настойчивостью и решительностью при расследовании для реализации назначения уголовного судопроизводства, чтобы права и законные интересы потерпевших были защищены, и ни один невиновный не был наказан, а виновный понёс заслуженное наказание, исходя из назначения уголовного судопроизводства.

В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законом обеспечение работы суда и вынесение справедливого, обоснованного и мотивированного решения предопределяет в большинстве случаев необходимость производства предварительного расследования. В противном случае суд

¹⁴ Ефимичев С.П. Функции в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс] : понятие, сущность, значение // Журнал российского права. 2005. № 7. СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 16.06.2025).

¹⁵ Рябина Т.К. Общие проблемы уголовного судопроизводства: монография. Старый Оскол: ТНТ, 2015. С. 41.

перестанет быть органом правосудия и будет вынужден принять на себя полномочия по расследованию всех обстоятельств преступления.

В связи с этим возникает обоснованный вопрос о том, «в каком объеме должна проводиться досудебная подготовка по уголовному делу и какое значение материалы предварительного расследования как основной стадии досудебного производства имеют для принятия решения по существу в ходе судебного разбирательства»¹⁶.

Представляется, что следователь или дознаватель после возбуждения уголовного дела обязан выяснить все обстоятельства преступления и таким образом создать основу для полноценного рассмотрения этих обстоятельств в судебном разбирательстве.

При этом еще в ст. 265 Устава уголовного судопроизводства, утверждённого 20 ноября 1864 года (далее – Устав уголовного судопроизводства 1864 года) предусматривалось конкретное предписание: «при производстве следствия судебный следователь обязан с полным беспристрастием приводить в известность как обстоятельства, уличающие обвиняемого, так и обстоятельства, его оправдывающие»¹⁷, то есть, по сути, судебный следователь обязан быть объективным.

В ст. ст. 113 и 114 УПК РСФСР, утверждённого Постановлением ВЦИК РСФСР 25 мая 1922 года (далее – УПК РСФСР 1922 года) указывалось, что «При производстве предварительного следствия, следователь обязан выяснить и исследовать обстоятельства как уличающее, так и оправдывающие обвиняемого, а равно все обстоятельства как усиливающие, так и смягчающие степень и характер его ответственности. Следователь направляет предварительное следствие,

¹⁶ Деришев Ю.В. Проблемы соотношения досудебного и судебного производства в уголовном процессе России. М.: Юрлитинформ, 2009. С. 58.

¹⁷ [Электронный ресурс] URL: <https://coNstitutioN.garaNet.ru/history/act1600-1918/3137> (дата обращения: 16.06.2025).

руководствуясь обстоятельствами дела, в сторону наиболее полного и всестороннего рассмотрения дела»¹⁸.

В дальнейшем требование всесторонности, полноты и объективности подразумевалось и в ст. 111 УПК РСФСР, утверждённого Постановлением ВЦИК РСФСР 15 февраля 1923 года (далее – УПК РСФСР 1923 года): «При производстве предварительного следствия следователь обязан выяснить и исследовать обстоятельства, как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а равно все обстоятельства, как усиливающие, так и смягчающие степень и характер его ответственности»¹⁹.

УПК РСФСР 1960 года не относил следователя к стороне обвинения, а определял его в соответствии со ст. 125 органом предварительного следствия, который должен был согласно ст. 71 «при оценке доказательств исследовать всесторонне, полно и объективно все обстоятельства дела в их совокупности, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием с тем, чтобы обеспечить наказание действительно виновного и оградить невиновного от необоснованного привлечения к ответственности»²⁰.

Статья 20 УПК РСФСР 1960 года чётко предусматривала требование «всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств уголовного дела, имеющих значение для правильного разрешения дела, защиты прав и законных интересов участвующих в деле лиц, как принцип уголовного процесса»²¹.

При такой конкретной регламентации у следователей не могло возникать вопросов и/или сомнений о том, что они должны занимать объективную позицию при осуществлении доказывания, а материалы расследования, представленные в

¹⁸ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 25 мая 1922 года // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 20–21. Ст. 329.

¹⁹ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 15 февраля 1923 года // Собрание узаконений РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.

²⁰ Уголовный процесс: учебник для вузов / Под общ. ред. Лупинской П.А. М.: Юрист, 1995. С. 55.

²¹ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / Под общ. ред. В.М. Савицкого, Б.Т. Безлепкина, П.А. Лупинской. М.: Проспект, 2000. С. 54.

суд, создавали предпосылки для всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств преступления.

В УПК РФ отсутствует конкретная статья, определяющая в качестве принципа уголовного судопроизводства всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела.

Вместе с тем, следователь в ходе предварительного следствия по уголовному делу устанавливает обстоятельства, подлежащие доказыванию, определённые в ст. 73 УПК РФ, согласно которой следователь, отнесённый к стороне обвинения и осуществляющий уголовное преследование, одновременно должен устанавливать и обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния, и обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания.

Так, ч. 2 ст. 154 УПК РФ разрешает выделить уголовное дело в отдельное производство для завершения расследования, если это не отразится на всесторонности и объективности предварительного расследования и разрешения уголовного дела, что ещё раз подтверждает, что всесторонность, полнота, объективность, как необходимые условия уголовного судопроизводства, были перефразированы и в угоду принципу состязательности разнесены по различным статьям УПК РФ.

Таким образом, наличие принципа всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств по делу в уголовно-процессуальном законе надёжно гарантирует осуществление эффективного правосудия по уголовным делам, поэтому было бы правильным включить в действующий УПК РФ указанный принцип в той редакции, в какой он приводился в ст. 20 УПК РСФСР 1960 года, заменив словосочетание «уголовного дела» на слово «преступления», то есть как принцип всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств преступления, имеющих значение для правильного разрешения дела.

В пользу этого предложения свидетельствуют и результаты проведённого в рамках настоящего исследования анкетирования, согласно которым 86 % из 139

опрошенных следователей согласились с тем, что в УПК РФ необходим принцип всесторонности, полноты и объективности, и только 4 % из них затруднились ответить на данный вопрос (см. Приложения 1, 2).

В ст. 6 УПК РФ отражено назначение уголовно-процессуальной деятельности, другими словами, её цель, возведённая в принцип уголовного судопроизводства. В ч. 1 данной статьи содержится указание на главную цель судопроизводства – защиту прав и законных интересов участников общественных отношений, пострадавших от преступлений, и не менее важную цель, связанную с защитой в ходе уголовного судопроизводства личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения её прав и свобод²².

В то же время ст. 6¹ УПК РФ декларирует принцип разумности уголовного процесса, который, как верно отмечает И.В. Маслов, «реализуется через конкретные нормы, регулирующие определенные процессуальные правоотношения и устанавливающие сроки их реализации, которые важны для выполнения задач (назначения) уголовного судопроизводства»²³.

Представляется, что достижение целей уголовно-процессуальной деятельности напрямую соотносится с разумностью сроков уголовного судопроизводства, поскольку установление процессуальных сроков является процессуальной гарантией обеспечения соблюдения прав участников уголовного судопроизводства. Волокита при производстве предварительного расследования влечёт нарушение гарантированных Конституцией Российской Федерации прав граждан, в первую очередь, права на судебную защиту и на доступ к правосудию. Несмотря на это, в действующем уголовно-процессуальном законе отсутствуют нормы о немедленном возбуждении уголовного дела и его расследовании. В этом, по нашему мнению, заключается одна из главных причин резкого падения раскрываемости преступлений после введения в действие УПК РФ.

²² Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. А.И. Бастрыкина. М.: Волтерс Клувер, 2008. С. 23.

²³ Маслов И.В. Уголовно-процессуальные сроки в досудебном производстве: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 7.

Поэтому нельзя не согласиться с З.Д. Еникеевым в том, что быстрота уголовного судопроизводства, имеющая принципиальное, отправное, руководящее значение, должна быть закреплена в законе, поскольку относится к фундаментальным началам уголовного судопроизводства и обусловлена необходимостью раскрытия преступлений, изобличения и обеспечения неотвратимости ответственности виновников их совершения²⁴.

Законодатель обязан урегулировать уголовно-процессуальную деятельность так, чтобы нормы уголовного судопроизводства максимально способствовали обеспечению быстроты её осуществления и создавали полноценные правовые гарантии для участников уголовного судопроизводства во избежание произвола и беззакония²⁵.

Учитывая изложенное, не ясна причина, из-за которой в действующем УПК РФ законодатель отказался от формулировки «быстрое раскрытие преступлений».

По мнению автора, она должна присутствовать в УПК РФ, ведь при предусмотренном главой 40.1 УПК РФ особом порядке принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения обвиняемого о сотрудничестве исследуются «характер и пределы содействия обвиняемого следствию в раскрытии и расследовании преступления и значение сотрудничества с подсудимым для раскрытия и расследования преступления...».

Для сравнения следует оценить формулировку ч. 1 ст. 2 УПК РСФСР 1960 года, согласно которой задачами советского уголовного судопроизводства являются быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечён к уголовной ответственности и осуждён.

²⁴ Еникеев З.Д. Международно-правовые основы быстроты уголовного судопроизводства и проблемы их реализации в современной России // Международное публичное и частное право. 2010. № 4. С. 16–21.

²⁵ См.: Жуков Д.А. О соотношении разумности и быстроты в уголовном судопроизводстве // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 2(24). С. 181–184.

Поэтому ст. 3 УПК РСФСР 1960 года звучит как «Обязанность возбуждения уголовного дела и раскрытия преступления», и согласно её ч. 1 в каждом случае обнаружения признаков преступления для прокурора, следователя и органа дознания являлось обязанностью в пределах своей компетенции возбудить уголовное дело, принять все законные меры к установлению события преступления, виновных в совершении преступления, и к их наказанию.

К слову, УПК РСФСР 1960 года не содержал в своем тексте указание на разумность сроков.

Статья 2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, утверждённых Законом СССР от 25 декабря 1958 года²⁶ (далее – Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, 1958 года), содержала аналогичную по содержанию формулировку задач советского уголовного судопроизводства.

«Требование быстро раскрыть преступление означает, что фактические обстоятельства дела и виновный должны быть установлены в максимально короткие сроки со дня совершения преступления и возбуждения уголовного дела. Успех раскрытия и расследования преступления находится в прямой зависимости от активных действий должностных лиц, осуществляющих расследование и раскрытие преступлений. Быстрота производства по делу не должна вместе с тем сказываться на объективности и полноте исследования имеющих значение для дела обстоятельств»²⁷.

По нашему мнению, безотлагательность возбуждения уголовного дела, немедленное выполнение в ходе предварительного расследования всех необходимых следственных и иных процессуальных действий в нужный момент, исходя из возникающих следственных ситуаций и их изменения, составляют суть быстроты на этапе досудебного производства. При этом требование быстроты

²⁶ Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, утверждённые Законом СССР от 25 декабря 1958 года (ред. от 28.11.1989) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

²⁷ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / Под общ. ред. Савицкого В.М., Безлепкина Б.Т., Лупинской П.А. М.: Проспект, 2000. С. 24.

распространяется на все этапы уголовного процесса и должно настраивать на активные, своевременные действия следователя и любого другого субъекта правоприменения, поскольку этого требуют поставленные перед ними задачи, включающие в себя и быстроту, и оперативность.

Объяснения, что «в отличие от УПК РСФСР, предусматривавшего в числе первоочередных задач уголовного судопроизводства быстрое и полное раскрытие преступлений и изобличение виновных (ст. 2), новый УПК связывает назначение уголовного судопроизводства с защитой основных ценностей и норм общества, к которым относятся в первую очередь права человека»²⁸, выглядят скорее декларативно, а не убедительно, поскольку в УПК РФ не имеется какой-либо нормы, которая указывает на необходимость быстрого раскрытия преступления, а требования всесторонности, объективности и полноты расследования «разбросаны» по различным статьям действующего уголовно-процессуального закона и не возведены в принцип уголовного судопроизводства.

В своей работе Ю.В. Деришев и Ю.А. Андриенко считают неверным отождествление правовых категорий быстроты и разумного срока уголовного процесса. Они рассматривают принцип осуществления уголовного судопроизводства в разумный срок как одну из форм нормативного выражения требования быстроты в совокупности с полнотой исследования обстоятельств преступления. Это, в первую очередь, выражается в требованиях разумности продолжительности производства по делу при обеспечении достаточности и эффективности действий суда и участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения²⁹.

УПК РСФСР 1922 и 1923 годов содержали конкретные указания на быстроту, безотлагательность, незамедлительность расследования, без положений о его разумности, и их содержание создает чёткое представление, что затягивать процесс расследования в то время было невозможно.

²⁸ Ст. 6 Комментария к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулина. 2-е изд., перераб. и доп. Юристъ, 2004.

²⁹ Деришев Ю.В. Быстрота и разумный срок уголовного досудебного производства: проблемы соотношения // Российский следователь. 2019. № 2. С. 30–34.

Так, ст. 119 УПК РСФСР 1922 года и ст. 116 УПК РСФСР 1923 года срок для окончания предварительного следствия устанавливался продолжительностью два месяца и исчислялся со дня объявления подозреваемому лицу постановления о привлечении его в качестве обвиняемого. В случае же невозможности закончить следствие в двухмесячный срок, следовательно было необходимо сообщить прокурору о причинах, задерживающих окончание следствия.

Согласно ст. 112 УПК РСФСР 1922 года, «Следователь, получив сведения или материалы о совершившемся в его участке преступлении, ему подследственном, обязан не позднее 24 часов по арестанским делам и 48 часов по всем остальным делам, приступить к производству следствия, составив о том постановление, копия которого немедленно направляется к прокурору».

В УПК РСФСР 1923 года указанную формулировку сделали относительно неопределённой, и конкретные сроки «24 часа», «48 часов» заменили на словосочетание «обязан немедленно».

Вместе с тем, ст. ст. 113, 114 УПК РСФСР 1922 года и ст. ст. 111, 112 УПК РСФСР 1923 года содержали вполне современные гуманистические требования. Так, на следователя возлагалась обязанность выяснить и исследовать обстоятельства как уличающее, так и оправдывающие обвиняемого, а равно все обстоятельства как усиливающие, так и смягчающие степень и характер его ответственности. Следователь направляет предварительное следствие в сторону наиболее полного и всестороннего рассмотрения дела.

Статьи 128 и 125 УПК РСФСР 1922 и 1923 годов и ч. 2 ст. 132 УПК РСФСР 1960 года регламентировали правило, обязывающее следователя произвести «не терпящие отлагательств», «неотложные» следственные действия, в случае, если данное дело ему не подследственно, а затем направить дело по УПК РСФСР 1922, 1923 годов «подлежащему следователю», по УПК РСФСР 1960 года – «прокурору для направления по подследственности».

Действующий УПК РФ (ч. 5 ст. 152) также включает аналогичную по содержанию норму о полномочии следователя, дознавателя произвести неотложные следственные действия, установив, что уголовное дело ему не

подследственно, и передать уголовное дело соответственно руководителю следственного органа, прокурору для направления по подследственности.

Уставом уголовного судопроизводства 1864 года была законодательно закреплена фигура судебного следователя, уполномоченного «самостоятельно вести расследование».

В его ст. ст. 266 и 270 указано, что судебный следователь своевременно должен принимать необходимые для собрания доказательств меры и не допускать никакого промедления в обнаружении и сохранении следов и признаков преступления, которые могут быстро исчезнуть. Полицией, присутственными местами, должностными и частными лицами законные требования судебного следователя исполняются без замедления.

Кроме того, согласно ст. 295 данного нормативного правового акта, «предварительные следствия должны быть производимы со всевозможной скоростью. Производство их не останавливается и в табельные или воскресные дни, если обстоятельства того требуют». При этом сроков расследования Устав не предусматривал.

Также в ст. 290 содержалась норма об обязанности судебного следователя произвести неотложные следственные действия, если дело ему не подследственно, после чего передать дело судебному следователю, на участке которого совершено преступление.

В 1832 году Николаем I был учреждён Свод законов Российской Империи, введённый в действие с 1 января 1835 года. Согласно книге второй «О судопроизводстве по преступлениям» тома XV «следствия по уголовным преступлениям должны быть производимы со всевозможной скоростью и оканчиваемы в месячный срок, не изъемя дней воскресных и праздничных...» (ст. 139)³⁰.

³⁰ Свод законов Российской Империи, вступивший в действие 1 января 1835 года [Электронный ресурс] // Электронная библиотека «Руниверс». URL: <https://ruниверс.ru/bookreader/book388232/#page/638/mode/1up> (дата обращения: 16.06.2025).

Очевидно, что тенденция к использованию относительных понятий сохраняется в действующем уголовно-процессуальном законе, который, в отличие от ранее действовавших уголовно-процессуальных законов, прямо не обязывает следователя, дознавателя быстро раскрывать преступления в пределах своей компетенции, исходя из предоставленных ему полномочий.

Регламентирующий уголовно-процессуальную деятельность уголовно-процессуальный закон по своему духу, истинному смыслу и цели, как в целом, так и каждой отдельной нормой, «должен обеспечить такой порядок судопроизводства, который защищает человека и гражданина, общество, государство от преступлений путем создания условий раскрытия преступления, осуждения виновного, возмещения ущерба, нанесенного преступлением, при строгом соблюдении процессуальных норм, охраняющих права и законные интересы, честь и достоинства всех участников судопроизводства и иных лиц»³¹.

Поэтому указанное в ч. 1 ст. 6 УПК РФ содержание назначения отечественного уголовного судопроизводства следует дополнить и сформулировать следующим образом: «Уголовное судопроизводство осуществляется в условиях всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств преступления и имеет своим назначением:» и далее по тексту ст. 6 УПК РФ.

Как точно отметила в своей работе В.Д. Дармаева, «следователь устанавливает обстоятельства, входящие в предмет доказывания, исследует все доказательства по делу, причем доказывание, осуществляемое следователем, имеет ряд особенностей, которые обусловлены как процессуальными условиями, в которых проводится предварительное расследование, так и характером полномочий, которыми закон наделяет следователя. Осуществление уголовного преследования не может быть законным и обоснованным без установления всех обстоятельств дела, в том числе тех, которые исключают преступность и

³¹ Уголовный процесс: Учебник для вузов / Под общ. ред. проф. П.А. Лупинской. М: Юрист, 1995. С. 15.

наказуемость деяния и могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания»³².

Соискатель согласен с позицией и предложениями О.А. Чабукиани о том, что невозможно говорить о справедливости решения судьи, если оценка полноты формирования доказательств производится следователем, отнесённым к стороне обвинения. Субъект, формирующий доказательства в ходе предварительной следственной деятельности, должен быть независим, что позволит достичь построения состязательной модели. Представителями стороны обвинения являются: начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, орган дознания, прокурор, частный обвинитель, потерпевший, его законный представитель и представитель, гражданский истец и его представитель. Они либо предоставляют следователю сведения, собранные в рамках своих должностных обязанностей, регламентируемых ведомственными нормативными правовыми актами и соответствующими федеральными законами, либо добровольно предоставляют объекты, имеющие значение для уголовного дела, реализуя право на обвинение. Подозреваемый, обвиняемый, его законный представитель, представитель, защитник, гражданский ответчик, его законный представитель и представитель могут также предоставлять сведения, имеющие доказательственное значение, по желанию либо в силу взятой на себя обязанности соответственно³³.

В своей научной работе У.В. Садиокова также отстаивает близкую нам позицию о том, что следователь выполняет основную функцию – функцию расследования, а не обвинения, а его руководитель, выполняя свою основную функцию процессуального руководства следствием, прежде всего обеспечивает выполнение следователем указанной функции³⁴.

³² Дармаева В.Д. Уголовно-процессуальный статус следователя [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 16–17 // Официальный сайт Российской государственной библиотеки. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003238587> (дата обращения: 16.06.2025).

³³ Чабукиани О.А. Признание самостоятельности следственной деятельности – способ достижения состязательности // Уголовное судопроизводство. 2023. № 4. С. 26–31.

³⁴ Садиокова У.В. Процессуальные полномочия руководителя следственного органа: теория и практика реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 12, 21.

Не случайно с целью исключения одностороннего подхода к фигуре следователя для чёткого понимания его назначения в уголовном судопроизводстве потребовалось, чтобы Конституционный Суд Российской Федерации специально разъяснил, что обвинительная функция не исключает, а вытекает из общей правоохранительной задачи следователя – обеспечивать права и свободы личности в уголовном процессе³⁵.

С учётом всего вышеизложенного представляется, что следователь, как и дознаватель, в уголовном судопроизводстве не должен быть отнесён к стороне обвинения, так как осуществляет основополагающую функцию исследования всех обстоятельств преступления³⁶, но не дела, как было указано в ранее действовавших УПК РСФСР.

Из 139 проанкетированных в рамках настоящей работы следователей 81 % согласился с тем, что функция следователя – это исследование обстоятельств преступления, и только 3 % из них затруднились ответить на данный вопрос (см. Приложения 1, 2).

Эта уголовно-процессуальная функция многогранна и, как отмечал А.М. Ларин, включает отдельные виды деятельности³⁷: уголовное преследование, защита, устранение и возмещение вреда, возражения против гражданского иска, обеспечение прав и законных интересов лиц, участвующих в уголовном деле, предупреждение преступлений, процессуальное руководство и разрешение дела и т. д.

При этом осуществляемое следователем или дознавателем исследование обстоятельств преступления должно быть всесторонним, полным и объективным для правильного разрешения дела.

³⁵ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 июня 2004 года № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 УПК РФ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 16.06.2025).

³⁶ См.: Жуков Д.А. К вопросу о теории и практике реализации полномочий следователя по собиранию доказательств в досудебном производстве // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 3. С. 163–169.

³⁷ Ларин А.М. Расследование уголовного дела: процессуальные функции. М.: Юридическая литература, 1986. С. 12.

За время действия УПК РФ уголовно-процессуальные нормы, в том числе устанавливающие полномочия следователя и порядок их реализации, подвергались существенным изменениям. С учётом пробелов уголовно-процессуального закона и, как следствие, неоднозначной практики его применения, такие изменения будут вноситься и далее, поскольку УПК РФ по-прежнему не содержит определения ряда основополагающих понятий, в частности понятия «полномочия», исходя из которых на новом качественном уровне определялись бы полномочия следователя, дознавателя, прокурора и суда.

Из 140 проанкетированных в рамках настоящей работы следователей 76 % согласились с тем, что совершенствование полномочий следователя необходимо в действующем уголовно-процессуальном законе, и только 7 % из них затруднились ответить на данный вопрос (см. Приложения 1, 2).

Указанные пробелы уголовно-процессуального закона создают неоднозначное представление о процессуальном положении участников уголовного судопроизводства, в том числе следователя, как основной фигуры предварительного следствия, и его полномочиях.

Деятельность и взаимоотношения в правоприменительном поведении субъектов права обусловлены соотношением и взаимосвязью их прав и обязанностей, регламентированных нормативными правовыми актами.

Объяснение всех правомерных действий по реализации права в целом как отношения субъектов права определяется категорией «правовое отношение», под которой В.С. Нерсисянц понимал «требуемую реализуемой нормой права форму взаимоотношений субъектов права в процессе приобретения и использования ими конкретно-определенного субъективного права либо создания или исполнения конкретно-определенной юридической обязанности»³⁸.

Следователь в сфере уголовно-процессуальных правоотношений является субъектом таких отношений и обладает публичным правовым статусом,

³⁸ Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. С. 512.

состоящим из совокупности абстрактных прав и обязанностей правоприменительного характера.

В сущности, все установленные в действующем законодательстве права и обязанности субъектов права во всех отраслях и сферах права выражают абстрактные способность и возможность приобрести и осуществить соответствующие права и обязанности, которые ещё предстоит реализовать в конкретных правоотношениях, и не являются реальными субъективными правом или юридической обязанностью того или иного субъекта права. При этом сами субъекты также абстрактны.

Поэтому правовой статус следователя с соответствующими абстрактными правомочиями является его праводееспособностью или правосубъектностью, которая подлежит реализации, то есть превращению в конкретные субъективные права и юридические обязанности в рамках конкретно-определённых уголовно-процессуальных отношениях.

Таким образом, абстракция права воплощается в реальность через его практическое применение.

Реальное состояние права и государства выражается в неразрывном единстве в правоприменительной деятельности, поэтому её состояние является объективным критерием для оценки сложившейся правовой и государственной действительности.

Из 140 проанкетированных в рамках настоящей работы следователей 71 % согласился с тем, что определение в УПК РФ полномочий следователя и их применение взаимосвязаны с реальной реализацией прав и обязанностей всех других субъектов уголовно-процессуальных отношений, обеспечением законности, отсутствием произвола, и только 8 % из них затруднились ответить на данный вопрос (см. Приложения 1, 2).

Согласно базовым положениям теории государства и права, «реализация норм права является осуществлением их требований посредством соответствующих форм поведения субъектов права, обусловленных характером самих правовых требований. В таком способе реализации права, как

правоприменительная деятельность, действия должностного лица по реализации им своей компетенции обусловлены и продиктованы его полномочиями, в том числе, когда оно обязано использовать предоставленные ему права»³⁹.

На основании изложенного представляется, что насколько юридически правильно и качественно определены полномочия следователя, и их правоприменение, то есть реализация данных полномочий, исполнение обязанностей, наступление ответственности, как лица, уполномоченного осуществлять предварительное следствие, настолько в предварительном следствии создаются условия для реальной реализации прав и обязанностей всех других субъектов уголовно-процессуальных отношений, обеспечение законности и отсутствие произвола⁴⁰.

Анкетирование, проведённое в рамках настоящего исследования, показало, что 55 % из 139 опрошенных следователей согласились с тем, что полномочия следователя не полностью регламентированы в УПК РФ, и только 3 % из них затруднились ответить на данный вопрос; а 69 % из всех опрошенных согласились с тем, что в УПК РФ необходима детальная регламентация полномочий следователя, и лишь два респондента затруднились ответить на данный вопрос. При этом 64 % из числа всех опрошенных согласились с тем, что существующая в УПК РФ регламентация полномочий следователя влияет на качество их работы (см. Приложения 1, 2).

В юридической науке «понятие есть мысль, выраженная в форме суждения, и как всякая мысль оно должно соответствовать отражаемой им объективной реальности. Содержание понятия составляет совокупность признаков, благодаря которой осуществляются обобщение и выделение предмета, и отражается в его определении (дефиниции). Дать дефиницию – значит назвать совокупность признаков, составляющих содержание понятия. Определения понятий

³⁹ Теория государства и права: учебник / Под ред. М.Н. Марченко. М.: Зерцало, 2013. С. 654–655.

⁴⁰ См.: Жуков Д.А. И вновь о проблемных вопросах регламентации полномочий следователя // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2018. № 3. С. 87–91.

необходимы и важны, поскольку они позволяют уточнить и конкретизировать содержание, которое автор вкладывает в соответствующее понятие. Языковой формой понятия является термин»⁴¹.

Соискатель полагает, что УПК РФ содержит значительное количество определений, однако он, как и Уголовно-процессуальные кодексы РСФСР 1922, 1923, 1960 годов, Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 года, не содержит определений понятий «полномочия», «полномочия следователя», поэтому, как правило, практические работники интерпретируют их в узком смысле, рассматривая полномочия следователя как относительно-определённый объём процессуальных прав конкретного участника уголовного судопроизводства, указанных в УПК РФ.

Из содержания норм части первой УПК РФ «Общие положения», определяющих процессуальное положение следователя, очевидно следующее.

В соответствии с п. 41 ст. 5 УПК РФ следователь – должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также иные полномочия, предусмотренные этим кодексом.

Положениями ч. ч. 1 и 2 ст. 38 УПК РФ продублировано определение понятия «следователь», указанное в п. 41 ст. 5 УПК РФ, и перечислены его полномочия, отражающие суть его процессуального положения, при этом в п. 6 отдельно указано, что следователь уполномочен осуществлять иные полномочия, предусмотренные данным кодексом. Иные статьи УПК РФ какого-либо определения понятий «полномочия», «полномочий следователя» не содержат.

Согласно ч. 3 ст. 38 УПК РФ, в случае несогласия с требованиями прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия, следователь обязан представить свои письменные возражения руководителю следственного органа, который информирует об этом прокурора.

⁴¹ Сырых В.М. История и методология юридической науки: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 291–292.

По заслуживающему внимания мнению Ю.А. Цветкова, «законодатель попытался придать статусу следователя определенность, провозгласив основным началом уголовного судопроизводства состязательность сторон, отнеся следователя к стороне обвинения и указав при этом, что функции обвинения, защиты и разрешения дела не могут быть совмещены в одном органе или возложены на одно лицо. Однако в реальности законодатель придал лишь видимость определенности статусу следователя, по существу так и не разрешив тех концептуальных противоречий, которые привели к кризису идентичности данной процессуальной фигуры»⁴².

Так, буквальная формулировка ст. 38 УПК РФ даёт основания считать полномочия следователя как его правами, так и его обязанностями.

Из 140 проанкетированных в рамках настоящей работы следователей 79 % также считают, что полномочия следователя – это его права и обязанности, и только 4 % затруднились ответить на данный вопрос (см. Приложения 1, 2).

Согласно содержанию действующего уголовно-процессуального закона, указанные в ч. 1 ст. 86 УПК РФ полномочия следователя по производству следственных и иных процессуальных действий конкретизируются в нормах, определяющих основания и порядок производства конкретных таких действий. При этом данные нормы изложены таким образом, что суждение о том, вправе или обязан следователь производить то или иное следственное действие, вызывает затруднение. Поэтому понять действительное значение полномочий следователя можно только путём толкования закреплённых в п. 41 ст. 5 и ст. 38 УПК РФ норм во взаимосвязи с уголовно-процессуальными нормами, которые детализируют их применительно к процессуальным ситуациям, решениям и действиям следователя.

Диссертант считает, что вышеописанная проблема действующего уголовно-процессуального закона отчасти является следствием необоснованного отнесения следователя к стороне обвинения, поскольку процессуальная функция

⁴² Цветков Ю.А. Кризис социально-правовой идентичности следователя и прокурора // Уголовное судопроизводство. 2014. № 1. С. 14–20.

следователя предопределяет его полномочия, то есть полномочия дают следователю способность реализовать свое предназначение.

Избежать этого, как обоснованно утверждает А.М. Багмет, невозможно, так как «ошибки есть везде, где есть труд человеческий»⁴³.

Так, 88 % из 140 проанкетированных в рамках настоящей работы следователей считают, что полномочия следователя дают ему способность реализовать своё предназначение, то есть его процессуальную функцию (см. Приложения 1, 2).

В научной среде единого подхода к понятию полномочий следователя и их содержанию также не наблюдается.

Высказано мнение, что полномочия следователя – это «предусмотренные уголовно-процессуальным законом конкретные процессуальные права на осуществление следственных и процессуальных действий, такие как производство допросов, осмотров, обысков, задержание подозреваемого, привлечение в качестве обвиняемого»⁴⁴.

Интересна позиция В.С. Чистяковой, считающей, что «объем полномочий следователя определяется совокупностью производимых им следственных действий и процессуальных решений, принимаемых при расследовании уголовного дела»⁴⁵.

Как полагает А.А. Власов, «полномочия следователя – это закрепленные в процессуальном законе возможности, позволяющие ему свободно и самостоятельно определять характер своего поведения на предварительном следствии в целях наиболее успешного выполнения возложенных на него задач, и

⁴³ Багмет А.М. Следователь – судья на досудебной стадии // Российский следователь. 2014. № 14. С. 8–9.

⁴⁴ Уголовный процесс: учебник для вузов / Под общ. ред. Лупинской П.А. М.: Юрист, 1995. С. 55.

⁴⁵ Чистякова В.С. Полномочия следователя в советском уголовном процессе: лекция. М.: Министерство высшего и среднего специального образования СССР, Всесоюзный юридический заочный институт, 1974. С. 18.

в то же время его обязанности, предписывающие ему необходимость такого поведения, которое реализует его назначение в государственном механизме»⁴⁶.

По мнению В.Д. Дармаевой, «полномочия следователя составляют центральное звено его уголовно-процессуального статуса. Закрепленные в законе полномочия следователя устанавливают границы его должного и возможного поведения. Полномочия следователя – это закрепленные в уголовно-процессуальном законе правовые возможности, позволяющие ему свободно и самостоятельно определять нормы поведения на предварительном следствии в целях наиболее успешного выполнения возложенных на него задач, и в то же время его обязанности, предписывающие ему необходимость такого поведения, которое реализует его назначение в сфере уголовного судопроизводства»⁴⁷.

Как считает С.Н. Хорьяков, полномочия следователя – это «закрепленная в действующем законодательстве возможность следователя применять государственную власть при производстве по конкретному уголовному делу»⁴⁸.

В своей монографии С.С. Телигисова также, как и С.Н. Хорьяков, определяет полномочия следователя как его возможность при осуществлении предварительного следствия применять власть государства и указывает, что «уголовно-процессуальная деятельность требует точного определения порядка функционирования, закрепления образцов поведения, которым можно и нужно следовать. В любом случае реализация следователем своих полномочий должна быть в полной мере подчинена назначению уголовного судопроизводства. Полномочия следователя являются одним из элементов процессуального статуса следователя и составляют его центральное звено. В компетенцию следователя

⁴⁶ Власов А.А. Полномочия следователя в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1979. С. 10.

⁴⁷ Дармаева В.Д. Уголовно-процессуальный статус следователя: [Электронный ресурс] автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 10–11 // Официальный сайт Российской государственной библиотеки. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003238587> (дата обращения: 16.06.2025).

⁴⁸ Хорьяков С.Н. Процессуальная самостоятельность следователя [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 15 // Официальный сайт Российской государственной библиотеки. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003284278#?page=15> (дата обращения: 16.06.2025).

входят функция и полномочия, взаимосвязь между этими элементами может устанавливаться в такой последовательности, в которой функция порождает полномочия»⁴⁹. При этом С.С. Телигисова не отождествляет полномочия с понятием прав и обязанностей.

В своей научной работе Ю.В. Францифиров и Д.В. Ванин утверждают, что полномочия следователя «представляют собой неразрывное единство его прав и обязанностей. Права органов государства по отношению к участникам процесса являются одновременно их обязанностью перед государством. Если уголовно-процессуальное законодательство предоставляет следователю право поступить определенным образом, то это является и его обязанностью перед государством поступить именно таким образом»⁵⁰.

Профессор С.Ф. Шумилин считает «системообразующими факторами уголовно-процессуальной деятельности следователя цели, то есть установленные уголовно-процессуальным законом результаты, которые должны быть получены на определенном этапе досудебного производства. Достижение целей уголовно-процессуальной деятельности следователя обеспечивается системой таких средств, как: полномочия следователя, криминалистические средства, результаты оперативно-розыскной деятельности и психолого-педагогические средства. При этом в иерархии указанных средств полномочия следователя являются основными правовыми средствами достижения целей уголовно-процессуальной деятельности следователя и занимают доминирующее положение, поскольку их реализация является единственным способом использования других средств. В свою очередь, цели являются детерминантами законодательного закрепления полномочий следователя. Это свойство целей представляет собой единственный критерий, на основании которого можно судить о способности полномочий следователя и существующего механизма их реализации выполнять функции средства

⁴⁹ Телигисова С.С. Процессуальный статус следователя как субъекта уголовно-процессуальных отношений и степень его процессуальной самостоятельности. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 46–47, 54, 65.

⁵⁰ Францифиров Ю.В. Функциональное назначение деятельности следователя и его полномочия в состязательном уголовном процессе: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 129.

достижения целей уголовно-процессуальной деятельности следователя. Полномочия следователя способны выполнять функции средств достижения целей при условии их точного законодательного закрепления»⁵¹.

Представляется, что вышеперечисленные авторы обоснованно считают полномочия следователя совокупностью его процессуальных прав и обязанностей и основными средствами достижения целей его процессуальной деятельности, так как уголовно-процессуальный закон не может ставить реализацию таких целей в зависимость от субъективного мнения конкретного следователя использовать или не использовать своё право на проведение следственных, процессуальных действий, принятие процессуальных решений.

При этом можно согласиться с предлагаемым С.Ф. Шумилиным определением полномочий следователя в том, что «это установленные уголовно-процессуальным законом права и обязанности следователя, достаточные и необходимые для возбуждения уголовного дела и установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу в целях законного и обоснованного осуществления уголовного преследования подозреваемого или обвиняемого, восстановления нарушенных преступлением прав и свобод физических и юридических лиц, а также разрешения уголовного дела путем его прекращения или направления в суд с обвинительным заключением (постановлением о возбуждении перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительной меры воспитательного воздействия или постановлением о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера)»⁵².

С таким определением полномочий следователя согласны 74 % из 140 проанкетированных в рамках настоящей работы следователей, при этом только

⁵¹ Шумилин С.Ф. Теоретические основы и прикладные проблемы механизма реализации полномочий следователя в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2010. С. 11–12 // Официальный сайт Российской государственной библиотеки. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01004613530> (дата обращения: 16.06.2025).

⁵² Шумилин С.Ф. Полномочия следователя: механизм и проблемы реализации. М.: Экзамен, 2006. С 26–27.

5 % затруднились выразить отношение к указанной дефиниции (см. Приложения 1, 2).

Однако закладывать её в уголовно-процессуальный закон представляется чрезмерным, правильнее было бы на законодательном уровне дать в ст. 5 УПК РФ определение понятия «полномочия», так как на сегодняшний день сложилась парадоксальная ситуация, когда в соответствии с п. 6 ч. 2 ст. 38 УПК РФ «следователь уполномочен иными полномочиями», а УПК РФ не содержит определения исходного понятия «полномочия».

С необходимостью включения в УПК РФ понятия «полномочия» согласны 48 % из 140 проанкетированных в рамках настоящей работы следователей, но 11 % затруднились высказаться о необходимости такого определения (см. Приложения 1, 2).

Таким образом, вследствие пробелов уголовно-процессуального закона формируется противоречивая практика, так как действия следователя на всех стадиях правоприменения в ходе предварительного следствия – «это предписанные применяемыми нормами права юридически значимые действия для определения юридического значения соответствующих фактических обстоятельств дела и принятия по нему юридического решения. Поэтому фактические и юридические аспекты правоприменения и разрешаемого правового дела тесно переплетены и совмещены на всех стадиях применения нормы права. Юридическое здесь везде должно быть обосновано фактически, а фактическое – установлено в его юридической значимости»⁵³.

Решение данной проблемы соискатель видит только в дальнейшем совершенствовании уголовно-процессуального закона по результатам обобщения и анализа практической деятельности, поэтому практическими и научными работниками предлагаются и будут вноситься предложения по усовершенствованию данного закона.

⁵³ Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. С. 489.

Представляется не теряющим актуальность мнение Ю.А. Цветкова о том, что «российский следователь, равно, как и прокурор, переживает кризис своей социально-правовой идентичности, который негативно отражается на всей правоприменительной системе»⁵⁴.

С наличием данной проблемы согласны 49 % из 140 проанкетированных в рамках настоящей работы следователей, но 19 % затруднились высказать мнение по этому поводу (см. Приложения 1, 2).

В связи с вышеизложенным предлагаем дополнить ст. 5 УПК РФ пунктом 24.1 следующего содержания: «полномочия – совокупность процессуальных прав и обязанностей участника уголовного судопроизводства, отражающая его назначение и деятельность».

С таким определением полномочий согласны 76 % из 140 проанкетированных в рамках настоящей работы следователей, и только 6 % затруднились выразить отношение к данному определению (см. Приложения 1, 2).

§ 1.2. Процессуальная самостоятельность следователя в качестве условия эффективности собирания доказательств

Из основополагающих положений теории государства и права в среде юристов общеизвестно, что в процессе развития общества, государства, права возникли и утвердились закономерности законотворчества и различные способы контроля его соответствия праву, в частности, разделение ветвей власти, система сдержек и противовесов в отношениях между различными властями. Дифференциация функций, полномочий и сфер деятельности ветвей власти составляют суть разделения власти. Взаимодействие ветвей власти и система сдержек и противовесов не могут осуществляться без соблюдения требований принципа разделения властей, установленного Конституцией Российской Федерации, чтобы не допустить смешение функций, полномочий и сфер

⁵⁴ Цветков Ю.А. Кризис социально-правовой идентичности следователя и прокурора // Уголовное судопроизводство. 2014. № 1. С. 14–20.

деятельности этих властей. В свою очередь, Конституция как основной Закон и детализирующие её положения законы своим смыслом и содержанием, не допуская нарушения принципа разделения властей, призваны соответствовать духу Права.

Сложно не согласиться с мнением известного отечественного ученого В.С. Нерсисянца о том, что «только на основе внутренне согласованной и надлежаще сбалансированной системы принципов, институтов, норм и процедур конституционализма возможно стабильное продвижение страны в направлении к правовому строю и прочному правопорядку»⁵⁵.

При этом представляет интерес и мнение Л.И. Спиридонова о том, что «теория разделения властей, несмотря на свою достаточно логичную последовательность, нигде не была воплощена в жизнь, поскольку народ не управляет государством, а следовательно, и страной. Реальная власть принадлежит индивидам, личностям-лидерам, за которых народ отдал больше голосов. Отсюда разочарование в демократии, которое вызвало к жизни доктрину, отрицающую возможность разделения властей в государстве, поскольку эта идея противоречит принципу суверенитета народа. Если народ суверенен, то принадлежащая ему власть едина и не может делиться между отдельными государственными органами. Все прочие органы государства суть не «власти» в том смысле, в котором их понимали Ш. Монтескье, И. Кант и другие, а лишь звенья в системе управления, которые выполняют исполнительские функции и действуют лишь постольку, поскольку уполномочены ассамблеей. Одного только государства как политической формы общества, как его не совершенствуй, недостаточно для обеспечения свободы граждан. Поэтому в ходе естественно-исторического развития одновременно с государством и появился другой социальный институт в виде права»⁵⁶, неотъемлемой частью которого является уголовно-процессуальное законодательство.

⁵⁵ Нерсисянец В.С. Общая теория права и государства: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. С. 354.

⁵⁶ Спиридонов Л.И. Теория государства и права. М.: Статус ЛТД+, 1996. С. 79–82.

Уголовно-процессуальный закон как совокупность юридических норм регламентирует процедуру уголовного судопроизводства, в том числе полномочия следователя и всех иных субъектов, вовлечённых в эту сферу, и является обязательным для судов, органов прокуратуры, органов предварительного следствия и органов дознания, а также иных участников уголовного судопроизводства.

Такая процедура должна быть четко обозначена, логически последовательна и не должна содержать противоречий, чтобы в процессе осуществления им своих полномочий процессуальные действия следователя давали максимально положительный результат в виде законных, обоснованных, мотивированных решений и бесспорных доказательств. В связи с этим нельзя не согласиться с И.А. Антоновым в том, что «детальная правовая регламентация профессиональной деятельности содействует выработке у следователя волевых качеств, аккуратности, честности, корректности и т. д. Однако нормативный характер деятельности может привести к привычке действовать по шаблону, прикрываясь при этом той или иной статьей уголовно-процессуального закона, инструкцией или даже распоряжением вышестоящего лица. Все это может породить равнодушие к людям и привести к формализму»⁵⁷.

Полагаем, что в настоящее время сложилась ситуация, которая приведёт к переменам в организации следственных органов Российской Федерации, поскольку текущие правовые реалии их существования и деятельности далеки от совершенства⁵⁸.

Актуальность данного утверждения, в частности, подтверждают научные взгляды, изложенные в статьях Ю.В. Козубенко, Д.П. Попова, Ю.Н. Спиридоновой, А.А. Тарасова⁵⁹.

⁵⁷ Антонов И.А. Нравственно-правовые основы уголовно-процессуальной деятельности. С-Пб.: Юридический центр Пресс. 2003. С. 174.

⁵⁸ См.: Жуков Д.А. О соотношении полномочий следователя и других участников уголовного судопроизводства и их генезис // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2019. № 1(23). С. 120–126.

⁵⁹ Козубенко Ю.В. О роли уголовного преследования в структуре межотраслевого механизма уголовно-правового регулирования // Российский юридический журнал. 2021. № 6. С. 55–63;

Ю.А. Андриенко в своей научной работе полагает, что «наличие у следователя процессуальной независимости и самостоятельности выступает объективным и необходимым условием надлежащего обеспечения законного и своевременного производства по уголовному делу. Это возможно в случае наделения следователя статусом представителя судебной власти»⁶⁰.

По нашему мнению, утверждение о процессуальной самостоятельности следователя по-прежнему спорно. Но при этом следователь несёт персональную ответственность за все допущенные им процессуальные нарушения.

В научной среде высказано обоснованное мнение о том, что в результате реформы досудебного производства 7 сентября 2007 года особенностью современной уголовно-процессуальной регламентации досудебного производства по уголовным делам, существенно отличающей его от советской модели предварительного расследования, является то, что органом предварительного следствия выступает теперь не следователь, а следственный орган. Действующее уголовно-процессуальное законодательство попросту не наделяет следователя объёмом полномочий, который позволил бы ему единолично расследовать и направить прокурору оконченное уголовное дело⁶¹.

При совершенствовании отечественного уголовно-процессуального законодательства не в полной мере учитываются законодателем ранее сформулированные и изложенные, в частности, ещё в УПК РСФСР 1960 года, положения, а также рекомендации, выработанные современной практикой, которые не вступают в противоречие с действующими принципами уголовного судопроизводства, в том числе с принципом состязательности.

Попов Д.П. Самостоятельность следователя: проблемные аспекты определения правовой сущности и функционального назначения // Российский следователь. 2020. № 11. С. 19–23; Спиридонова Ю.Н. Актуальные вопросы досудебного производства в уголовном процессе России // Российский следователь. 2019. № 1. С. 26–28; Тарасов А.А. Рациональное и иррациональное в дискуссиях о развитии российского уголовного процесса // Журнал российского права. 2023. № 3. С. 100–112.

⁶⁰ Андриенко Ю.А. Обеспечение следователем быстроты и полноты предварительного следствия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2022. С. 11, 19–20.

⁶¹ Дикарев И.С. Коллегиальность предварительного следствия // Законность. 2021. № 9. С. 65–67.

При этом, несмотря на введение принципа состязательности в УПК РФ, следователи по-прежнему относятся к стороне обвинения, при этом они «совмещают на стадии предварительного расследования в себе то, что нельзя совмещать, считая уголовный процесс состязательным, поэтому объективный состязательный процесс предполагает наличие только судебного следствия»⁶².

К тому же представляется, что действующее уголовно-процессуальное законодательство содержит нормы, препятствующие полноценной реализации следователем своих полномочий. Так, несмотря на то, что законодатель отнёс следователя к стороне обвинения и возложил на него обязанность уголовного преследования, в УПК РФ отсутствуют полномочия следователя по участию в судебных заседаниях при рассмотрении его ходатайств в ходе досудебного производства.

И если с необходимостью регламентации полномочий следователя в судебных заседаниях при рассмотрении его ходатайств согласны только 42 % из 189 проанкетированных в рамках настоящей работы следователей, а 6 % затруднились высказаться по этому поводу, то за право следователя обжаловать вынесенное по результатам рассмотрения его ходатайства решение судьи высказались 85 % из всего числа опрошенных и только два из них затруднились выразить своё мнение по этому вопросу (см. Приложения 1, 2)⁶³.

Поэтому необходимо дополнить ч. 3 ст. 165 УПК РФ о праве прокурора, следователя и дознавателя участвовать в судебных заседаниях при рассмотрении ходатайств в ходе досудебного производства следующим положением:

«Указанные участники уголовного судопроизводства в ходе судебного заседания вправе заявлять ходатайства, делать заявления и давать пояснения по существу рассматриваемого ходатайства.

⁶² Середнев В.А. К вопросу о роли и статусе следователя в российском уголовном процессе [Электронный ресурс] // Российский следователь. 2017. № 1. СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 16.06.2025).

⁶³ См. также: Жуков Д.А. О соотношении полномочий следователя и других участников уголовного судопроизводства и их генезис // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2019. № 1(23). С. 120–126.

Следователь с согласия руководителя следственного органа, а дознаватель с согласия прокурора вправе обжаловать вынесенное по результатам рассмотрения ходатайства решение судьи в течение 3 суток с момента его вынесения».

Полагаем, что процессуальная самостоятельность следователя является базой его деятельности в ходе досудебного производства и элементом его процессуального статуса.

Наделение следователя процессуальной самостоятельностью в ходе предварительного расследования – необходимое условие осуществления его полномочий. Не имея такой свободы, следователь не может качественно реализовывать свои установленные уголовно-процессуальным законом полномочия.

Предусмотренная законом самостоятельность следователя по смыслу закона напрямую связана с его полной ответственностью за своевременное проведение необходимых следственных действий и принятие соответствующих процессуальных решений при соблюдении установленной законом процедуры.

Так, ранее ст. 127 УПК РСФСР 1960 года «Полномочия следователя» было определено, что следователь самостоятелен в организации предварительного следствия, и несёт за его законность и своевременность всю полноту ответственности. Исключения составляли случаи, когда было необходимо получение санкции прокурора, при этом инициатива её получения всё равно первоначально исходила от следователя.

Как видно из текста указанной статьи, формулировка «следователь несет полную ответственность за законное и своевременное проведение следственных действий» напрямую закрепляла ответственность следователя, который не только обладает процессуальными правами и обязанностями, но и несёт полную ответственность за ненадлежащее осуществление своих процессуальных полномочий.

Соискатель присоединяется к мнению В.Д. Дармаевой о том, что «отсутствие нормы, устанавливающей ответственность следователя за ненадлежащее исполнение своих полномочий, может существенно снизить

требования следователя к результатам своей деятельности»⁶⁴, и соглашается с мнением В.М. Быкова о том, что «процессуальная самостоятельность следователя при производстве предварительного следствия предполагает одновременно и его полную ответственность за качественное и своевременное расследование по уголовному делу»⁶⁵.

Представляется, что отсутствие базовой нормы, устанавливающей ответственность следователя за ненадлежащее исполнение своих полномочий, пусть и декларативной по своему содержанию, негативно влияет на самооценку следователем результатов своей деятельности, в связи с чем необходимо дополнить п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ следующим положением: «следователь несет ответственность за законное и своевременное осуществление своих полномочий, принятие процессуальных решений, выполнение следственных и иных процессуальных действий»⁶⁶.

Также из содержания ст. 127 УПК РСФСР 1960 года очевидно, что прокурор был во главе стороны обвинения в уголовном судопроизводстве, и его полномочиями ограничивалась процессуальная самостоятельность следователя.

Действующий уголовно-процессуальный закон определяет трёх участников уголовного судопроизводства, которые имеют полномочия по ограничению процессуальной самостоятельности следователя.

Так п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ прямо указывает, что «следователь уполномочен самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением

⁶⁴ Дармаева В.Д. Уголовно-процессуальный статус следователя: [Электронный ресурс] автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 22 // Официальный сайт Российской государственной библиотеки. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003238587> (дата обращения: 16.06.2025).

⁶⁵ Быков В.М. О процессуальной самостоятельности следователя в Российском уголовном процессе // Российская юстиция, 2017. № 8. С. 61.

⁶⁶ См.: Жуков Д.А. К вопросу о проблемах регламентации полномочий следователя // Следственная деятельность: проблемы, их решение, перспективы развития : Мат-лы Межвуз. молодёжной науч.-практ. конф., Москва, 08 декабря 2017 года / Под общ. ред. А.М. Багмета. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2018. С. 128–131.

случаев, когда требуется получение судебного решения или согласия руководителя следственного органа».

Кроме того, в соответствии со ст. 38 УПК РФ, прокурор к осуществлению надзора за следствием, как отмечает В.В. Горюнов в своей статье, «должен был «подключаться» лишь в тех случаях, когда не срабатывала система ведомственного контроля»⁶⁷.

Разделение полномочий прокурора, которыми он обладал по УПК РСФСР 1960 года, в действующем уголовно-процессуальном законодательстве, с дублированием полномочия прокурора и руководителя следственного органа о возврате уголовного дела следователю со своими указаниями о производстве дополнительного расследования, диссертанту, как практическому работнику, представляется не вполне обоснованным. При этом в осуществлении ведомственного контроля принимает участие инспектор процессуального контроля, о котором УПК РФ не упоминает.

В результате в реальности следователю, чтобы предъявить обвинение или принять итоговое процессуальное решение по делу, необходимо пройти процедуру многочисленных согласований с должностными лицами, осуществляющими контроль и надзор за его деятельностью, не осведомлёнными о всех обстоятельствах расследования, и даже не наблюдавшими лиц, с которыми следователь общался лично.

Представляется, что всё это было осуществлено в угоду формирующейся в современных политических условиях системе сдержек и противовесов с учётом реорганизации прокуратуры и выделения из её системы Следственного комитета в качестве самостоятельного органа.

Как отмечает Б.Я. Гаврилов, целью этих изменений было улучшение качества расследования⁶⁸.

⁶⁷ Горюнов В.В. Процессуальная самостоятельность следователя в свете реформы следственного аппарата // Российский следователь. 2012. № 19. С. 13.

⁶⁸ Гаврилов Б.Я. Прокурор в современном уголовном судопроизводстве: позиция ученого и мнение правоприменителя // Российская юстиция. 2020. № 3. С. 33–39.

Однако в научной среде в результате указанной реформы отмечается, что вопросы процессуальной самостоятельности следователя носят комплексный характер и не могут быть разрешены только путём пересмотра объёма полномочий следователя и корреспондирующих им полномочий суда, прокурора и руководителя следственного органа. Недопустимо построение модели предварительного следствия, в которую изначально закладывается возможность возникновения противоречий между взаимодействующими субъектами одного и того же следственного органа, с разрешением этих противоречий путём властного подчинения убеждения следователя позиции руководителя следственного органа. В 2001 году с принятием УПК РФ произошло ограничение процессуальной самостоятельности следователя в пользу прокурора, а затем – дальнейшее умаление процессуальной самостоятельности следователя, а также роли прокурора, в пользу нового участника уголовного судопроизводства – руководителя следственного органа⁶⁹.

Также указывается на сложившийся конфликт полномочий руководителя следственного органа и прокурора, для разрешения которого на данный момент ещё не создан стабильный правовой и процессуальный механизм, который включает в себя особенности организации процессуальной деятельности по установлению вида нарушений в деятельности подчинённых следователей, руководителей следственных органов, контроль за соблюдением установленных сроков предварительного расследования, участие в рассмотрении жалоб на незаконные действия (бездействие) и решения следователя⁷⁰.

Представляется, что упоминаемый С.А. Минаевой «конфликт полномочий» мог бы и не возникнуть. В этой связи чрезвычайно интересным и близким к реалиям практики является мнение, которое последовательно отстаивает в своих многочисленных работах Б.Я. Гаврилов, заключающееся в исключении

⁶⁹ Огородов А.Н. Процессуальная самостоятельность следователя в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 9–10, 14, 20.

⁷⁰ Минаева С.А. Процессуальная деятельность руководителя следственного органа по обеспечению законности в досудебном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 12.

процедуры возбуждения уголовного дела, поскольку началом производства по уголовному делу должна служить не процессуальная норма о его возбуждении, а заявление, сообщение о преступлении и, соответственно, – уголовно-процессуальные нормы о возбуждении уголовного дела и об отказе в его возбуждении из УПК РФ должны быть исключены⁷¹. Аналогичную позицию отстаивает в своей научной работе О.А. Малышева⁷².

Продолжая своё исследование, автор отмечает, что согласно ст. 121 УПК РСФСР 1922 года и ст. 118 УПК РСФСР 1923 года надзор за производством предварительного следствия осуществляется прокурором, который вправе знакомиться с актами предварительного следствия и давать указания следователю о направлении и дополнении следствия. Указания, сделанные прокурором, обязательны для следователя.

Что касается окончания расследования, то УПК РСФСР 1922 года и УПК РСФСР 1923 года одинаково определяли, что прекращение уголовного дела, утверждение обвинительного заключения является прерогативой суда, прокурор при этом мог согласиться с предлагаемым следователем дальнейшим направлением дела в суд для его прекращения или утверждения обвинительного заключения по делу, либо возражать против прекращения дела или предания обвиняемого суду в распорядительном заседании суда, возвратить дело, поступившее с обвинительным заключением, следователю для дополнительного следствия с обязательными для исполнения указаниями, либо составить новое обвинительное заключение по делу.

⁷¹ Гаврилов Б.Я. Уголовно-процессуальное законодательство России: соответствует ли оно научной мысли и реалиям правоприменения? // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 3. С. 77–82; Гаврилов Б.Я. Стадия возбуждения уголовного дела: современное состояние и перспективы совершенствования // Пенитенциарная наука. 2016. № 3. С. 17–23; Гаврилов Б.Я. Концепция начала производства по уголовному делу: законодательные мифы и реалии правоприменения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 2. С. 35–50; Божьев В.П. Критика современного УПК РФ: обоснованность, научность, прикладной характер // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 16–22.

⁷² Малышева О.А. Досудебное производство в Российском уголовном процессе: проблемы реализации и правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 29.

Также в случае несогласия с постановлением прокурора по результатам рассмотрения жалобы на следователя последний имел право обжаловать его в суд. И это было правильно, так как можно провести десятки совещаний и обсуждений с сотрудниками прокуратуры вопросов обоснованности и законности возбуждения уголовного дела, предъявления обвинения и последующего направления уголовного дела прокурору для утверждения обвинительного заключения, но это не исключит возможности возвращения прокурором уголовного дела для дополнительного расследования.

В период действия УПК РСФСР 1960 года с учётом концентрации только у прокурора полномочий по надзору за осуществлением оперативно-разыскной деятельности и предварительным расследованием и полномочий по поддержанию государственного обвинения в суде, он мог полностью влиять на ход раскрытия преступлений и расследования, вследствие чего имелаась пусть и противоречивая в части осуществления уголовного преследования, но просуществовавшая 40 лет система правоохранительных органов.

Поэтому сложно не согласиться с утверждением С.Ю. Лапина о том, что «следователю надо доверять, раз он наделен такими властными полномочиями»⁷³. При этом в период существования описанной выше системы рациональные по содержанию и своевременные указания способствовали повышению квалификации следователя и помогали ему в расследовании.

Близкими к полномочиям прокурора были регламентированные в ст. 127.1 УПК РСФСР 1960 года полномочия начальника следственного отдела. Разница заключалась в том, что последний, в отличие от прокурора, не был уполномочен санкционировать какие-либо следственные решения, а также отменять решения следователя, которые он считает незаконными и необоснованными, рассматривать жалобы на следователя.

Следует отметить, что в научной среде уже тогда отстаивалась точка зрения, что положения ст. 127.1 УПК РСФСР 1960 года, согласно которым работу

⁷³ Лапин С.Ю. Интервью: Прокурор – следователь: революция началась [Электронный ресурс] // ЭЖ-Юрист. 2007. № 26. СПС КонсультантПлюс.

следователя, кроме прокурора, контролирует ещё и начальник следственного отдела, наделённый широкими процессуальными полномочиями, «не согласуются с природой предварительного следствия и теорией соотношения следственной, прокурорской и судебной власти»⁷⁴. Кроме того, укрепление процессуальной самостоятельности следователя несовместимо с широкими процессуальными полномочиями начальника следственного отдела, так как последний, прежде всего, должен выступать в качестве организатора работы следователя⁷⁵.

Неслучайно уже в Концепции судебной реформы РСФСР отмечалось, что «самостоятельность следователя и его личная ответственность за проведение следствия должны отличать следователя от чиновника администрации – они являются необходимыми условиями успешности и законности расследования дела. Провозглашенная законом процессуальная самостоятельность следователя является декларацией, лишенной реальных гарантий»⁷⁶.

Описанная в Концепции ситуация в следственных подразделениях сохраняется и в настоящее время. Состав следователей постоянно обновляется, что, естественно, негативно сказывается на качестве предварительного следствия.

Поэтому соискатель частично согласен с мнением В.В. Горюнова, изложенным выше, в том, что следователь не готов к своей процессуальной самостоятельности, и её усиления не произошло, так как реформа следственного аппарата привела к простому переподчинению следователя от прокурора руководителю следственного органа⁷⁷ и, исходя из существующей организации контроля и надзора, начинающий следователь никогда не будет чувствовать себя процессуально самостоятельным и не сможет умело распоряжаться этим

⁷⁴ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / Под общ. ред. В.М. Савицкого, Б.Т. Безлепкина, П.А. Лупинской. М.: Проспект, 2000. С. 219.

⁷⁵ Уголовный процесс: учебник для вузов / Под общ. ред. Лупинской П.А. М.: Юрист, 1995. С. 58.

⁷⁶ Глава 5, раздел 2 Концепции судебной реформы РСФСР, одобренной Постановлением Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 года № 1801 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 16.06.2025).

⁷⁷ Горюнов В.В. Процессуальная самостоятельность следователя в свете реформы следственного аппарата // Российский следователь. 2012. № 19. С. 13–16.

элементом своего процессуального статуса, а опытный будет умело лавировать до своего увольнения.

Результаты анкетирования, проведённого в процессе настоящего исследования, показали, что на вопрос о том, обладает ли в действительности следователь процессуальной самостоятельностью, отрицательно ответили 66 % из 189 опрошенных следователей, при этом 59 % из указанного количества также отрицают, что существующая система ведомственного, судебного контроля и прокурорского надзора положительно влияет на работу следователя, и только 4 % затруднились выразить своё мнение по этим вопросам (см. Приложения 1, 2).

Подводя итог изложенному, соискатель приходит к выводу об обоснованности мнения Ю.А. Цветкова о том, что с 7 сентября 2007 года процессуальная самостоятельность следователя становится второстепенной, при этом на первый план выходит независимость самого предварительного следствия, что должно повлечь его отделение от органов исполнительной власти и превращение в самостоятельную следственную власть⁷⁸. Так, «ведёт следствие» не следственный орган, а конкретный человек, состоящий в определённой должности, поэтому «следователь должен быть избавлен от функции уголовного преследования, которая всегда будет «подавлять» функцию объективного и всестороннего исследования обстоятельств дела»⁷⁹.

После вступления в действие УПК РФ, как считает Г. Королев, реальное воплощение конституционного принципа разделения властей предполагает такую законодательную регламентацию общественных отношений и определения компетенции государственных органов, при которых исключаются следующие условия: возложение одних и тех же функций на государственные органы, относящиеся к различным ветвям власти; необходимость санкционирования

⁷⁸ Цветков Ю.А. Процессуальная самостоятельность следователя в современной парадигме досудебного производства // Российский следователь. 2014. № 14. С. 52–56.

⁷⁹ Маслов И. Реформа досудебного производства // Законность. 2008. № 7. С. 19–20.

решения, принятого полномочным представителем какого-либо государственного органа, должностным лицом или государственным органом иной ветви власти⁸⁰.

В действующем уголовном судопроизводстве признак самостоятельности реализован только в отношении суда, который ни при каких условиях не обязан согласовывать, санкционировать, утверждать свои решения, например, с должностным лицом администрации, курирующим правовые вопросы, на территории которой располагается суд.

Автор придерживается мнения о том, что, исходя из принципа разделения властей следователь как должностное лицо, не должен согласовывать, санкционировать или утверждать свои решения, за исключением ведения следствия по делам о лицах с особым правовым статусом. Возможно это произойдёт, когда все следователи будут объединены в составе единого самостоятельного следственного органа, и, как предлагает Ю.А. Цветков, с обязательным правовым урегулированием участия следователя в судебном заседании по рассмотрению дела по существу⁸¹, либо при включении в состав соответствующих судов, поскольку они и так «работали и работают на суд» и будут осуществлять исключительно отстаиваемую автором функцию исследования всех обстоятельств преступления, ведь если «преследователю (обвинителю) важно изобличение и последующее осуждение изобличенного, то исследователю – только установление объективной истины. Поэтому объективное расследование само по себе должно быть для следователя положительным результатом его деятельности вне зависимости от окончательного решения по существу дела»⁸².

В свою очередь, органы прокуратуры как были стороной обвинения, так и будут оставаться ею и обеспечивать поддержание государственного обвинения в

⁸⁰ Королев Г. Реорганизация досудебного производства: проблемы и перспективы // Законность. 2008. № 1. С. 6–10.

⁸¹ Цветков Ю.А. Следователь в судебном процессе // Российская юстиция. 2013. № 3. С. 58–60.

⁸² Маслов И.В. От Следственного комитета к единому органу расследования // Законность. 2012. № 3. С. 41.

суде, а также, как исторически сложилось, продолжать осуществлять надзор за исполнением законов во всех сферах жизни нашего общества.

Отметим, что 53 % из 189 проанкетированных нами следователей согласились с необходимостью дальнейшего отделения следствия в виде судебного следователя или создания единого следственного органа, при этом 64 % считают себя готовыми к работе судебного следователя или следователя единого следственного органа, и только 5 % затруднились высказать своё мнение (см. Приложения 1, 2).

Вопросы конкретной организации системы сдержек и противовесов при таком разделении следственной, обвинительной и судебной властей заслуживают изучения в рамках не одной диссертации, о чём свидетельствует содержание изученных в рамках настоящего исследования научных работ С.М. Кузнецовой, А.Н. Огородова, С.А. Минаевой, И.В. Чечулина, У.В. Садиоковой о соотношении полномочий следователя, руководителя следственного органа и прокурора, поиске баланса между ними.

Важно, чтобы это было воплощено в жизнь рационально, практично и с учётом исторического опыта.

Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2017 года № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)»⁸³ определено, что согласия руководителя вышестоящего следственного органа на направление в суд ходатайства о производстве следственного действия, возбуждённого перед судом руководителем следственного органа, принявшим уголовное дело к своему производству, не требуется, так как, будучи ответственным за деятельность следственного органа, который он возглавляет, руководитель должен обладать возможностью непосредственно участвовать в принятии ключевых решений. А принимая уголовное дело к своему производству, он также несёт ответственность

⁸³ [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 16.06.2025).

за результаты расследования, только осуществляя весь объём процессуальной деятельности лично и самостоятельно.

В научной литературе отстаивается альтернативная точка зрения о том, что руководитель следственного органа в целях объективности расследования обязан получать согласие вышестоящего руководителя следственного органа на обращение в суд с ходатайствами о разрешении следственных действий⁸⁴.

Поисковый характер работы следователя и многообразие ситуаций, от которых зависит направление предварительного следствия, обуславливают и определённый простор для принятия процессуальных решений. Необходимость учёта ситуации при выборе наиболее эффективного решения требует предоставления следователю свободы действий в рамках, установленных процессуальным законом⁸⁵.

Не оспаривая необходимость фактического и процессуального руководства следователями, а также научную позицию И.В. Чечулина о реализации процессуальных полномочий руководителя следственного органа в досудебном производстве, необходимо обратить особенное внимание на утверждение автора о том, что «процессуальные полномочия руководителя следственного органа необходимо рассматривать не в контексте ограничения процессуальной самостоятельности следователя, а как средство обеспечения эффективности их совместной процессуальной деятельности по достижению общих задач и назначения уголовного судопроизводства. Дача согласия на производство процессуальных действий, требующих судебного решения в числе других полномочий руководителя следственного органа, могут ограничивать процессуальную независимость (самостоятельность) следователя лишь при

⁸⁴ Садиокова У.В. Процессуальные полномочия руководителя следственного органа: теория и практика реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 15.

⁸⁵ См.: Жуков Д.А. Об использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 2. С. 133–139.

условии их направленности на обеспечение законности, всесторонности и объективности расследования»⁸⁶.

С.М. Кузнецова в своей научной работе, защищённой до реформы 7 сентября 2007 года, предлагала ликвидировать процедуру согласования с прокурором следственных действий и процессуальных решений, которые может принимать только суд, сохранив обязанность следователя уведомлять прокурора о принятых решениях и право прокурора на участие в судебном разбирательстве при рассмотрении соответствующих ходатайств⁸⁷.

О.А. Малышева в своей диссертации настаивает на том, что в целях расширения процессуальной самостоятельности следует отказаться от согласования следователем с руководителем следственного органа процессуальных решений о производстве отдельных следственных действий, которые следователь проводит с согласия суда⁸⁸.

А.Н. Огородов считает, что необходимо лишить руководителя следственного органа неоправданно широких процессуальных полномочий по контролю за деятельностью следователя, так как они должны быть направлены, прежде всего, на организацию расследования⁸⁹.

Полагаем, что процессуальную самостоятельность следователя составляют нормы, которые регламентируют его полномочия и обеспечивают реализацию его инициативы по ведению предварительного следствия. Система норм, регламентирующих процессуальную самостоятельность следователя, должна содержать и процессуальные нормы, являющиеся правовыми гарантиями свободы осуществления его полномочий, в том числе в отсутствие объективной возможности получения согласия его руководителя при организации проведения процессуальных действий. Следователь наиболее осведомлён о собранных

⁸⁶ Чечулин И.В. Процессуальные полномочия руководителя следственного органа и их реализация в досудебном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 10–11.

⁸⁷ Кузнецова С.М. Следователь в состязательном досудебном производстве по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2005. С. 8, 13–14.

⁸⁸ Малышева О.А. Досудебное производство в Российском уголовном процессе: проблемы реализации и правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 39, 40.

⁸⁹ Огородов А.Н. Процессуальная самостоятельность следователя в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 10, 23.

доказательствах, поэтому у него должна быть возможность самостоятельно отстаивать перед судом необходимость проведения следственного действия и принятия процессуального решения.

Поэтому в действующем уголовно-процессуальном законе необходимо регламентировать полномочие следователя на обращение в суд с ходатайством для получения разрешения на проведение следственных действий и в отсутствие согласия руководителя следственного органа⁹⁰, о чём внести изменения в ч. 1 ст. 165 УПК РФ.

Такое полномочие необходимо следователю в первую очередь в зоне боевых действий, где имеются, например, проблемы со связью или транспортным сообщением, которые могут создать препятствия для соблюдения установленных законом временных и иных процессуальных формальностей.

Кроме того, исходя из масштабов территории Российской Федерации, климатических условий и вытекающих из этого особенностей проживания, в текущей ситуации кадровой нестабильности, когда довольно часто происходит смена следователей, руководителей следственного органа, полномочие следователя на обращение в суд с ходатайством для получения разрешения на проведение следственных действий и в отсутствие согласия руководителя следственного органа, по нашему мнению, также представляется объективной необходимостью.

Согласно действующему уголовно-процессуальному закону постановления о возбуждении уголовного дела, о привлечении в качестве обвиняемого следователь не обязан ни с кем согласовывать, несмотря на их значительную юридическую силу и последующее ограничение конституционных прав, так как он является непосредственным правоприменителем закона, его деятельность носит государственный характер, и он осуществляет применение норм уголовно-процессуального права, находящих выражение во властных решениях.

⁹⁰ См.: Жуков Д.А. О полномочиях следователя по собиранию доказательств // Законодательство. 2020. № 7. С. 55–60.

С учётом этого соискатель также акцентирует внимание на том, что УПК РФ не содержит ни одной нормы, которая бы обязывала следователя или иное лицо, уполномоченное вести расследование, подписывать свои решения в форме постановлений.

Отсутствие в уголовно-процессуальном законе обязанности визировать своей подписью принятое решение должностным лицом, уполномоченным вести как расследование, так и судебное производство, является недопустимым с практической точки зрения.

В связи с чем необходимо дополнить определение, указанное п. 33 ст. 5 УПК РФ «процессуальное решение – решение, принимаемое судом, прокурором, следователем, органом дознания, начальником органа дознания, начальником подразделения дознания, дознавателем в порядке, установленном настоящим Кодексом», фразой «подписанное принявшим такое решение лицом».

Представляется, что процессуальная самостоятельность при осуществлении полномочий следователя – это неотъемлемое условие беспристрастности доказывания.

«Доказывание – это осуществляемая в процессуальных формах деятельность органов расследования, прокурора и суда с участием других субъектов процессуальной деятельности по собиранию, закреплению, проверке и оценке фактических данных, необходимых для установления истины по уголовному делу и решения задач уголовного судопроизводства»⁹¹.

Доказывание в уголовном процессе, как уголовно-процессуальное познание обстоятельств уголовного дела, не имеет чётких границ, поскольку доказательства собираются, проверяются и оцениваются, что служит основанием для сбора новых доказательств, которые также проверяются и оцениваются, таким образом, процесс доказывания происходит непрерывно.

Объект исследования, то есть предмет доказывания в уголовном процессе, конкретизирован и обозначен в законе в виде обстоятельств, подлежащих

⁹¹ Теория доказательств в советском уголовном процессе / Отв. ред. Н.В. Жогин, изд. 2-е испр. и доп. М.: Юридическая литература, 1973. С. 298.

доказыванию по уголовному делу, и частных обстоятельств, установление которых необходимо для принятия решений, обеспечивающих правильное и наиболее эффективное осуществление уголовного судопроизводства⁹².

Как указано выше, соискатель отстаивает точку зрения о том, что следователь осуществляет функцию исследования всех обстоятельств преступления, то есть в каждом конкретном случае следователь, если кратко, должен «разобраться по существу преступления».

Если процессуальная функция выражает основную цель деятельности следователя, то полномочия выступают в качестве средств достижения этой цели. Средства осуществления следователем данной функции, то есть его полномочия, представляют собой совокупность предусмотренных законом способов собирания, проверки и оценки фактических данных, на основе которых устанавливается предмет доказывания.

«Под предметом доказывания обычно понимается комплекс обстоятельств, установление которых дает возможность правильно разрешить уголовное дело, а под пределами доказывания – круг, объем конкретных доказательств и следственных действий, необходимых для установления искомых обстоятельств»⁹³.

Проблема доказывания заключается в том, что его целью является установление объективной истины, то есть такого содержания человеческих знаний, которое правильно отражает объективную реальность, независимо от конкретного субъекта. Установить истину значит познать произошедшее событие и все обстоятельства, как они произошли в действительности. Это достигается не всегда, что обуславливает невозможность раскрыть все без исключения преступления. Для этого необходимо всесторонне, полно и объективно исследовать обстоятельства преступления, однако в настоящее время УПК РФ в

⁹² Гуляев А.П. Следователь в уголовном процессе. М.: Юридическая литература, 1981. С. 114–115.

⁹³ Очерк развития науки советского уголовного процесса / Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д.; Науч. ред.: Алексеев Н.С. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1980. С. 152.

отличие от УПК РСФСР 1960 года не содержит требования об этом, что подрывает принцип законности в уголовном судопроизводстве⁹⁴.

Проведённое всесторонне, полно и объективно предварительное следствие создаёт условия для вынесения законного, обоснованного и справедливого приговора. Если следователь провёл расследование, не вдаваясь в детали и не используя имеющиеся в его распоряжении средства и способы собирания доказательств, это, как правило, создаёт предпосылки для вынесения незаконного приговора.

Не следует забывать, что закреплённый в законе порядок производства следственных и иных процессуальных действий имеет нравственную основу, так как он подчинен цели всестороннего, полного и объективного расследования. А эта цель служит справедливому разрешению дела, выражающемуся как в изобличении и наказании виновных в совершении преступления, так и в реабилитации необоснованно привлечённых к уголовной ответственности⁹⁵.

Как отмечает А.Р. Ратинов, «Лицо, производящее расследование, направляет свою деятельность на выяснение истины, принимая то или иное решение, в зависимости от результатов полного, объективного, всестороннего исследования обстоятельств дела. Следователь ищет конечный вывод в ходе собирания и проверки доказательств, а не отстаивает заранее сформулированный тезис»⁹⁶.

Процесс доказывания начинается с собирания доказательств, в ходе которого следователь обладает возможностью познания имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела обстоятельств и фактов и формирования образов о них у лиц, осуществляющих уголовно-процессуальное доказывание. Такое познание может быть непосредственным, например, в ходе

⁹⁴ Рябина Т.К. Общие проблемы уголовного судопроизводства: монография. Старый Оскол: ТНТ, 2015. С. 59–60.

⁹⁵ Москалькова Т.Н. Этика уголовно-процессуального доказывания (стадия предварительного расследования). М.: СПАРК, 1996. С. 40.

⁹⁶ Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М.: Юрлитинформ, 2001. С. 58.

проведения осмотра места происшествия или освидетельствования, и опосредованным, в частности, в ходе допроса свидетеля или потерпевшего.

В общей форме ст. 86 УПК РФ определяет полномочия следователя и иных «властных субъектов доказывания по собиранию доказательств»⁹⁷. Полномочия следователя по собиранию доказательств в ходе уголовного судопроизводства воплощаются в практической деятельности путём проведения в большей степени следственных действий, а также и иных процессуальных действий, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством. Как обоснованно в своей работе утверждает О.Д. Жук, «закрепляя это положение, законодатель последовал за практикой, поскольку именно на следственные действия приходится наибольший удельный вес материалов уголовного дела»⁹⁸.

Совокупность всех предусмотренных УПК РФ следственных действий, перечень которых является исчерпывающим, формирует систему следственных действий, которая имеет конечную цель формирования доказательств и единые познавательную основу и принципы правового регулирования.

Однако, как отмечал М.С. Строгович, системой следственных действий предварительное следствие не исчерпывается, поскольку в различных процессуальных актах следователь выражает свои решения по возникающим при расследовании дела вопросам и формулирует свои выводы⁹⁹.

Эту позицию отстаивает и В.С. Чистякова: «Объем полномочий следователя определяется совокупностью производимых им следственных действий и принимаемых при расследовании уголовного дела процессуальных решений»¹⁰⁰.

Реализация полномочий следователя является гарантией законности и обоснованности процессуальных решений и даёт ему возможность в пределах установленной законом компетенции (совокупности полномочий) самостоятельно

⁹⁷ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. А.И. Бастрыкина. М.: Волтерс Клувер, 2008. С. 226.

⁹⁸ Жук О.Д. Особенности производства следственных действий по уголовным делам об организации преступного сообщества [Электронный ресурс] // Законодательство и экономика. М., 2003, № 11. СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 16.06.2025).

⁹⁹ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Том 2. М.: Наука, 1970. С. 100.

¹⁰⁰ Чистякова В.С. Полномочия следователя в советском уголовном процессе: Лекция // Министерство высшего и среднего специального образования СССР: ВЮЗИ. М., 1974. С. 20.

формулировать выводы и суждения на основе проверенных и достоверных доказательств¹⁰¹.

В соответствии со ст. 70 УПК РСФСР 1960 года лицо, производящее дознание, следователь, прокурор и суд вправе по находящимся в их производстве делам вызывать в установленном порядке любое лицо для допроса или для дачи заключения в качестве эксперта; производить осмотры, обыски и другие следственные действия; требовать от предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц и граждан представления предметов и документов, с помощью которых можно установить необходимые по делу фактические данные, и восстановления бухгалтерского учёта за счёт собственных средств; требовать производства ревизий и документальных проверок.

Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 года содержали только ч. 2 ст. 16, определяющую, что доказательства устанавливаются: показаниями свидетеля, показаниями потерпевшего, показаниями подозреваемого, показаниями обвиняемого, заключением эксперта, вещественными доказательствами, протоколами следственных и судебных действий и иными документами.

В ст. 63 УПК РСФСР 1922 года и ст. 59 УПК РСФСР 1923 года указывалось, что порядок собирания, хранения и рассмотрения вещественных доказательств и письменных документов определяются правилами уголовно-процессуального кодекса¹⁰².

Согласно ст. 266 Устава уголовного судопроизводства 1864 года, судебный следователь должен своевременно принимать меры, необходимые для собирания доказательств.

В главе девятой «О протоколах предварительного следствия» Устава регламентировалось составление протоколов «о каждом из главных действий

¹⁰¹ Францифиров Ю.В. Функциональное назначение деятельности следователя и его полномочия в состязательном уголовном процессе: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 133.

¹⁰² См.: Жуков Д.А. О проблеме допустимости свидетельских показаний в уголовном судопроизводстве // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2019. № 2. С. 178–184.

следствия», в которых должны быть отражены их суть, сведения об участниках, о времени и месте проведения следственного действия, подписи участвовавших в следственном действии лиц. В соответствии со ст. 473 Устава, постановления следователя должны быть подписаны.

Соискатель полагает, что УПК РФ, как и ранее действовавшие на территории России источники уголовно-процессуального законодательства, не раскрывает содержание понятия «собираание доказательств», что создаёт основу для обоснования различных определений данного понятия и сформировавшегося неоднозначного подхода к процессу собирания доказательств.

Так, в «Теории доказательств в советском уголовном процессе» понятием собирания доказательств охватывается их поиск (розыск), обнаружение и получение (извлечение) содержащейся в них информации органом расследования и судом. Основным содержанием способов собирания и проверки доказательств как раз и являются познавательные приёмы и операции, посредством которых осуществляется получение необходимой информации и передача её адресатам доказывания. Следственные действия представляют собой приспособленные к получению и передаче определённого вида информации комплексы познавательных и удостоверительных приёмов, операций по собиранию и проверке доказательств, предусмотренные процессуальным законом в виде правил, и осуществляемые непосредственно следователем¹⁰³.

По мнению Р.С. Белкина, «Собираание доказательств – понятие комплексное. Оно включает в себя их обнаружение (розыск, поиск), получение, фиксацию, изъятие и сохранение доказательств»¹⁰⁴.

Существует иная, подкреплённая авторитетом не менее выдающихся исследователей позиция, согласно которой первый этап доказывания отождествляется не с собиранием, а с формированием доказательств.

¹⁰³ Теория доказательств в советском уголовном процессе. Отв. ред. Н.В. Жогин, изд. 2-е испр. и доп. М.: Юридическая литература, 1973. С. 300, 367, 384.

¹⁰⁴ Белкин Р.С. Собираание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. М.: Наука, 1966. С. 28–29; Белкин А.Р. Теория доказывания. Научно-методическое пособие. М.: Норма, 1999. С. 140.

Так, С.А. Шейфер полагает, что формирование доказательств – это весь процесс преобразования доказательственной информации в форму доказательств, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, включающий как познавательные (извлечение информации из следов), так и удостоверительные элементы (объективизация воспринятых сведений с помощью средств фиксации)¹⁰⁵.

В.И. Зажицкий в своей работе отстаивает точку зрения о том, что «собираение доказательств как элемент доказывания по уголовным делам характеризуют также как отражательный процесс, своеобразное «вторичное отражение» исследуемого события в сознании субъектов доказывания, а затем как его внешнее отражение, объективизацию в соответствующих протоколах. В смешанной форме уголовного судопроизводства соби́рание доказательств является важнейшей задачей именно стадии предварительного расследования, поскольку собранные на этой стадии доказательства составляют основу предмета исследования в судебном разбирательстве, суд же главным образом исследует, а не собирает доказательства¹⁰⁶.

В отдельных работах по уголовному процессу под соби́ранием доказательств понимается часть процесса доказывания, включающая в себя производство дознавателем, следователем, прокурором и судом предусмотренных законом следственных и судебных действий (ч. 1 ст. 86 УПК РФ), направленных на обнаружение относимых к делу данных, их рассмотрение и сохранение¹⁰⁷.

А.П. Рыжаков под соби́ранием доказательств понимает обнаружение, получение (извлечение) фактических данных, содержащихся в предусмотренных

¹⁰⁵ Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2009. С. 33–34.

¹⁰⁶ Зажицкий В.И. Доказывание и доказательства по УПК РФ: теоретико-правовой анализ. С-Пб.: Издательство юридический центр-Пресс, 2015. С. 275, 293.

¹⁰⁷ Уголовный процесс: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Под ред. В. П. Божьева. 3-е изд., испр. и доп. М.: Спарк, 2002. С. 172.

законом источниках. Это единство и обнаружения, и фиксирования на процессуальном источнике фактических данных¹⁰⁸.

А.Н. Шевчук под собиранием доказательств подразумевает поиск (розыск), обнаружение и процессуальное закрепление фактических данных, содержащихся в предусмотренных законом источниках. Основным способом такого процесса является следственное действие, производимое в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона процессуальное действие, направленное на обнаружение, закрепление фактических данных, имеющих значение для установления обстоятельств уголовного дела¹⁰⁹.

С.Б. Россинский считает, что собирание доказательств – это начальный элемент доказывания, свойственный познавательной и удостоверительной деятельности дознавателя, следователя, суда, который заключается в обнаружении, восприятии и фиксации в установленном законом порядке сведений, имеющих значение для уголовного дела. Данный первый элемент доказывания может осуществляться посредством как собирания, выражая исключительно удостоверительный аспект доказывания, так и формирования доказательств, отображая как познавательный, так и удостоверительный аспекты доказывания¹¹⁰.

По мнению С.Б. Россинского, изложенному в вышеуказанной работе, и с точки зрения В.А. Лазаревой, элементы процесса доказывания являются условными процессуальными категориями, а дополнение традиционной трёхзвенной структуры (собирание, проверка и оценка) какими-то новыми элементами – дело вкуса конкретного учёного и следствие того, что каждый автор, пытающийся внести свой посильный вклад в изучение и развитие

¹⁰⁸ Рыжаков А.П. Уголовно-процессуальное доказывание: понятие и средства. М.: Филинь, 1997. С. 22, 24.

¹⁰⁹ Шевчук А.Н. Полномочия следователя по осуществлению доказывания и вопросы их реализации // Россия и мир: вчера, сегодня, завтра: актуальные проблемы политики, экономики и права. М.: МГИ им. Р.Е. Дашковой, 2011. С. 174, 182. См. также: Жуков Д.А. О проблеме допустимости свидетельских показаний в уголовном судопроизводстве // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2019. № 2. С. 178–184.

¹¹⁰ Россинский С.Б. О структуре уголовно-процессуального доказывания // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 5. С. 39–50.

структуры доказывания, исходит из собственного понимания сущности этого сложного правоприменительного процесса, по поводу которой ни на доктринальном, ни на нормативном уровне не существует единой позиции¹¹¹.

Разработчики УПК РФ считают, что «процесс собирания доказательств обычно делится на два этапа: обнаружение источника сведений, имеющих значение для уголовного дела, а также их получение и закрепление в определенной законом процессуальной форме, придающей этим сведениям значение доказательств. Основным способом собирания доказательств является производство следственных действий и иных процессуальных действий, регламентированных УПК»¹¹².

Продолжая своё исследование и не отрицая формирование доказательств в процессе их собирания отметим, что С.Б. Россинский отстаивает существование паратусных, то есть готовых доказательств, которые следует рассматривать в качестве особой, предполагающей определённую специфику группы средств уголовно-процессуального доказывания, и «не как результаты формирования, а как информационные активы, возникающие до процесса или вне процесса доказывания, то есть как объекты юридической легализации, которые следует формально приобщать и признавать допустимыми для использования в качестве средств доказывания»¹¹³. К ним учёный относит результаты ОРД и административной деятельности, заключения специалистов, вещественные доказательства, иные документы.

Опираясь на изложенные точки зрения, представляется, что собирание доказательств для процесса доказывания является системообразующим элементом, включающим в себя три способа, где производство следственных действий – основной способ, истребование доказательств на основе запросов, иных процессуальных действий имеет локальный характер, приобщение в

¹¹¹ Лазарева В.А. Доказательства и доказывание в уголовном процессе: Учебно-практическое пособие. М.: Высшее образование, 2009. С. 52–67.

¹¹² Комментарий к ст. 86 УПК РФ. Комментарий в Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. Козак Д.Н., Мизулина Е.Б. 2-е изд. М.: Юрист, 2004.

¹¹³ Россинский С.Б. Паратусные доказательства в уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9. № 3. С. 44.

качестве доказательств зависит от ситуативной активности и субъективного фактора, поскольку «никто, кроме властных субъектов доказывания, ничего доказывать не обязан»¹¹⁴.

Как полагает А.С. Емузов, «под способами собирания доказательств следует понимать регламентированные уголовно-процессуальным законом действия, применяемые для получения доказательств, необходимых и достаточных для правильного разрешения уголовного дела»¹¹⁵.

Действующий уголовно-процессуальный закон, также как и УПК РСФСР 1960 года, содержит указание на такие предназначенные для собирания доказательств процессуальные действия, простота которых позволяет эффективно их применять, когда отсутствует необходимость в проведении следственных действий.

Так, в ч. 4 ст. 21 УПК РФ закреплено право следователя и других властных субъектов доказывания в пределах их полномочий требовать от предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц и граждан представления предметов и документов, значимых для уголовного дела.

В ч. 1 ст. 144 УПК РФ предусмотрено право властных субъектов доказывания при проверке сообщения о преступлении истребовать и изымать документы и предметы, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов и привлекать к их участию специалистов. В ч. 2 данной статьи указано на обязанность редакции, главного редактора передать по требованию властного субъекта доказывания имеющиеся в распоряжении соответствующего средства массовой информации документы и материалы, подтверждающие сообщение о преступлении, а также данные о лице, предоставившем эту информацию.

¹¹⁴ Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М.: Статут, 2017. С. 464–466; Актуальные проблемы уголовно-процессуального права: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. О.В. Химичевой, О.В. Мичуриной. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014. С. 97.

¹¹⁵ Емузов А.С. К вопросу о средствах процессуального доказывания // Право в Вооруженных Силах. 2005. № 3. С. 5.

Согласно п. 3 ч. 3 ст. 86 УПК РФ, правом истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций обладает защитник.

При этом, в какой форме должно происходить такое истребование или представление, уголовно-процессуальный закон не определяет. Это, безусловно, огромный минус для обеспечения состязательности уголовного процесса.

Кроме того, следственные действия с их детальной процедурой производства обеспечиваются мерами уголовно-процессуального принуждения, а все остальные процессуальные действия, как правило, рассчитаны на добровольное исполнение обращения.

В числе иных процессуальных действий, предназначенных для собирания доказательств, действующий уголовно-процессуальный закон также предусматривает получение объяснений, направление поручений о проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ).

Приоритетность и очерёдность проведения следственных и иных процессуальных действий в процессе собирания доказательств зависит от видов преступлений и обстоятельств конкретного преступления. Так, при расследовании ятрогенных преступлений первоочередным, помимо допросов потерпевших и очевидцев, является проведение процессуальных действий, направленных на изъятие медицинских документов, образцов, и, в первую очередь, гистологических препаратов, полученных медицинскими работниками, судебно-медицинскими экспертами, для предотвращения их утраты.

При этом следователю у потерпевшего (его представителя) следует получать письменное согласие на изъятие медицинских документов, образцов и т. п. без судебного решения, разрешающего их изъятие. Наличие такого письменного заявления, отражающего указанное согласие, освобождает следователя от необходимости тратить время на подготовку как ходатайства в суд о разрешении выемки, обыска, осмотра с целью изъятия, так и обосновывающих такое ходатайство материалов, а также на вынесение судебного решения, которое

может и не оправдать ожидания следователя о разрешении производства следственного действия.

Указанный тактический приём при расследовании оптимизирует работу следователя по собиранию доказательств, исключит их потерю или уничтожение и значительно сократит время для назначения медицинской судебной экспертизы.

Но вернёмся к вопросу о процессуальной форме приобщения в качестве доказательств письменных документов и предметов в современном уголовном процессе, который, как уже отмечалось выше, остаётся неразрешённым и поэтому дискуссионным.

Так, С.А. Шейфер в вышеуказанной работе предлагает составлять протокол представления доказательств, составляемый в соответствии с требованиями ст. 166 УПК РФ¹¹⁶, регламентирующими составление протокола следственного действия.

Вместе с тем, УПК РФ не содержит регламентации и даже наименования такого процессуального, в том числе следственного действия, как представление доказательств, при этом перечень следственных действий, предусмотренных УПК РФ, является исчерпывающим.

Нам более близка точка зрения О.Д. Жука¹¹⁷, которую он обоснованно отстаивает в своей указанной выше работе, и которая заключается в том, что факт представления и принятия предметов и документов, имеющих доказательственное значение, необходимо оформлять протоколом выемки либо осмотра, при этом в постановлении о производстве данных следственных действий следует указать о наличии послужившего основанием для их проведения устного или письменного заявления лица о желании представить следователю предметы или документы, имеющие доказательственное значение.

¹¹⁶ Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2009. С. 102-103.

¹¹⁷ Жук О.Д. Особенности производства следственных действий по уголовным делам об организации преступного сообщества [Электронный ресурс] // Законодательство и экономика. М., 2003, № 11. СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 16.06.2025).

Данная позиция основана на том, что такие участники уголовного судопроизводства как подозреваемый, обвиняемый, защитник, потерпевший и иные, перечисленные в ч. 2 ст. 86 УПК РФ участники, не наделённые властными полномочиями, путём собирания и представления соответствующих письменных материалов и предметов создают лишь фактические предпосылки для собирания доказательств дознавателем, следователем путём проведения следственных действий.

При этом как процессуальный инструмент следственные действия в науке понимаются неоднозначно.

Действующий уголовно-процессуальный закон в п. 32 ст. 5 не даёт определения ни следственным, ни процессуальным действиям, регламентируя следственные действия как вид процессуальных действий.

Характерными чертами следственного действия являются их подробная процессуальная регламентация и активная роль следователя, производящего их самостоятельно и лично для получения доказательств.

Действующий уголовно-процессуальный закон определяет порядок и условия проведения следственных как основных процессуальных действий, направленных на получение доказательств, в главах 24–27 УПК РФ. В них регламентированы процедура и особенности проведения осмотра вместе с эксгумацией трупа, освидетельствования, следственного эксперимента; обыска, выемки, наложения ареста на почтово-телеграфные отправления, контроля и записи переговоров, получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами; допроса, очной ставки, опознания, проверки показаний на месте; производства судебных экспертиз.

Изучению проблематики понятия следственных действий, их классификации, основаниям их производства и другим отдельным вопросам посвящено значительное количество научных работ, и вряд ли этими исследованиями поставлена точка в научных спорах, поскольку активные дискуссии по этому вопросу не прекращаются.

Вместе с тем, можно продолжать вести дискуссию, является ли задержание подозреваемого следственным действием. Очевидно, что по действующему уголовно-процессуальному закону оно не отнесено к таковым, поскольку задержание – это мера процессуального принуждения. Но для соискателя, как практического работника, имеет значительно большее значение то, что конкретно было обнаружено в ходе обыска при задержании у подозреваемого, отражена ли информация об этом в протоколе задержания в соответствии с требованиями закона и соблюдено ли при этом право на защиту.

Большинство учёных едины во мнении о познавательном характере следственных действий, хотя и предлагают различные их определения, отличающиеся как содержанием, так и составляющими его элементами.

При этом полномочия по производству следственных действий – один из существенных элементов полномочий следователя.

Соискатель также придерживается позиции, что основным отличием следственного действия от иного процессуального действия является его исключительная направленность на получение доказательственной информации.

В этой позиции соискатель опирается на научные достижения О.Я. Баева и других выдающихся учёных. Так, О.Я. Баев, оценивая результаты научных исследований рассматриваемого вопроса, проведённых Р.С. Белкиным, С.А. Шейфером и другими, полагал, что «под следственными действиями понимаются закрепленные уголовно-процессуальным законом отдельные комплексы познавательных и удостоверительных операций, направленных на собирание, исследование, использование и оценку доказательств»¹¹⁸.

С.Ф. Шумилин последовательно утверждает, что следственные действия – это вид процессуальных действий, в результате выполнения которых могут быть обнаружены и зафиксированы следы преступления и доказательства¹¹⁹.

¹¹⁸ Баев О.Я. Производство следственных действий: криминалистический анализ УПК России. Практика, рекомендации. Практическое пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Эксмо, 2010. С. 7.

¹¹⁹ Шумилин С.Ф. Полномочия следователя: механизм и проблемы реализации. М.: Экзамен, 2006. С. 268–269.

Также в научной среде существует мнение, что следственные действия – это «перечисленные в уголовно-процессуальном законе процессуальные действия специально уполномоченных государством объективных, беспристрастных, компетентных субъектов уголовно-процессуальных отношений, направленные на собирание доказательств и осуществляемые в строгой процессуальной форме»¹²⁰.

В.А. Семенцов считает следственные действия основным и наиболее эффективным способом собирания доказательств, поскольку с их помощью чаще всего обнаруживают, изымают и приобщают к уголовному делу доказательства. Они отличаются от иных процессуальных действий, предназначенных для собирания доказательств, так как УПК РФ содержит общие правила их производства, включая судебный порядок получения разрешения и детальную процедуру проведения¹²¹.

По мнению Е.Ю. Алонцевой, под следственными действиями следует понимать регламентированные уголовно-процессуальным законом процессуальные действия следователя и других лиц, уполномоченных осуществлять расследование, направленные на собирание и проверку доказательств, проводимые с соблюдением процессуальной формы осуществления и фиксации результатов¹²².

Определение законом формы выполнения следственных действий необходимо, чтобы обеспечить достоверность получаемой доказательственной информации и охрану прав и законных интересов участников расследования.

Таким образом, следователь, наделённый полномочиями по собиранию доказательств, в том числе путём проведения следственных действий, реализует своё назначение, при этом соблюдая форму выполнения следственных действий.

¹²⁰ Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М.: Статут, 2017. С. 679.

¹²¹ Семенцов В.А. О соотношении следственных и иных процессуальных действий, предназначенных для собирания доказательств // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 2.

¹²² Алонцева Е.Ю. Полномочия следователя по производству следственных действий, выполняемых с разрешения суда: Научно-практическое пособие. М.: Юрлитинформ, 2008. С. 8, 19, 64, 66.

§ 1.3. Обеспечение разумных сроков уголовного судопроизводства при осуществлении полномочий следователя по собиранию доказательств

Как основа любого вида деятельности человека и её результатов, разумность пронизывает систему созданных юридических норм (право) и правоприменительную практику, воплощающую право в действительность.

В.И. Даль в своем словаре раскрывает понятие «разум закона», как его «истинный смысл и цель»¹²³.

В работе Е.Н. Клещиной и А.С. Архипова «понятие «разумность» в общенаучном значении определяется, как свойство, направленное на преодоление проблемной ситуации поведения человека, позволяющее, основываясь на предшествующем опыте и свободе волевого усмотрения, выбрать необходимый вариант решения»¹²⁴.

«Общество и государство во все времена достаточно остро реагировали на несоблюдение сроков предварительного расследования. При снижении качества расследований также следует неизбежная негативная реакция со стороны государства и общества. Для устранения условий и факторов, снижающих качество расследований и приводящих к несоблюдению сроков предварительного расследования, разрабатываются и принимаются разные меры. Важнейшим значением среди таких мер обладает введение упрощенных процедур и внесение поправок в уголовно-процессуальное законодательство»¹²⁵.

Часть 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод определяет, что каждый имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом,

¹²³ Даль И.В. Иллюстрированный толковый словарь русского языка. М.: Эксмо, 2007. С. 701. См. также: Жуков Д.А. О соотношении разумности и быстроты в уголовном судопроизводстве // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 2(24). С. 181–184.

¹²⁴ Клещина Е.Н. Принцип разумного срока уголовного судопроизводства и его реализация в стадии предварительного расследования: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 17.

¹²⁵ Гаджиев А.Б., Глушков А.И. Меры прокурорского реагирования на нарушения процессуального законодательства допущенные следователями по уголовным делам (по законодательству периода 90-х – начала 2000 годов) // Юридическая наука. 2024. № 4. С. 6.

созданным на основании закона в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения¹²⁶.

Положение указанной Конвенции введено в действующий УПК РФ Федеральным законом № 69-ФЗ от 30 апреля 2010 года в качестве принципа уголовного судопроизводства в виде ст. 6¹ «Разумный срок уголовного судопроизводства». В соответствии с ч. ч. 1 и 2 указанной статьи уголовное судопроизводство осуществляется в разумный срок, и в сроки, установленные УПК РФ. Согласно положениям указанной статьи и ст. 162 УПК РФ, продление этих сроков допустимо в предусмотренных законом случаях и в порядке, но уголовное преследование, назначение наказания и прекращение уголовного преследования должны осуществляться в разумный срок¹²⁷.

Об этом свидетельствуют многочисленные научные статьи по проблематике обеспечения разумности сроков уголовного судопроизводства, в частности Б.Я. Гаврилова, А.М. Багмета и Н.В. Османовой, Ю.В. Деришева и Ю.А. Андриенко, К.В. Камчатова, О.В. Буланова¹²⁸.

Согласно ч. 4 ст. 6¹ УПК РФ, обстоятельства, связанные с организацией работы органов дознания, следствия, прокуратуры и суда, а также рассмотрение уголовного дела различными инстанциями не могут приниматься во внимание в качестве оснований для превышения разумных сроков осуществления уголовного судопроизводства.

¹²⁶ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 года) (с изм. от 24 июня 2013 года) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. (дата обращения: 16.06.2025). Документ прекратил действие в отношении России с 16 марта 2022 года (Федеральный закон от 28 февраля 2023 года № 43-ФЗ).

¹²⁷ См.: Жуков Д.А. К вопросу о разумности сроков расследования в уголовном судопроизводстве // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2020. № 1. С. 153–158.

¹²⁸ Гаврилов Б.Я. Досудебное производство: вопросы теории и практики // Московский юридический журнал. 2019. № 1. С. 140–151; Багмет А.М. О совершенствовании стадии возбуждения уголовного дела // Российский следователь. 2022. № 2. С. 8–13; Деришев Ю.В. Быстрота и разумный срок уголовного досудебного производства: проблемы соотношения // Российский следователь. 2019. № 2. С. 30–34; Камчатов К.В. «Активный» и «пассивный» срок как разновидности разумного срока уголовного судопроизводства // Российская юстиция. 2019. № 6. С. 37–39.

М.Т. Аширбекова и Ф.М. Кудин считают, что разумный срок является особым видом срока по уголовному делу во всех стадиях. Этот срок не превышает формально определённые в законе сроки и не отвечает интересам вовлекаемых в уголовное дело частных лиц. Его особенность заключается в том, что он стимулирует субъектов, осуществляющих уголовный процесс, к своевременности, достаточности и эффективности процессуальных действий, отображая конкретную продолжительность производства по уголовному делу¹²⁹.

В другой своей работе М.Т. Аширбекова отмечает, что положение о соблюдении разумных сроков является условием, обеспечивающим качество производства по уголовному делу. Следовательно, в частности, должен проявлять процессуальную активность при осуществлении правоприменения в рамках своих полномочий и обязанностей, и устремленностью быстро, своевременно и полно устанавливать все обстоятельства дела для защиты прав и законных интересов всех участвующих в деле лиц. Такая активность следователя и иных ведущих уголовный процесс субъектов должна вести к одному результату, которым является соблюдение разумных сроков. Требования соблюдения разумности сроков производства по делу, оперативности и быстроты, а также активности, по мнению М.Т. Аширбековой, являются составными частями принципа публичности и не могут быть самостоятельными принципами уголовного судопроизводства¹³⁰.

В свою очередь, М.В. Махмутов считает, что разумное использование государственных сил и средств выступает критерием достаточности произведённых правоохранительными органами действий и образует «принцип процессуальной экономии». Разумные сроки судопроизводства являются проявлением действия данного принципа¹³¹.

¹²⁹ Аширбекова М.Т. «Разумный срок» как оценочное понятие в уголовно-процессуальном праве // Уголовное судопроизводство. 2011. № 2. С. 21–22.

¹³⁰ Аширбекова М.Т. Соблюдение разумного срока как качественная характеристика производства по уголовному делу // Российская юстиция. 2010. № 12. С. 64–66.

¹³¹ Махмутов М.В. Принцип процессуальной экономии – начало положено // Законность. 2010. № 12. С. 35–36.

А.В. Образцов в своей научной статье делает вывод о том, что предусмотренный ст. 6¹ УПК РФ «принцип «разумности» призван способствовать реализации в ходе предварительного следствия самостоятельности следователя и процессуального руководства руководителем следственного органа, а их конечная цель заключается в обеспечении эффективности предварительного следствия»¹³².

По заслуживающему внимания мнению В.П. Кашепова, система соблюдения установленных законом разумных сроков процессуального производства представляет собой самостоятельный институт обеспечения надлежащего порядка судопроизводства по уголовным делам. Введение в уголовное производство принципа разумности особенно важно для его рациональной организации¹³³.

По мнению же В. Быкова, процессуальные сроки при всей их важности для уголовного судопроизводства по своему значению не обладают правовой ценностью принципов уголовного судопроизводства¹³⁴.

Аналогичного мнения придерживается А.П. Кругликов, считая обсуждение необходимости включения в УПК РФ данного нового принципа дискуссионным. Соискатель соглашается с ним в том, что включение в УПК РФ указанного принципа вызвано стремлением законодателя сократить до разумных пределов срок производства по уголовному делу и срок исполнения судебных решений, и заслуживает одобрения¹³⁵.

При этом возникает обоснованный вопрос о том, почему в действующем УПК РФ не определены должным образом ни сроки судебных слушаний, ни порядок их продления, поскольку разумность сроков уголовного

¹³² Образцов А.В. Процессуальное руководство и разумный срок уголовного судопроизводства как условия повышения эффективности предварительного следствия // Российский следователь. 2016. № 23. С 30–33.

¹³³ Кашепов В.П. Институт процессуальных сроков как инструмент регулирования порядка в уголовном судопроизводстве // Комментарий судебной практики / отв. ред. К.Б. Ярошенко. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, ИНФРА-М, 2016. Вып. 21. С. 154–155.

¹³⁴ Быков В. Новый закон о разумном сроке уголовного судопроизводства // Законность. 2010. № 11. С. 23.

¹³⁵ Кругликов А.П. О некоторых тенденциях в современном уголовно-процессуальном законодательстве // Мировой судья. 2012. № 3. С. 8–12.

судопроизводства предполагает разумность сроков любой его стадии и необходимость установления и продления процессуальных сроков. Это даёт основание считать, что вопрос обеспечения разумности сроков уголовного судопроизводства требует доработки.

Соискатель также соглашается с утверждением И.В. Маслова о том, процессуальная гарантия защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства обеспечивается и сроками предварительного расследования. При этом сроки расследования должны стимулировать следователей и дознавателей к скорейшему завершению расследования и гарантировать участникам уголовного судопроизводства, что ограничение их прав, связанное с расследованием, не будет безосновательно продолжительным¹³⁶.

А.М. Багмет, А.В. Хмелева и В.И. Саньков считают сроки следствия не только показателем оценки качества следственной работы, но и одним из критериев её деятельности, степени защиты прав, свобод и законных интересов граждан, престижа России как правового государства. Понятие разумного срока уголовного судопроизводства означает стремление к оперативному производству по уголовному делу без неоправданных задержек и предполагает оптимальное сочетание и соотнесение длительности сроков расследования с интересами участников уголовного процесса и правосудия в целом. Указанные авторы обоснованно предлагают установить первоначальный срок следствия в четыре месяца, продление которого до шести месяцев, как и срок содержания под стражей до шести месяцев, следователь должен согласовывать со своим непосредственным руководителем, а также исключить из срока предварительного следствия период ознакомления с материалами уголовного дела¹³⁷.

Анализ действующего УПК РФ свидетельствует о том, что в соответствии с принципом разумности в нём установлены максимальные сроки для производства процессуальных действий или принятия процессуальных решений и не имеется

¹³⁶ Маслов И.В. Уголовно-процессуальные сроки в досудебном производстве: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 40, 76.

¹³⁷ Багмет А.М. «Неразумные» сроки предварительного следствия // Российская юстиция. 2018. № 8. С. 31–33. № 9. С. 23–26.

ограничений минимального промежутка времени таких действий, решений. Это способствует выполнению задач уголовного судопроизводства в целом и каждой его стадии. Представляется, что такая тенденция должна сохраняться до значительного повышения уровня правосознания, как всего населения страны, так и формирования на порядок более квалифицированного уровня должностных лиц, уполномоченных осуществлять предварительное расследование.

Согласимся с мнением Б.Я. Гаврилова о том, что наряду с отменой процедуры возбуждения уголовного дела и отказа в этом необходимо, несмотря на усложнение как процедуры предварительного следствия, так и механизма совершения расследуемых преступлений, в связи с введением в УПК РФ нормы-принципа о разумном сроке уголовного судопроизводства (который исходя из содержания Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 года № 11¹³⁸ по уголовным делам не должен превышать четыре года) привести в соответствие с реалиями практики предусмотренный ч. 1 ст. 162 УПК РФ двухмесячный срок предварительного следствия, который был заимствован ст. 119 УПК РСФСР 1922 года и ст. 116 УПК РСФСР 1923 года. В связи с этим требуется пересмотреть применение процедуры продления срока предварительного следствия, установив это правило лишь по истечении шести месяцев расследования уголовного дела¹³⁹.

Согласно указанным статьям УПК РСФСР, предварительное следствие должно быть закончено в течение двух месяцев со дня объявления подозреваемому лицу постановления о привлечении его в качестве обвиняемого, и продление указанного срока не предусматривалось.

Отмена стадии возбуждения уголовного дела, упрощение процедуры продления срока следствия и исключение из срока предварительного следствия

¹³⁸ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.03.2016 № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 16.06.2025).

¹³⁹ Гаврилов Б.Я. Отвечает ли современное досудебное производство реалиям борьбы с преступностью? // Академическая мысль. 2019. № 3. С. 98–103.

времени ознакомления участников уголовного судопроизводства с материалами окончанного расследования предполагается в будущем и практическими работниками прокуратуры и адвокатуры Российской Федерации, при условии совершенствования системы органов предварительного следствия, в частности введения квалификационного экзамена для следователей¹⁴⁰, с чем трудно не согласиться.

Представляется, что после отмены стадии возбуждения уголовного дела процедуру продления сроков предварительного следствия целесообразнее в будущем заменить составлением подробного плана расследования сроком на два месяца, а полученные по мере его исполнения результаты, обсуждаемые в случае необходимости на совещании при руководителе следственного органа, излагать в форме подробной справки. Подобную процедуру вовсе необязательно описывать в уголовно-процессуальном законе, представляется, что ведомственного нормативного правового акта для её регламентации будет достаточно.

Существующая длительность сроков расследования создаёт сомнения в возможности защиты законом прав человека, нарушенных преступлением. В настоящее же время, по нашему мнению, требуется значительно упростить процедуру предварительного расследования для реального сокращения его сроков. И делать это необходимо последовательно и планомерно. Необоснованно длительные, то есть не соответствующие принципу разумности сроки расследования, не отвечают назначению уголовного судопроизводства.

При этом нельзя не согласиться с мнением Е.В. Марковичевой о том, что ускорение уголовного судопроизводства, то есть сокращение его длительности, не сводится только к его упрощению и обычно способствует охране интересов обвиняемого (подсудимого), потерпевшего. Значение «ускоренного производства» должно быть таким, при котором разрабатывается соответствующая современной правовой жизни модель ускорения уголовного

¹⁴⁰ Собчук М.В. Продление сроков следствия и содержания под стражей // Законность. 2014. № 8. С. 41–44; Рудич В.В. Международные стандарты разумности процессуальных сроков в уголовном судопроизводстве // Международное уголовное право и международная юстиция. 2015. № 2. С. 8–9.

судопроизводства, а её реализация влечёт совершенствование механизма обеспечения прав личности в данной сфере¹⁴¹.

Выше уже отмечалось, что одной из причин длительных сроков предварительного расследования является необоснованная сложность уголовного судопроизводства и процесса собирания доказательств как его составной части.

Так, О.А. Малышева предлагает дифференцировать порядок исчисления сроков предварительного расследования: по уголовным делам, по которым осуществляется уголовное преследование лица, сохранить закреплённые УПК РФ ограничительные сроки расследования и исчислять срок расследования уголовных дел, по которым подозреваемый не установлен, с момента установления лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности, а также уточнить понятие подозреваемого как единого субъекта уголовного процесса при производстве предварительного расследования с приданием категории «обвиняемый» нового процессуального содержания как участника судебного разбирательства вместо подсудимого¹⁴².

Опираясь на вышеизложенные научные точки зрения, полагаем необходимым изменить порядок исчисления сроков предварительного расследования и считать их не с момента возбуждения уголовного дела, в случае его возбуждения по факту совершённого преступления, а с момента придания лицу процессуального статуса подозреваемого или обвиняемого. При этом, как рекомендует Б.Я. Гаврилов, увеличить предусмотренный ч. 1 ст. 162 УПК РФ срок предварительного следствия с двух до шести месяцев, после которого необходима процедура продления.

В связи с изложенным, необходимо внесение изменений в ст. 162 УПК РФ в части определения отправной точки исчисления срока следствия.

Такое предложение автора соотносится с предлагаемым им дополнением первой части назначения отечественного уголовного судопроизводства:

¹⁴¹ Марковичева Е.В. Ускорение уголовного судопроизводства как гарантия обеспечения прав лиц, вовлеченных в сферу уголовной юстиции // Российская юстиция. 2009. № 9. С. 65–66.

¹⁴² Малышева О.А. Досудебное производство в Российском уголовном процессе: проблемы реализации и правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 14, 35.

«Уголовное судопроизводство осуществляется в условиях всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств преступления».

Также оно не вступает в противоречие с принципом разумности, поскольку исходя из содержания п. 57 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 года № 11¹⁴³, превышение общей продолжительности судопроизводства по уголовному делу, равной четырём годам, само по себе не свидетельствует о нарушении права на судопроизводство в разумный срок. При этом осуществление судопроизводства по уголовному делу в срок менее четырёх лет с учётом конкретных обстоятельств дела может свидетельствовать о нарушении права на судопроизводство в разумный срок.

Такие изменения создают основу для отмены процедуры возбуждения уголовного дела или отказа в этом, а также последующего отказа от сроков предварительного расследования и процедуры их продления. Расследование будет ограничено сроками давности совершения преступления и сроками применения мер процессуального принуждения. Установление лиц, совершивших преступления, возможно обеспечить средствами процессуального контроля и прокурорского надзора с изданием соответствующих ведомственных правовых актов¹⁴⁴.

В современных реалиях по окончании расследования вопрос о соблюдении принципа разумности становится особенно актуальным при ознакомлении обвиняемого и его защитников с материалами уголовного дела.

Эта процедура по окончании предварительного следствия обеспечивает его право на защиту, а процессуальный порядок ознакомления следует расценивать как элемент практической реализации предусмотренной ч. 2 ст. 24 Конституции

¹⁴³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.03.2016 № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 16.06.2025).

¹⁴⁴ См. также: Жуков А.Д. К вопросу о процессуальной функции следователя // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2018. № 2(20). С. 73–78.

Российской Федерации¹⁴⁵ обязанности органов государственной власти и их должностных лиц обеспечивать каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы.

Необходимость принятия мер для исключения злоупотребления в процессе ознакомления с материалами уголовного дела обвиняемым и его защитниками и обеспечения им реализации права на ознакомление путём изменений действующего уголовно-процессуального законодательства обосновывается как практическими, так и научными работниками.

Так, А.Н. Игнатьев предлагает определение очевидного для всех затягивания времени ознакомления с материалами уголовного дела и критерии, с помощью которых возможно установить факт такого затягивания¹⁴⁶.

На отсутствие указанного определения указывают А.С. Глушкова, С.В. Медведева и М.А. Ментюкова, которые считают, что при ознакомлении с материалами уголовного дела обвиняемому предоставляется больше прав, поскольку он был в них ограничен в ходе предварительного расследования. То есть в конце следствия происходит взаимная компенсация прав, и по их мнению, таким образом соблюдается принцип состязательности сторон. Указанные авторы отмечают, что отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве однозначной регламентации поведения сторон в ходе ознакомления с делом часто приводит к злоупотреблению правом на ознакомление с материалами уголовного дела обвиняемым и его защитником¹⁴⁷.

При этом судебная практика по решению вопроса об установлении определённого времени для ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела противоречива и неоднозначна.

¹⁴⁵ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 16.06.2025).

¹⁴⁶ Игнатьев А.Н. Ознакомление стороны защиты с материалами уголовного дела: как гарантировать реализацию права и пресечь злоупотребления? // Адвокатская практика. 2012. № 5. С. 8–12.

¹⁴⁷ Глушкова А.С. Право обвиняемого на ознакомление с материалами уголовного дела: проблемы правоприменения // Российский следователь. 2018. № 11. С. 33–36.

Так, по одному из уголовных дел, находившихся в производстве соискателя, обвиняемый и его защитник явно затягивали процесс ознакомления с материалами уголовного дела, причём они знакомились с делом во второй раз, с получением копий материалов уголовного дела в полном объёме. По делу было подготовлено ходатайство в суд об установлении определённого времени для ознакомления обвиняемого и его защитника до конкретной даты. При этом обвиняемый убыл в медицинский стационар, из которого вернулся за несколько дней до даты, указанной в ходатайстве следователя. Пока обвиняемый находился в стационаре, с материалами дела он не знакомился, а рассмотрение указанного ходатайства в суде было невозможно. В связи с этим с согласия руководителя следственного органа в суд было направлено постановление об уточнении резолютивной части постановления о возбуждении перед судом ходатайства об установлении определённого срока для ознакомления, чтобы увеличить его срок на то количество суток, которое обвиняемый находился в стационаре. Суд отказал в удовлетворении ходатайства, указав при этом в своем постановлении, что направление следователем вышеуказанного постановления об уточнении резолютивной части постановления не предусмотрено уголовно-процессуальным законом. В суд вновь было направлено ходатайство об установлении определённого времени для ознакомления обвиняемого и его защитника, но уже на определённое количество суток, а не до конкретной даты, исходя из того, что обвиняемый может вновь оказаться в медицинском стационаре. Суд при рассмотрении данного ходатайства ограничил обвиняемого и его защитника во времени ознакомления и установил срок ознакомления по своей инициативе, увеличив его в два раза без согласия следователя¹⁴⁸.

Колоколов Н.А., Фролкин Н.П., Ринчинов Б.А. и Дикарев И.С. считают, что затягивание процессуальных сроков, утрату и уничтожение процессуальных

¹⁴⁸ Материалы уголовного дела № 41902007707000008 по обвинению Г. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 33 п. п. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ // Архив Приморского районного суда г. Санкт-Петербурга. См. также: Жуков Д.А. К вопросу о разумности сроков расследования в уголовном судопроизводстве // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2020. № 1. С. 153–158.

документов, а также иные злоупотребления стороны защиты в ходе ознакомления с делом можно предотвратить, внося в УПК РФ положение о фиксации процессуальных действий электронными документами на электронных носителях. На первоначальном этапе переход на электронное протоколирование потребует значительных материальных затрат. Однако со временем он станет действенным инструментом обеспечения разумных сроков уголовного судопроизводства и приведёт к упрощению организации работы органов предварительного следствия и суда, повлечёт сокращение сроков производства по уголовным делам¹⁴⁹.

Полностью согласимся с утверждением Ю.Г. Овчинникова о том, что уголовное досудебное производство должно поэтапно и планомерно трансформироваться в электронную форму в целях обеспечения быстрого и полного расследования преступлений, соизмеримо с условиями противодействия современной преступности¹⁵⁰.

Н. Кипнис предлагает мотивированным решением назначать подозреваемому, обвиняемому защитника в предусмотренном УПК РФ порядке в случае, если они, затягивая производство по делу, будут постоянно расторгать соглашения с участвующими защитниками и заключать соглашение с новыми, явно злоупотребляя правом на выбор защитника¹⁵¹.

А.С. Лизунов и А.С. Лизунов, указывая на часто встречающееся в последнее время в практике злоупотребление правом обвиняемого на ознакомление с материалами дела в виде необоснованного отказа от защитника на завершающем этапе ознакомления с делом, также приходят к выводу о необходимости

¹⁴⁹ Колоколов Н.А. Ознакомление с материалами уголовного дела. Следователь должен быть освобожден от несвойственных ему функций // Российский следователь. 2014. № 4. С. 9–12; Фролкин Н.П. Возможности протоколирования процессуальных действий в уголовном судопроизводстве с использованием электронных (цифровых) средств // Российский следователь. 2014. № 11. С. 5–8; Ринчинов Б.А. Ознакомление с материалами уголовного дела в уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2015. № 1. С. 24–27; Дикарев И.С. Ознакомление с материалами уголовного дела в ходе предварительного расследования: *сui bono?* // Уголовное судопроизводство. 2019. № 4. С. 20–24.

¹⁵⁰ Овчинников Ю.Г. Ознакомление сторон с копиями материалов дела, изготовленными в форме электронного документа // Законность. 2024. № 4. С. 52–55.

¹⁵¹ Кипнис Н. Отмена поручения подзащитным [Электронный ресурс] // ЭЖ-Юрист, 2007. № 13. СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 16.06.2025).

назначения защитника такому обвиняемому и предлагают дополнить УПК РФ конкретным сроком ознакомления с делом, длительность которого зависит от срока расследования до момента уведомления об окончании следственных действий¹⁵².

Э.Н. Алимамедов в своей работе предлагает в случае затягивания ознакомления с материалами дела не находящимся под стражей обвиняемым предоставить возможность ограничения срока ознакомления самому следователю¹⁵³.

Ю.А. Андриенко считает необходимым предоставить следователю право отвода недобросовестного защитника, а также закрепить за следователем, а не судом, самостоятельное право устанавливать срок ознакомления обвиняемого и защитника с материалами уголовного дела при наличии явного затягивания процедуры ознакомления с их стороны¹⁵⁴.

К.А. Костенко, анализируя проблему затягивания ознакомления обвиняемого с делом путём неоднократной замены защитников на завершающем этапе расследования, также обоснованно считает, что данную проблему необходимо решить путём внесения изменений в УПК РФ, поскольку продолжительность стадии ознакомления с делом является составной частью общего срока уголовного судопроизводства, поэтому она должна соответствовать принципу разумности.

Согласимся с тем, что указанный автор аргументировано предлагает конкретные изменения в ч. 3 ст. 217 УПК РФ: регламентация порядка ограничения в сроках ознакомления защитника (-ов) в зависимости от срока, который суд устанавливает обвиняемому для ознакомления с делом, если стороной защиты сняты копии с материалов уголовного дела; замена слова

¹⁵² Лизунов А.С. Злоупотребление правом на защиту на этапе ознакомления с материалами уголовного дела // Законность. 2018. № 10. С. 47–50.

¹⁵³ Алимамедов Э.Н. Деятельность следователя на этапе окончания предварительного следствия составлением обвинительного заключения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 12, 22.

¹⁵⁴ Андриенко Ю.А. Обеспечение следователем быстроты и полноты предварительного следствия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2022, С. 12, 22–23.

«защитник» на словосочетание «сторона защиты», что даст возможность суду ограничивать в сроках ознакомления не конкретного адвоката, а сторону защиты в целом¹⁵⁵.

Это полностью соответствует ч. 1 ст. 46 и ст. 52 Конституции Российской Федерации. Как свидетельствует судебная практика, «затягивание процедуры ознакомления с материалами уголовного дела со стороны отдельных участников уголовного судопроизводства ведет к нарушению прав и интересов других участников процесса, необоснованному воспрепятствованию к правосудию и началу судебного разбирательства»¹⁵⁶.

В связи с этим обратим внимание на содержание ч. 7 ст. 108 УПК РФ, которая определяет, что если в деле участвует несколько обвиняемых, содержащихся под стражей, и хотя бы одному из них 30-ти суток оказалось недостаточно для ознакомления с материалами уголовного дела, то следователь вправе возбудить ходатайство о продлении срока содержания под стражей в отношении того обвиняемого или тех обвиняемых, которые ознакомились с материалами уголовного дела, если не отпала необходимость в применении к нему или к ним заключения под стражу и отсутствуют основания для избрания иной меры пресечения.

Данная норма своим содержанием, как свидетельствует судебная практика¹⁵⁷, разрешает в период ознакомления с делом освободить из-под стражи одного или нескольких обвиняемых, содержащихся под стражей, если они ознакомились с материалами уголовного дела, а иные, но не находящиеся под стражей обвиняемые, не окончили ознакомление с делом.

В связи с изложенным необходимо усовершенствовать данную норму и из ч. 7 ст. 108 УПК РФ исключить фразу «содержащихся под стражей».

¹⁵⁵ Костенко К.А. Проблемы теории и практики противодействия затягиванию ознакомления с материалами уголовного дела путем приглашения обвиняемым нового защитника // Российский судья. 2016. № 9. С. 30–34.

¹⁵⁶ Постановление Ленинского районного суда г. Тюмени от 4 мая 2017 года по делу № 3/12-15/2017 // Архив Ленинского районного суда г. Тюмени.

¹⁵⁷ Постановление Санкт-Петербургского городского суда от 3 февраля 2015 года об отказе в удовлетворении ходатайства о продлении срока содержания под стражей по делу № 3/2-19/15 // Архив Санкт-Петербургского городского суда.

Также следует внести изменения в ч. 2 ст. 217 УПК РФ, чтобы легализовать полномочие следователя самому по собственной инициативе предоставлять копии материалов уголовного дела стороне защиты, что довольно часто имеет место в практической деятельности, чтобы оптимизировать процесс ознакомления с материалами дела. Данные изменения заключаются в том, чтобы дополнить указанную норму после предложения, заканчивающегося фразой «снимать копии с документов, в том числе с помощью технических средств», предложением «Следователь по своему усмотрению может представить копии отдельных документов стороне защиты».

Обобщая вышеизложенное и не анализируя здесь общеизвестные причины, по которым происходит затягивание обвиняемым, защитниками ознакомления с делом, учитывая, что исходя из позиции, изложенной в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2017 года № 1398-О¹⁵⁸ ч. 3 ст. 217 УПК РФ не противоречит Конституции Российской Федерации, считаем, что в практической деятельности следователь по делу должен позиционировать себя так, чтобы его оппоненты осознавали, что любые злоупотребления с их стороны незамедлительно повлекут «симметричный ответ», поскольку следователь наделён полномочиями на внесение представлений о принятии мер по устранению нарушений закона, а также – на ежедневное ознакомление обвиняемого с делом, который переписывает его материалы по 3–5 листов в день. Из опыта практической деятельности соискателя можно утверждать, что настойчивость и последовательность «переубеждали» немало таких обвиняемых и их защитников и вынуждали отказаться от злоупотребления своими правами, а если и не переубеждали, то создавали чёткое представление у надзирающего прокурора и суда о личности обвиняемого¹⁵⁹.

¹⁵⁸ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2017 года № 1398-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мигули Александра Анатольевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 217 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 16.06.2025).

¹⁵⁹ Материалы уголовного дела № 200103366 по обвинению Н. и К. в совершении преступления, предусмотренного п. п. «а», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, приговор Тобольского городского суда

ГЛАВА 2. Реализация полномочий следователя по собиранию доказательств при производстве следственных и иных процессуальных действий

§ 2.1. Реализация полномочий следователя при проведении отдельных процессуальных действий

В соответствии с ч. 1 ст. 86 УПК РФ, собирание доказательств осуществляется в ходе уголовного судопроизводства следователем путём производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных данным кодексом.

Основные полномочия следователя, в том числе самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда в соответствии с УПК РФ требуется получение судебного решения или согласия руководителя следственного органа, перечислены в ст. 38 УПК РФ, однако в данных положениях не содержится указания на наличие у следователя полномочий направлять запросы и требования предприятиям, учреждениям, организациям, должностным лицам и гражданам¹⁶⁰.

Результаты анализа норм УПК РФ, регламентирующих собирание доказательств, с очевидностью свидетельствуют о том, что у следователя, как и других властных субъектов доказывания, имеется полномочие требовать предоставления предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, не регламентированное конкретной нормой УПК РФ, но вытекающее из содержания ч. 4 ст. 21 УПК РФ об обязательности исполнения запросов,

Тюменской области от 14 ноября 2001 года // Архив Тобольского городского суда Тюменской области.

¹⁶⁰ См.: Жуков Д.А. О соотношении полномочий следователя и других участников уголовного судопроизводства и их генезис // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2019. № 1(23). С. 120–126.

требований и поручений, предъявленных в пределах установленных законом полномочий властными субъектами доказывания¹⁶¹.

Следует также отметить, что ч. 4 ст. 21 УПК РФ «Обязанность осуществления уголовного преследования» не содержит сроков исполнения требований, запросов и поручений прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя. При этом, согласно ч. 2 ст. 7 Федерального закона от 28 декабря 2010 года № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации»¹⁶², требования (запросы, поручения) сотрудника Следственного комитета, предъявленные (направленные, данные) при проверке сообщения о преступлении, проведении предварительного расследования или осуществлении других полномочий, обязательны для исполнения всеми предприятиями, учреждениями, организациями, должностными и иными лицами незамедлительно или в указанный в требовании (запросе, поручении) срок.

Результаты изучения в ходе настоящего исследования 1010 материалов доследственных проверок и 300 уголовных дел, свидетельствуют, что в отсутствие полномочия, регламентированного в ст. 38 УПК РФ, следователи направляли по ним запросы и требования для получения документов, предметов, на основе которых можно установить обстоятельства, имеющие значение по делу, в том числе подлежащие доказыванию. Также установлено, что требования, поручения и запросы следователя исполняются незамедлительно или в указанный в них срок. В связи с этим необходимо внести в действующий уголовно-процессуальный закон изменения, расширив полномочия следователя на осуществление указанных процессуальных действий с регламентацией указания сроков их исполнения¹⁶³.

¹⁶¹ См.: Жуков Д.А. Получение «объяснений» и их значение для досудебного производства // Российский следователь. 2018. № 5. С. 12–15.

¹⁶² Федеральный закон от 28 декабря 2010 года № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 16.06.2025).

¹⁶³ Архивы уголовных дел и материалов доследственных проверок СУ при УВД г. Тобольска, прокуратуры г. Тобольска Тюменской области, прокуратуры Красногвардейского района

С учётом изложенного предлагается конкретизировать ст. 38 УПК РФ и дополнить часть первую данной статьи самостоятельным пунктом о предоставлении следователю полномочия «направлять запросы и требования для получения документов, предметов, на основе которых можно установить обстоятельства, имеющие значение по делу, в том числе подлежащие доказыванию»¹⁶⁴.

Соискатель считает, что юридически правильным необходимо дополнить ч. 4 ст. 21 УПК РФ и изложить её в следующей редакции: «Требования, поручения и запросы прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя, предъявленные в пределах их полномочий, установленных настоящим Кодексом, обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами незамедлительно или в указанный в требовании (запросе, поручении) срок».

При проверке сообщения о преступлении устанавливаются повод и основание к возбуждению уголовного дела, достаточность данных, указывающих на признаки преступления, их юридическая квалификация, обстоятельства, исключающие возбуждение уголовного дела, принимаются меры по предотвращению или пресечению преступления, закреплению его следов, обеспечению последующего расследования и рассмотрения дел в соответствии с установленной законом подследственностью и подсудностью¹⁶⁵.

По своей сути объяснения лиц, получаемые в ходе проверки сообщения о преступлении, являются информацией и, соответственно, сведениями, которые в своей совокупности с другими данными, установленными в ходе проверки

г. Санкт-Петербурга, следственного отдела по Красногвардейскому району ГСУ СК России по г. Санкт-Петербургу, ГСУ СК России по г. Санкт-Петербургу.

¹⁶⁴ См.: Жуков Д.А. Об использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 2. С. 133–139.

¹⁶⁵ См.: Жуков Д.А. Получение «объяснений» и их значение для досудебного производства // Российский следователь. 2018. № 5. С. 12–15.

сообщения о преступлении, как правило, дают основание для возбуждения уголовного дела или влекут отказ в его возбуждении.

Одним из элементов проверки сообщения о преступлении являлось, согласно ч. 2 ст. 109 УПК РСФСР 1960 года, и остаётся в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ получение объяснений.

УПК РСФСР 1922, 1923 годов в главе VII «Возбуждение производства по уголовному делу» вообще не содержали указания на такой элемент проверки сообщения о преступлении как получение объяснений.

Продолжая анализировать положения отечественного уголовно-процессуального законодательства, отметим, что положения УПК РФ, как и УПК РСФСР 1960 года, не раскрывают понятие «объяснение» и детально не устанавливают порядок производства процессуального действия «получение объяснения». При этом изменения в ч. 1 ст. 144 УПК РФ о праве должностных лиц получать объяснения в ходе проверки сообщения о преступлении были внесены только 4 марта 2013 года, то есть спустя почти 11 лет после вступления УПК РФ в действие.

Тем не менее, до внесения указанных изменений в УПК РФ и в отсутствие регламентированного полномочия должностных лиц получать объяснения, отстаивалось мнение, что «самым доступным проверочным средством является получение объяснений. Содержание объяснения не является показаниями. Объяснение – это источник доказательств, предусмотренный ст. 84 УПК РФ как иной документ»¹⁶⁶. Поэтому объяснения очевидцев, пострадавшего, в отдельных случаях – и подозреваемого, должностные лица правоохранительных органов получали и до внесения в закон указанных изменений, что обоснованно порождало сомнения в правомерности получения объяснений и их доказательственной силе.

Мнение о том, что процессуальный документ «объяснение» является «одним из средств сбора достаточных данных, указывающих на признаки

¹⁶⁶ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. М.: Юрайт, 2010. С. 442.

преступления, и его оформлении по правилам, предъявляемым к протоколу допроса»¹⁶⁷, отстаивалось и в период действия УПК РСФСР 1960 года.

При этом в научной литературе существует мнение о необходимости вообще отказаться от получения объяснений и оформлять полученные сведения в рапорте на имя руководителя, поскольку «внедрение такой практики в доследственную проверку вместо письменных объяснений, дискредитирующих стадию возбуждения уголовного дела, способствовало бы восстановлению ее смысла, определяемого задачами быстро и оперативно определить наличие или отсутствие признаков преступления»¹⁶⁸.

Однако с такой позицией трудно согласиться, так как после возбуждения уголовного дела в ряде случаев провести допросы опрошенных лиц будет проблематично или потребует длительного промежутка времени либо вообще будет невозможно.

В связи с этим нельзя не согласиться с мнением Р.А. Михайленко, что до возбуждения уголовного дела «стремление должностных органов предварительного следствия и дознания сразу же выявить все необходимые по делу обстоятельства при производстве следственных и иных процессуальных действий естественным образом укладывается в рамки логики познания совершенного деяния и общежитейского правила о том, что нельзя откладывать на потом то, что можно выяснить сейчас»¹⁶⁹.

Представляется, что процессуальный документ «объяснение» по форме и содержанию должен быть составлен по аналогии с протоколом допроса (ст. 190 УПК РФ), протоколом следственного действия (ст. 166 УПК РФ), а опрашиваемому лицу должны быть разъяснены положения ст. 51 Конституции Российской Федерации и иные предусмотренные ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ права.

¹⁶⁷ Рыжаков А.П. Уголовный процесс: возбуждение и отказ в возбуждении уголовного дела: учебное пособие. Тула. 1996. С. 91–92.

¹⁶⁸ Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М.: КНОРУС, 2010. С. 223.

¹⁶⁹ Михайленко А.Р. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе / Под ред. А.Л. Цыпкина. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1975. С. 6.

При этом, исходя из содержания п. 32 ст. 5 УПК РФ и ст. 144 УПК РФ, процессуальное действие «получение объяснения» не является следственным действием, а изложенные в процессуальном документе «объяснение» сведения – показаниями.

Процессуальный документ «объяснение» является не только источником сведений, которые в своей совокупности с другими данными, установленными в ходе проверки сообщения о преступлении, как правило, дают основание для возбуждения уголовного дела или влекут отказ в его возбуждении.

Объяснение, как процессуальный документ, исходя из содержания статей главы 10 УПК РФ «Доказательства в уголовном судопроизводстве», следует считать доказательством в виде иного документа.

Отнесение объяснения к такому виду доказательств как «иной документ», по мнению ряда учёных, является спорным, поскольку «законодатель, предусмотрев право следователя получать объяснения, не установил требования к форме объяснения, порядок его получения, последствия отказа гражданина или должностного лица от дачи объяснения, объяснение не предусмотрено в числе доказательств»¹⁷⁰.

После дополнения Федеральным законом № 23-ФЗ от 4 марта 2013 года ст. 144 УПК РФ правом должностного лица получать объяснения и ч. ч. 1.1 и 1.2 о том, что полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений ст. ст. 75 и 89 УПК РФ, практика идёт по пути признания процессуального документа «объяснение» доказательством в виде иного документа, прямо предусмотренного п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ, то есть документа, в котором согласно ч. 1 ст. 84 УПК РФ изложены сведения, имеющие значение для установления обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ.

¹⁷⁰ Актуальные проблемы уголовно-процессуального права: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности юриспруденция / Под ред. О.В. Химичевой, О.В. Мичуриной. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014. С. 190; Овсянников И.В. Проблема доказательственного значения объяснений // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 5. С. 83–87.

Такой подход подтверждается и позицией Конституционного Суда Российской Федерации, заключающейся в том, что объяснения, которые получают в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ при проверке сообщения о преступлении, могут быть доказательствами – иными документами при условии соблюдения требований норм, определяющих порядок собирания, проверки и оценки доказательств в уголовном судопроизводстве, в частности ст. ст. 75, 86, 87, 88, 234 и 235 УПК РФ¹⁷¹. При этом о форме изложения сведений, полученных в результате выполнения процессуального действия «получение объяснения», в данном решении не упоминается.

Очевидно, что, несмотря на вносимые в УПК РФ изменения, в ст. 144 УПК РФ не определены процессуальная форма закрепления сведений по результатам производства процессуального действия «получение объяснения» и обязанность лица подписать процессуальный документ, составленный по его результатам, не указано, каков порядок вызова лица, у которого необходимо получить объяснения, можно ли осуществлять его привод в случае неявки, то есть порядок получения объяснения требует детализации.

Право должностных лиц требовать у очевидцев, пострадавшего, подозреваемого дать объяснение в целом предусмотрено УПК РФ, в частности, исходя из содержания ч. 4 ст. 21 УПК РФ, устанавливающей обязательность исполнения требований прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя. Тем более, что в соответствии с п. 2 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ «Особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме» с учётом конкретных обстоятельств уголовного дела дознаватель вправе не допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения.

¹⁷¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 мая 2013 года № 723-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Жудина Сергея Семеновича на нарушение его конституционных прав пунктом 6 части второй статьи 74, пунктом 1 части третьей статьи 413 и положениями главы 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 16.06.2025).

Кроме того, в соответствии с п. 2 ч. 4 ст. 91 УПК РФ, подозреваемый вправе давать объяснения и показания по поводу имеющегося в отношении его подозрения либо отказаться от дачи объяснений и показаний. Так, в практической деятельности автора имели место случаи собственноручного написания подозреваемыми объяснений по существу подозрения в совершении убийства двух престарелых супругов, причём с приложением собственноручно нарисованных схем, отражающих обстоятельства совершённого преступления, которые впоследствии были признаны судом допустимыми доказательствами обвинения, учтены при вынесении обвинительного приговора и указаны в нём как доказательства, подтверждающие обвинение. При этом такие объяснения были составлены подозреваемыми в произвольной форме с указанием своих основных биографических данных и названы «заявлениями»¹⁷².

Таким образом, детализация порядка процессуального действия «получение объяснения» необходима.

И это уже произошло на ведомственном уровне в связи с образованием военной полиции. Так, в соответствии со ст. 50 Инструкции о процессуальной деятельности органов дознания Вооружённых Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, утверждённой приказом заместителя Генерального прокурора Российской Федерации – Главного военного прокурора от 23 октября 2014 года № 150¹⁷³, «объяснение» является одним из средств проверки органом дознания или дознавателем сообщения о преступлении. В ст. 49 указанной инструкции, как и в ст. 144 УПК РФ, отражена необходимость разъяснения прав, обязанностей опрашиваемому лицу, а в Приложении № 1 к данной инструкции имеется бланк «Объяснение».

¹⁷² Материалы уголовного дела № 200400157/23 по обвинению В. и З. в совершении преступления, предусмотренного п. п. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 и п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ, приговор Тюменского областного суда от 9 ноября 2004 года // Архив Тюменского областного суда.

¹⁷³ Инструкция о процессуальной деятельности органов дознания Вооружённых Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, утверждённая приказом заместителя Генерального прокурора Российской Федерации – Главного военного прокурора от 23 октября 2014 года № 150 (ред. от 20 июля 2017 года) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 16.06.2025).

В связи с этим актуально разрешение вопроса о том, в какой форме должны быть изложены при получении объяснений сведения: лист бумаги, начинающийся словом «Объяснение» с основными биографическими данными и кратким изложением ответов на вопросы опрашиваемого или «Протокол получения объяснения», содержащий ряд необходимых элементов с разъяснением лицу его прав, обязанностей, ответственности.

Представляется, что объяснение, являющееся доказательством в виде иного документа, должно быть процессуальным документом по содержанию и форме, чтобы его можно было не только быстро и просто прочитать, но и впоследствии предъявить в суде присяжным.

Поэтому сведения, изложенные лицом при получении объяснения, как процессуальном действии, должны быть отражены в таком документе как протокол получения объяснения, который предполагает наличие неотъемлемых элементов, уже давно выработанных практикой. Это указание на место, дату, время получения объяснения, должностное лицо, получившее объяснение, ссылки на ст. 21 УПК РФ. Также следует указать условия, в которых получено объяснение, после чего привести биографические данные о лице, у которого получают объяснение, перечень которых уже давно определён практикой и отражается практическими работниками в протоколах допросов, а также привести текст ч. ч. 1.1 и 1.2 ст. 144 УПК РФ с разъяснением прав и обязанностей, в первую очередь права, предусмотренного ст. 51 Конституции Российской Федерации, и обязанности говорить правду, далее изложить от первого лица сведения, непосредственно сообщённые опрошенным лицом.

Как правило, большинство практических работников приобщают к материалам проверки схемы, рисунки, копии документов, в том числе удостоверяющих личности опрашиваемых, но забывают указать в тексте объяснений о наличии приложений, а это делать необходимо.

При применении технических средств, в том числе при фотографировании, аудио и/или видеозаписи, киносъёмке также необходимо указать, кто и какие применяет технические средства.

Протокол получения объяснения предъявляется опрашиваемому лицу для прочтения либо по его просьбе оглашается следователем, о чём в протоколе делается соответствующая запись. Он должен содержать подписи опрошенного, участвующих лиц и должностного лица, получившего объяснение, удостоверяющие правильность протокола, а также заявления и замечания к нему. Отказ от подписания протокола или невозможность его подписания опрошенным или участвовавшими лицами удостоверяется в порядке, установленном ст. 167 УПК РФ.

В результате изучения 1010 материалов доследственных проверок по сообщениям о преступлениях установлено, что бланки объяснений, используемые по месту прохождения службы соискателя в различных следственных подразделениях, в 100 % случаев оформления результатов получения объяснений содержат основные биографические данные опрашиваемых лиц и иные биографические данные, а также разъяснение ст. 51 Конституции РФ, которые указываются в дальнейшем и в протоколах допросов.

Таким образом, составление протокола получения объяснения должно осуществляться по аналогии с протоколами допроса, поскольку в 100 % случаев оформления результатов получения объяснений так происходит на практике, о чём свидетельствует содержание материалов проверки сообщений о преступлении, изученных в ходе настоящего исследования¹⁷⁴. Эта процедура нуждается в правовом закреплении, так как в результате получения объяснения получают сведения, создающие основание для возбуждения уголовного дела или влекущие отказ в его возбуждении, а также формируют доказательство «иной документ», поэтому каких-либо сомнений в правильности изложения содержащихся в нём сведений и их доказательственной силе не должно быть.

Также требует ответа вопрос о том, каков процессуальный статус лиц, у которых получают объяснения. Может быть, это определяемые бытовыми

¹⁷⁴ Архивы уголовных дел и материалов доследственных проверок СУ при УВД г. Тобольска, прокуратуры г. Тобольска Тюменской области, прокуратуры Красногвардейского района г. Санкт-Петербурга, следственного отдела по Красногвардейскому району ГСУ СК России по г. Санкт-Петербургу, ГСУ СК России по г. Санкт-Петербургу.

понятиями «очевидцы», «пострадавший», «заподозренный», о которых нет указания в УПК РФ (за исключением упоминания очевидцев в п. 2 ч. 1 ст. 91 УПК РФ)? Или же это «потерпевший», «свидетель», «подозреваемый», процессуальное положение которых регламентировано ст. ст. 42, 56, 46 УПК РФ, соответственно?

Однако свидетелем является лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела и которое вызвано для дачи показаний. Решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела и оформляется постановлением дознавателя, следователя, судьи или определением суда.

Таким образом, очевидно, что до возбуждения уголовного дела называть лиц, у которых получают объяснения, свидетелями и потерпевшими, неверно, так как ещё не ясно, есть ли основания для возбуждения уголовного дела, и будет ли оно вообще возбуждено.

Исходя из буквального анализа ч. 1 ст. 46 УПК РФ и оснований задержания, указанных в ст. 91 УПК РФ, лицо приобретает статус подозреваемого до возбуждения уголовного дела в одном случае, предусмотренном п. 2 ч. 1 ст. 46 УПК РФ, когда оно задержано в соответствии со ст. ст. 91 и 92 УПК РФ.

В отсутствие указанных в ч. 1 ст. 46 УПК РФ оснований подозревать лицо в причастности к преступлению, статус лица, которого можно заподозрить в причастности к преступлению, УПК РФ достаточным образом не определён до настоящего времени.

Правовая неопределённость придания статуса подозреваемого существует уже более 20-ти лет, несмотря на то, что в период действия УПК РСФСР Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 года № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в

связи с жалобой гражданина В.И. Маслова»¹⁷⁵ были даны критерии признания лица подозреваемым, которые следовало сформулировать в УПК РФ.

С учётом изложенного и в связи с отсутствием в УПК РФ определений лиц, у которых получают объяснения, представляется правильным, что в ходе проверки сообщения о преступлении, когда ещё только выясняется, имеются ли основания для возбуждения уголовного дела, нет необходимости определять статусы лиц, у которых получают объяснения, так как все они являются опрашиваемыми лицами.

Что касается привода лица, у которого необходимо получить объяснение, то в соответствии со ст. 113 УПК РФ таковой не предусмотрен, однако указание на «опрашиваемое лицо» в ч. 1 данной статьи разрешило бы осуществление привода такого лица.

С учётом изложенного представляется, что детализация в ст. 144 УПК РФ порядка проведения процессуального действия «получение объяснения» и указание формы изложения полученных сведений в виде процессуального документа «протокол получения объяснения», составленного в соответствии со ст. ст. 166, 167 и 190 УПК РФ, закономерно раскрывало бы положения п. 32 ст. 5, ч. 4 ст. 21 и ч. ч. 1, 1.1, 1.2 ст. 144 УПК РФ, а также ч. 1 ст. 1 УПК РФ о том, что порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается УПК РФ, основанным на Конституции Российской Федерации.

Описанная детализация исключила бы споры о доказательственной силе протокола получения объяснений, учитывая, что изложенные в нём сведения по окончании проверки сообщения о преступлении вместе с другими данными образуют основание для возбуждения уголовного дела или влекут отказ в его возбуждении.

Конкретизация порядка проведения процессуального действия «получение объяснения» с указанием формы изложения полученных сведений в виде процессуального документа «протокол получения объяснения» повысило бы

¹⁷⁵ [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 16.06.2025).

эффективность проверок сообщений о преступлении, предварительного расследования и рассмотрения уголовных дел судом¹⁷⁶.

Сведения, сообщённые в ходе получения объяснений после возбуждения уголовного дела, как правило, конкретизируются в ходе допросов и трансформируются в показания.

Согласно ч. 1 ст. 51 Конституции Российской Федерации никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определён федеральным законом, при этом согласно ч. 2 указанной статьи федеральным законом могут устанавливаться иные случаи освобождения от обязанности давать свидетельские показания.

Указанные положения детализируются в действующем уголовно-процессуальном законодательстве.

Так, в соответствии с п. 40 ст. 5 УПК РФ свидетельский иммунитет – право лица не давать показания против себя и своих близких родственников, а также в иных случаях, предусмотренных данным кодексом.

В соответствии с ч. 2 ст. 11 УПК РФ, в случае согласия лиц, обладающих свидетельским иммунитетом, дать показания, дознаватель, следователь, прокурор и суд обязаны предупредить указанных лиц о том, что их показания могут использоваться в качестве доказательств в ходе дальнейшего производства по уголовному делу. Согласно ст. 74 УПК РФ, показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, эксперта и специалиста допускаются в качестве доказательств.

По мнению В.Л. Будникова, «содержанием свидетельского иммунитета выступает законодательно определенная возможность допрашиваемого лица выбирать по собственному усмотрению один из нормативно установленных вариантов поведения при производстве соответствующих следственных действий. Никем и ничем не ограниченная возможность свидетельствовать либо не свидетельствовать против себя или других лиц, круг которых определен законом,

¹⁷⁶ См.: Жуков Д.А. Получение «объяснений» и их значение для досудебного производства // Российский следователь. 2018. № 5. С. 12–15.

представляет собой стержневой элемент правового понятия свидетельского иммунитета»¹⁷⁷.

При этом свидетельский иммунитет имеет место при любой категории преступлений и предполагает отказ от дачи показаний даже в случае, если лицо уже сообщило какие-либо сведения.

Уголовно-процессуальные кодексы РСФСР 1922, 1923, 1960 годов, Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 года не содержали определения показаний свидетеля, потерпевшего, эксперта, подозреваемого, обвиняемого и не раскрывали понятие термина «показания».

Действующий уголовно-процессуальный закон также не содержит определения понятия «показания», но приводит определения показаний свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, эксперта, специалиста.

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 79 УПК РФ, показания свидетеля – сведения, сообщённые им на допросе, проведённом в ходе досудебного производства по уголовному делу или в суде в соответствии с требованиями ст. ст. 187–191 и 278 данного кодекса.

По заслуживающему внимания мнению В.И. Зажицкого, «показания свидетеля – это устные сообщения лица об имеющих значение для уголовного дела обстоятельствах, о которых ему стало известно в результате их непосредственного наблюдения, со слов других известных ему лиц или из документов, сделанные на допросе, проведенном в ходе досудебного производства по уголовному делу или в суде в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона»¹⁷⁸.

При этом требования ст. ст. 187–190 УПК РФ, касающиеся общих правил проведения допроса свидетеля, также должны быть соблюдены на досудебной стадии при проведении допросов потерпевшего, подозреваемого и обвиняемого.

¹⁷⁷ Будников В.Л. Показания в уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2009. С. 56.

¹⁷⁸ Зажицкий В.И. Доказывание и доказательства по УПК РФ: теоретико-правовой анализ. С-Пб.: Юридический центр-Пресс, 2015. С. 340.

Кроме того ч. 1 ст. 188 УПК РФ, регламентирующая порядок вызова на допрос, не отражает реальное положение вещей при осуществлении расследования, поскольку довольно часто свидетель и потерпевший допрашиваются на месте проведения других следственных действий без какого-либо вызова повесткой, поскольку промедление в их допросах может привести к утрате доказательств, препятствовать установлению обстоятельств совершённого преступления или будет являться обстоятельством, благодаря которому преступник сможет скрыться.

Поэтому следует дополнить ч. 1 ст. 188 УПК РФ предложением «Следователь вправе провести допрос незамедлительно без вызова повесткой, если его отложение приведет к негативным последствиям».

Детализируя ст. 51 Конституции Российской Федерации, п. 40 ст. 5 и ч. 2 ст. 11 УПК РФ, п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ предоставляет свидетелю право отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определён п. 4 ст. 5 этого кодекса. При согласии свидетеля дать показания он должен быть предупреждён о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и в случае его последующего отказа от этих показаний.

Согласно ч. 8 указанной статьи, за дачу заведомо ложных показаний либо отказ от дачи показаний свидетель несёт ответственность в соответствии со ст. ст. 307 и 308 Уголовного кодекса Российской Федерации.

В практической деятельности имеют место случаи допросов в качестве свидетелей лиц, которые впоследствии становятся подозреваемыми, а затем и обвиняемыми, при этом допросы таких лиц в качестве свидетелей производятся, поскольку отсутствуют предусмотренные УПК РФ основания подозревать их в совершении преступления.

Это, например, имеет место в случаях аварий на производственных объектах, когда допрашивается большое количество инженерно-технических работников, или когда проводятся допросы значительного числа лиц в месте совершения убийств, обнаружения «криминальных трупов» либо по делам о

должностных преступлениях, когда допрашиваются коллеги обвиняемого, причастность которых к совершению преступления устанавливается в ходе дальнейшего расследования. Вряд ли можно перечислить всё многообразие следственных ситуаций, когда такое возможно, поэтому соискатель привёл в качестве примеров лишь те случаи, с которыми непосредственно сталкивался в своей практической деятельности.

Как правило, основной целью таких допросов свидетелей является фиксация первичной общей и относительно неконкретной информации. При этом такие допросы обычно производятся не одним, а несколькими должностными лицами, которые обстоятельства расследуемого преступления знают в общих чертах, и не могут кого-либо конкретно подозревать.

Представляется чрезмерным, что в таких случаях следует допрашивать таких лиц в качестве подозреваемых и соответственно предоставлять им все предусмотренные УПК РФ права и гарантии, хотя, по мнению отдельных работников прокуратуры, законно и обоснованно предоставление при расследовании лицу более широких прав, чем это предусмотрено УПК РФ.

Следует отметить, что в период действия УПК РСФСР 1960 года отстаивалась точка зрения, заключающаяся в том, что «не считаются подозреваемыми также лица, в отношении которых получены уголовно-процессуальные доказательства, позволяющие их заподозрить в совершении преступления, но недостаточные для привлечения указанных лиц к уголовной ответственности в качестве обвиняемых. При необходимости участия таких лиц в следственных действиях должны применяться правила, касающиеся свидетелей по уголовному делу»¹⁷⁹.

С таким мнением вряд ли можно согласиться, поскольку, даже при отсутствии предусмотренных тогда ст. 52 УПК РСФСР 1960 года и предусмотренных в настоящее время ст. 46 УПК РФ оснований подозревать таких лиц на момент их допроса в качестве свидетеля, их «фактическое положение

¹⁷⁹ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / Под общ. ред. В.М. Савицкого, Б.Т. Безлепкина, П.А. Лупинской. М.: Проспект, 2000. С. 105.

свидетельствует, что в их отношении осуществляется публичное уголовное преследование, права и свободы затрагиваются или могут быть существенно затронуты действиями и мерами, связанными с уголовным преступлением»¹⁸⁰, что влечёт необходимость соблюдения их прав как подозреваемых и предоставления им всех гарантий, предусмотренных законом.

Нередки случаи, когда предъявление обвинения лицу, допрошенному в качестве свидетеля, при наличии достаточных оснований может произойти спустя большой промежуток времени после совершения преступления, который может исчисляться годами, и/или вообще минуя придание ему статуса подозреваемого.

Между тем «допрос подозреваемого в качестве свидетеля – явление не только хорошо и широко известное нашей практике, но и имеющее давние корни. Проблема идентификации и разграничения официального процессуального статуса свидетеля и подозреваемого до конца не разрешена. Основная трудность кроется в невозможности сформулировать в законе исчерпывающий перечень лиц, подпадающих под понятие подозреваемого, в связи с чем следователи и дознаватели всегда будут сталкиваться с лицами, не отвечающими строгому формальному перечню, как это имеет место в настоящее время»,¹⁸¹ указанному в ч. 1 ст. 46 УПК РФ.

Практика свидетельствует, что суд исключает свидетельские показания лица, привлечённого в качестве обвиняемого, относя их к недопустимым доказательствам по причине того, что они были даны ранее им как свидетелем, «предупрежденным об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний, а впоследствии привлеченным в качестве подозреваемого и обвиняемого, то есть в ходе допроса в качестве свидетеля он

¹⁸⁰ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 года № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 16.06.2025).

¹⁸¹ Лазарева В.А. Проблемы использования свидетельских показаний в уголовном процессе. М.: Юрлитинформ, 2009. С. 112–115.

был лишен возможности воспользоваться правом защищаться всеми незапрещенными законом способами»¹⁸².

Несмотря на указанный приговор суда, вступивший в законную силу, с этим вряд ли можно согласиться по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 1 ст. 75 УПК РФ, доказательства, полученные с нарушением требований данного кодекса, являются недопустимыми. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ.

В соответствии с ч. 2 ст. 75 УПК РФ, к недопустимым доказательствам относятся:

1) показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтверждённые подозреваемым, обвиняемым в суде;

2) показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомлённости.

Таким образом, в ст. 75 УПК РФ не предусмотрены основания для признания недопустимым доказательством свидетельских показаний, полученных при проведении в соответствии с перечисленными выше требованиями УПК РФ допроса свидетеля, получившего впоследствии статус подозреваемого и/или обвиняемого.

Сторонники признания недопустимыми доказательствами показаний свидетеля, ставшего впоследствии подозреваемым и/или обвиняемым, мотивируют это тем, что фактически, предупреждая такого свидетеля об ответственности за дачу заведомо ложных показаний либо отказ от дачи

¹⁸² Материалы уголовного дела № 227012 по обвинению Р., Ц., К. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 293 УК РФ, приговор Кировского городского суда Ленинградской области от 30 сентября 2016 года в отношении Р., Ц., К. // Архив Кировского городского суда Ленинградской области.

показаний, должностное лицо, осуществляющее допрос, заставляет свидетеля изобличать себя.

Считаем такой довод не вполне обоснованным, поскольку до предупреждения об ответственности свидетелю разъясняют его право отказаться от дачи показаний, а если он желает дать показания, то его показания могут быть использованы в качестве доказательств даже в случае, если он от них отказывается. Другой вопрос, что разъяснение такого права и последствий отказа от его использования должно быть осуществлено внятно и понятно, в первую очередь для юридически неграмотного человека.

Это полностью согласуется с положениями ч. 2 ст. 50 Конституции Российской Федерации о том, что при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона.

«Допустимость доказательств можно определить как доказательства, полученные с соблюдением всех требований УПК. Только такие доказательства имеют юридическую силу, могут быть положены в основу обвинения и использоваться в доказывании обстоятельств, имеющих значение для дела. Исходя из общих представлений о допустимости доказательств, допустимость показаний свидетеля можно определить как их соответствие требованиям уголовно-процессуального закона относительно условий и порядка получения и закрепления сообщаемой свидетелем информации. Закон не содержит конкретных условий допустимости доказательств, ограничившись лишь указанием на недопустимость некоторых из них. В частности, в ст. 75 УПК РФ говорится о недопустимости свидетельских показаний, основанных на догадке, предположении, слухе, или при отсутствии известности источника осведомленности»¹⁸³.

Необходимо отметить, что и следственно-судебная практика по вопросу признания доказательственной силы показаний свидетелей, ставших обвиняемыми, неоднозначна. Так, по успешно расследованному автором

¹⁸³ Лазарева В.А. Проблемы использования свидетельских показаний в уголовном процессе. М.: Юрлитинформ, 2009. С. 47–48.

уголовному делу об умышленном причинении тяжкого вреда здоровью Б. были установлены пять человек, которые в разное время наносили удары потерпевшему, причём трое из них в ходе судебно-медицинских экспертиз уже были проверены на предмет возможности образования повреждений у потерпевшего при обстоятельствах, которые описывал каждый из них. Заключение экспертов не подтвердило версию об их причастности к причинению тяжкого вреда здоровью. Уголовное дело длительное время расследовалось бессистемно без какой-либо перспективы и спустя три года после самого факта совершения преступления было передано для производства расследования автору. В ходе дальнейшего расследования в результате совместно спланированных с оперативным сотрудником оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий были установлены ещё два лица, которые были ранее допрошены в качестве свидетелей, но не сообщали, что также наносили удары потерпевшему. Однако однозначно установить или опровергнуть их причастность к причинению тяжкого вреда здоровью потерпевшего не представлялось возможным без проведения дополнительной медицинской судебной экспертизы, поскольку показания установленных свидетелей о двух новых фактах нанесения ударов потерпевшему были неполными из-за злоупотребления ими алкоголем и давности событий. После этого все пять лиц были повторно допрошены в качестве свидетелей, с ними были проведены следственные эксперименты по обстоятельствам нанесения ими ударов потерпевшему, а также были проведены следственные эксперименты и с другими свидетелями. При проведении следственных экспериментов применялась видеозапись. Впоследствии по делу была назначена дополнительная медицинская судебная экспертиза, для проведения которой были представлены протоколы всех проведённых следственных экспериментов, в результате чего был установлен Г., который был признан виновным в причинении умышленного тяжкого вреда здоровью потерпевшего и осуждён к 4,5 годам лишения свободы спустя почти пять лет

после совершения преступления, причем Г. в суде полностью признал себя виновным¹⁸⁴.

В этом частном случае успешного расследования преступления, кроме надлежащей организации расследования, следует акцентировать внимание на том, что обвинение Г. было предъявлено после проведения дополнительной медицинской судебной экспертизы, которая установила, что исходя из механизма причинения ударов со стороны Г., он является единственным причинителем тяжкого вреда здоровью потерпевшего, а показания допрошенных в качестве свидетелей пяти лиц, наносивших удары потерпевшему, в том числе свидетельские показания впоследствии осуждённого Г., и протоколы следственных экспериментов с их участием, а также заключение экспертов по оценке описанных ими механизмов нанесения ударов, не были исключены судом как недопустимые доказательства.

Можно, конечно, утверждать о том, что следователь интуитивно предполагал, что это Г. причинил тяжкий вред здоровью потерпевшего, иначе бы не поручал проведение дополнительных ОРМ местным оперативным работникам по установлению иных лиц, имевших конфликты с потерпевшим, так как понимал, что уже установленные лица не могли его причинить потерпевшему. На это можно обоснованно ответить, что также было установлено ещё одно лицо, которое могло причинить тяжкий вред здоровью потерпевшего, к тому же следователь не отказался от версии о причастности к этому преступлению одного из трёх уже установленных лиц и версии о получении потерпевшим травмы в результате несчастного случая, поэтому действия всех пяти лиц было необходимо и возможно проверить в ходе дополнительной медицинской судебной экспертизы.

Поэтому нельзя утверждать, что всех пятерых необходимо было изначально допрашивать в качестве подозреваемых и проводить с ними последующие действия именно в таком статусе. Тем более, что причинение побоев на почве

¹⁸⁴ Материалы уголовного дела № 1-60/2018 по обвинению Г. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 111 УК РФ, приговор Боровичского районного суда Новгородской области от 2 марта 2018 года // Архив Боровичского районного суда Новгородской области.

личных неприязненных отношений 7 февраля 2017 года было декриминализировано, а сроки давности привлечения к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 115 УК РФ за умышленное причинение лёгкого вреда здоровью к моменту установления Г. уже истекли.

Нельзя также забывать, что согласно п. 3 ч. 1 ст. 33 УПК РФ, подозреваемый или обвиняемый, уголовное преследование в отношении которого прекращено по основаниям, предусмотренным п. п. 1, 2, 5 и 6 ч. 1 ст. 24 и п. п. 1 и 4–6 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, имеет право на реабилитацию.

Также следует учитывать, что доказательства, полученные с участием Г. в статусе свидетеля, были изложены в обвинительном заключении, только как доказательства защиты.

Поэтому, поскольку ни одно из полученных на предварительном следствии доказательств в результате следственных действий с участием Г. не было признано недопустимым и исключено в ходе судебного заседания, а по делу вынесен обвинительный приговор, который признан законным и обоснованным, постольку все доказательства были допустимыми.

В связи с этим можно полностью согласиться с мнением В.Л. Будникова о том, что «допустимость представляет собой обязательное нормативное свойство каждого доказательства, в том числе показаний, означающее правомерность его получения и использования в конкретном уголовном судопроизводстве. При этом под указанной правомерностью необходимо понимать полное и точное выполнение правил собирания и проверки доказательств, установленных не только уголовно-процессуальным, но и любым федеральным, в том числе и конституционным, законом. Названное нормативное свойство присуще тем фактическим сведениям, которые получены в рамках процессуальной формы, установленной действующим федеральным законодательством и, прежде всего, – уголовно-процессуальным, в условиях полного и точного соответствия его прямым предписаниям»¹⁸⁵.

¹⁸⁵ Будников В.Л. Показания в уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2009. С. 56.

Из следственной практики известно, что, если добропорядочный человек желает в ходе допроса, чтобы какие-либо обстоятельства не были указаны в протоколе, он обычно сообщает об этом следователю и объясняет, по какой причине он этого желает. С другой стороны, свидетель, которому есть что скрывать, и/или не доверяющий должностному лицу, осуществляющему допрос, сделает всё возможное, чтобы скрыть ту или иную информацию и непременно воспользуется свидетельским иммунитетом, даже если в такой информации нет ничего предосудительного.

Вместе с тем, представим ситуацию, когда к следователю на допрос в качестве свидетеля приходит лицо, которое откровенно говорит, что ему известны определённые обстоятельства о событиях, в которых оно принимало участие, или имело к ним какое-то отношение, но оно не готово «сообщить о них под протокол», так как опасается, что его действия или бездействие могут содержать признаки преступления. Такая ситуация возможна, когда, например, водитель автомобиля наезжает на труп человека и скрывается, считая себя виновником наступления смерти уже погибшего в результате ДТП человека.

Какие действия должен предпринять следователь, если он не предполагал, что данное лицо, подлежащее допросу в качестве свидетеля, можно заподозрить в совершении преступления, или следователь не может убедить такое лицо в его невиновности, чтобы получить свидетельские показания? Получается, что следователю необходимо убедить такое лицо отказаться от дачи свидетельских показаний и допросить его в качестве подозреваемого в присутствии приглашённого или назначенного адвоката, а если оснований подозревать такое лицо нет, – допросить его в качестве свидетеля, убедив получить консультацию у адвоката и затем явиться на допрос с адвокатом или без такового. Практика свидетельствует о том, что откладывать допросы таких свидетелей нецелесообразно.

При этом согласно ч. 1 ст. 45 Конституции Российской Федерации, государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется, а в соответствии с ч. 1 ст. 48 Основного Закона

каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно.

Поэтому можно согласиться с мнением М.М. Шейфер, считающей таких свидетелей фактически подвергающимися скрытому уголовному преследованию, в связи с чем они должны обладать более широкими правами, чем «обычные» свидетели, в частности им должно быть обеспечено полноценное участие адвоката на допросе и в иных следственных действиях с их участием¹⁸⁶, в связи с чем предлагаем дополнить п. 6 ч. 4 ст. 56 УПК РФ, предусматривающий право свидетеля являться на допрос с адвокатом, фразой следующего содержания: «лицо, осуществляющее расследование, вправе по своей инициативе пригласить адвоката для оказания свидетелю бесплатной юридической помощи».

При вышеуказанных условиях показания свидетеля представляется возможным оценить по правилам, которые предъявляются к показаниям подозреваемого. Однако такое дополнение ст. 56 УПК РФ не является условием для полноценного обеспечения прав свидетелей.

Обобщая вышесказанное считаем, что правовая позиция, изложенная в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 года № 11-П по делу В.И. Маслова¹⁸⁷, фактически требует отказаться от формального определения указанного в ч. 1 ст. 46 УПК РФ понятия подозреваемого, и его следует изложить, по нашему мнению, следующим образом: «Подозреваемым является лицо, в отношении которого осуществляются

¹⁸⁶ Шейфер М.М. Социальный и правовой статус свидетеля и проблемы его реализации в уголовном судопроизводстве России [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2005. С. 15 // Официальный сайт Российской государственной библиотеки. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01002973520#?> (дата обращения: 16.06.2025).

¹⁸⁷ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 года № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 16.06.2025).

действия, направленные на его изобличение и дающие основания считать его причастным к совершению преступления»¹⁸⁸.

Считаем, что дополнение о полномочии следователя по собственной инициативе приглашать потерпевшему адвоката следует внести и в п. 2 ч. 2 ст. 42 УПК РФ для полноценного обеспечения прав потерпевшего как участника уголовного судопроизводства, от показаний которого зависит исход расследования и реализация назначения уголовного судопроизводства.

На этом в своей работе настаивает А.И. Глушков, считая «целесообразным не только наделить потерпевшего дополнительными процессуальными полномочиями, позволяющими более действенно отстаивать свои права и законные интересы, но также по отношению к должностным лицам, осуществляющим производство по уголовному делу, регламентировать обязанность обеспечения реализации этих процессуальных прав»¹⁸⁹.

При этом, как указывают В.А. Лазарева и Д.В. Попов, «свидетель станет действительно свидетелем, то есть лицом, не имеющим собственного процессуального интереса, не подлежащим привлечению к уголовной ответственности, лицом, которое органы расследования и суд вызывают исключительно для получения сведений о действиях других лиц»¹⁹⁰.

С таким определением следует полностью согласиться, так как оно предполагает, что свидетель не должен обладать правом отказаться от дачи показаний. Исключение составляет указанный в ч. 3 ст. 56 УПК РФ конкретный перечень лиц, наделённых правом пользоваться свидетельским иммунитетом¹⁹¹.

¹⁸⁸ См.: Жуков Д.А. О проблеме допустимости свидетельских показаний в уголовном судопроизводстве // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2019. № 2(24). С. 178–184.

¹⁸⁹ Глушков А.И. Правовая регламентация участия потерпевшего в уголовном процессе // Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика. Сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции (16 декабря 2021 года). Рязань, 2022. С. 95.

¹⁹⁰ Лазарева В.А. Проблемы использования свидетельских показаний в уголовном процессе. М.: Юрлитинформ, 2009. С. 122.

¹⁹¹ См.: Жуков Д.А. О проблеме допустимости свидетельских показаний в уголовном судопроизводстве // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2019. № 2. С. 178–184.

Исследуя проблематику собирания следователем доказательств, соискатель приходит к выводу, что проведение судебных экспертиз в ходе следствия является одним из сложнейших способов собирания доказательств, поскольку помимо соблюдения процессуальных формальностей при взаимодействии следователя с судебными экспертами также необходимо наличие не только профессионального, но и простого человеческого взаимопонимания между ними.

При этом нельзя не согласиться с тем, что «судебная экспертиза всегда играла важную роль в доказывании по уголовным делам»¹⁹²; «Роль и значение судебных экспертиз сложно переоценить, поскольку они занимают центральное место среди следственных действий, связанных с использованием специальных знаний»¹⁹³.

Не случайно ст. 2 Федерального закона от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ определяет, что задачей государственной судебно-экспертной деятельности является оказание содействия судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла. «Правильное взаимодействие следователя с судебными экспертами и специалистами – залог успешного раскрытия и расследования преступления. Без знания правовых основ назначения судебной экспертизы, прав участников уголовного судопроизводства при назначении и производстве судебной экспертизы, путей устранения недостатков заключения эксперта или специалиста невозможно обеспечить эффективное экспертное сопровождение следствия»¹⁹⁴.

Такой подход предопределяет объективное, полное и всестороннее расследование в первую очередь сложных в расследовании и доказывании

¹⁹² Быков В.М. Новое Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации о судебной экспертизе по уголовным делам: научный комментарий // Право и политика. 2011. № 2. С. 214–221.

¹⁹³ Иванов А.В. Основные нарушения прав человека при назначении и производстве судебных экспертиз на досудебной стадии // Адвокат. 2015. № 10. С. 35–46.

¹⁹⁴ Хмелева А.В. Вопросы законодательного урегулирования использования следователем специальных знаний "сведущих лиц" // Российский следователь. 2014. № 11. С. 9–14.

преступлений, в частности: аварий на производстве, нарушений правил безопасности в различных сферах человеческой деятельности, техногенных катастроф, пожаров.

Важным при назначении судебной экспертизы является момент осознания следователем необходимости её проведения, после чего у следователя согласно ст. 38 и ч. 1 ст. 195 УПК РФ, как представляется, уже возникает обязанность вынести постановление о назначении судебной экспертизы. При этом какие-либо сроки назначения экспертиз в УПК РФ не определены, в том числе и сроки назначения экспертизы в одном из случаев, когда она должна быть обязательно назначена и проведена в соответствии со ст. 196 УПК РФ. Соискатель считает, что в установлении таких сроков нет необходимости в уголовно-процессуальном законе, поскольку определить их, установив какие-либо универсальные, стандартные критерии, невозможно.

Соискатель считает, исходя из опыта расследования уголовных дел о «ятрогенных» преступлениях, что моменту осознания следователем необходимости проведения и назначения судебной экспертизы со сложным предметом исследования, в том числе комиссионной или комплексной, а тем более – дополнительной или повторной, фактически предшествует получение им специальных знаний путём изучения литературы, нормативной правовой базы по предмету экспертизы, сведений из полученных документов, производство допросов свидетелей и специалистов, консультации с последними. То есть следователь в каждом конкретном случае определённый промежуток времени анализирует и устанавливает, как совершено преступление, и что необходимо проверить, подтвердить или опровергнуть путём проведения судебной экспертизы, в том числе, когда следователь в силу полученных знаний способен предположить, какой результат будет достигнут по её завершении¹⁹⁵.

¹⁹⁵ Материалы уголовного дела № 11802190012286039, возбужденного по ч. 2 ст. 109 УК РФ по факту смерти Е. в медицинском учреждении, постановление о прекращении уголовного дела за отсутствием состава преступления по п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ от 14 марта 2024 года; материалы уголовного дела № 11802190002016133, возбужденного по ч. 2 ст. 109 УК РФ по факту смерти З. в медицинском учреждении, постановление о прекращении уголовного дела за отсутствием

При этом следует учесть, что «соотношение специальных и общеизвестных познаний по своей природе изменчиво, зависит от уровня развития социума и степени интегрированности научных знаний в повседневную жизнь человека. Расширение и углубление познаний о каком-то явлении, процессе, предмете приводит к тому, что знания становятся более дифференцированными, системными, доступными все более широкому кругу лиц – сфера обыденных знаний обогащается. Одновременно идет и обратный процесс. За счет более глубокого научного познания явлений, процессов, предметов вроде бы очевидные, обыденные представления о них отвергаются, возникают новые научные обоснования, которые приобретают характер специальных познаний. Отнесение знаний к общеизвестным, обыденным, общедоступным существенным образом зависит от образовательного и интеллектуального уровня конкретного субъекта, его жизненного и профессионального опыта. Таким образом, очевидно, что в каждом отдельном случае необходимо проанализировать характер требуемых познаний и решить вопрос, могут ли они считаться специальными. Обращение за консультацией к специалисту никоим образом не может отрицательно повлиять на возможность установления истины по делу»¹⁹⁶.

Поэтому следователь, осознав необходимость проведения любой судебной экспертизы, выносит постановление о назначении таковой, независимо от того, проводит ли он расследование либо осуществляет проверку сообщения о преступлении.

В связи с этим соискатель не может не уделить в настоящей работе внимание отдельным проблемным вопросам, возникающим при назначении и производстве судебной экспертизы.

состава преступления по п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ от 14 марта 2024 года // Архив второго следственного управления (с дислокацией в городе Санкт-Петербург) ГСУ СК России.

¹⁹⁶ Россинская Е.Р. Специальные познания и современные проблемы их использования в судопроизводстве [Электронный ресурс] // Журнал российского права. 2001. № 5. СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 16.06.2025); Шмонин А.В. Понятие и содержание специальных познаний в уголовном процессе [Электронный ресурс] // Российский судья. 2002. № 11. СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 16.06.2025).

Так, соблюдение прав и законных интересов при проведении судебных экспертиз в ходе досудебного производства является важным условием доказательственной силы заключений экспертов в соответствии с предусмотренным ст. 7 УПК РФ принципом законности.

Вопросы производства судебной экспертизы регламентированы уголовно-процессуальным законом, Федеральным законом от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»¹⁹⁷, разъяснены в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 года № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам»¹⁹⁸.

Основные положения, регламентирующие назначение судебной экспертизы, указаны в ст. 195 УПК РФ. В соответствии с ч. 4 этой статьи судебная экспертиза может быть назначена и произведена до возбуждения уголовного дела.

Следует отметить, что возможность проведения судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела в УПК РФ в общих чертах была регламентирована Федеральным законом от 4 марта 2013 года № 23-ФЗ, то есть спустя десять лет после начала действия УПК РФ. В течение этого периода у правоприменителей возникало немало проблем и сложностей в оценке доказательственной силы заключений экспертов по результатам экспертиз, назначенных, проведённых до возбуждения уголовного дела.

Так, в производстве соискателя находилось уголовное дело о преступлении, совершённом медицинским работником, которое неоднократно возвращалось судом в порядке ст. 237 УПК РФ для производства ещё одной комиссионной судебной экспертизы в связи с проведением судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела. Суть проблемы заключалась в том, что заключения экспертов, полученные в рамках расследования дела, были оформлены как результаты дополнительных экспертиз по отношению к проведённой до возбуждения уголовного дела. При этом в ходе судебного рассмотрения данного уголовного

¹⁹⁷ Федеральный закон от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 16.06.2025).

¹⁹⁸ [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 16.06.2025).

дела назначенная медицинская судебная экспертиза была проведена как дополнительная, что в конечном итоге не создало препятствий для вынесения судьёй обвинительного приговора¹⁹⁹.

Следует отметить, что внесённые в УПК РФ 4 марта 2013 года изменения не устранили все пробелы в регламентации назначения и проведения экспертизы на стадии проверки сообщения о преступлении. Так ст. 144 УПК РФ была дополнена ч. 1.2 о том, что «Полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений статей 75 и 89 настоящего Кодекса. Если после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы, то такое ходатайство подлежит удовлетворению».

Таким образом, судебная экспертиза может быть проведена в ходе проверки сообщения о преступлении, но участники уголовного производства не могут воспользоваться своими правами, перечисленными в ст. 198 УПК РФ, поскольку их ещё не существует в связи с отсутствием уголовного дела, поэтому после возбуждения уголовного дела они могут фактически требовать проведения дополнительной или повторной судебной экспертизы, и отказать в этом невозможно.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: как ознакомить заинтересованных лиц с результатами проведённой при проверке сообщения о преступлении экспертизы, например, в случае отказа в возбуждении уголовного дела. Из опыта практической деятельности соискателю известно, что заинтересованным лицам или их адвокатам, если следователем не были вручены копии указанных документов, необходимо ходатайствовать о предоставлении возможности знакомиться со всеми материалами проверки, так как в случае заявления ходатайства только об ознакомлении с документами, касающимися

¹⁹⁹ Материалы уголовного дела № 200322036 по обвинению К. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ, приговор Тобольского городского суда Тюменской области от 7 июля 2005 года // Архив Тобольского городского суда Тюменской области.

проведения судебной экспертизы или невозможности её проведения, постановке дополнительных вопросов перед экспертом, предоставлении дополнительных материалов, в этом может быть отказано по формальному основанию отсутствия законодательной регламентации такой процедуры, либо данное ходатайство будет удовлетворено с мотивировкой общего характера соблюдения прав и законных интересов заинтересованных лиц.

В своей научной работе М.В. Мельников вносит предложение «о необходимости наделения лиц, участвующих в ходе проведения проверки сообщения о преступлении, процессуальным статусом, что обусловлено общим правилом уголовно-процессуального закона о предоставлении заинтересованным участникам уголовного процесса права на постановку вопросов перед экспертом и их ознакомление с постановлением о назначении судебной экспертизы и заключением эксперта не только в ходе предварительного расследования, но и на стадии возбуждения уголовного дела, что позволило бы разрешить существующую на сегодня проблему процессуальных правил, предоставляющих заинтересованным участникам уголовного процесса право требования о назначении дополнительных и повторных судебных экспертиз на стадии предварительного расследования.

Выполнение данных требований будет возможным при регламентации законодателем процессуального статуса лиц, участвующих при проведении проверки сообщения о преступлении, таких как заявитель, лицо, пострадавшее от противоправного деяния, и лицо, заподозренное в совершении противоправного деяния»²⁰⁰.

Предложение М.В. Мельникова считаем обоснованным и заслуживающим внимания, однако, на наш взгляд, оно способствует усложнению процедуры проверки сообщения о преступлении, которая с момента вступления в действие

²⁰⁰ Мельников М.В. Собираание доказательств при проверке сообщения о преступлении [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. С. 19 // Официальный сайт Национальной электронной библиотеки. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_012802775 (дата обращения: 16.06.2025).

УПК РФ и так претерпела многочисленные изменения, не способствующие упрощению её проведения, и порой подменяла полноценное расследование.

Результаты изучения 1010 материалов доследственных проверок в ходе настоящего исследования свидетельствуют о том, что судебная экспертиза может быть проведена в ходе проверки сообщения о преступлении, при этом участники уголовного производства не могут воспользоваться своими правами, перечисленными в ст. 198 УПК РФ, поскольку их ещё не существует в связи с отсутствием уголовного дела, что фактически создавало условия для обязательного назначения и производства дополнительной либо повторной судебной экспертизы после возбуждения уголовного дела и до вышеуказанных изменений в УПК РФ²⁰¹.

Поэтому, на наш взгляд, необходимо дополнить ст. 144 УПК РФ пунктом 1.3, регламентирующим право заинтересованных лиц и их адвокатов в ходе проверки сообщения о преступлении знакомиться с постановлением о назначении экспертизы, заключением экспертов или сообщением эксперта о невозможности дать заключение в соответствии со ст. ст. 198 и 206 УПК РФ.

По нашему мнению, такое дополнение соответствует определённому ст. 6 УПК РФ назначению уголовного судопроизводства и принципу состязательности сторон (ст. 15 УПК РФ) и не будет вступать в противоречие с УПК РФ и с п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 года № 28, когда «если лицо признано подозреваемым, обвиняемым или потерпевшим после назначения судебной экспертизы, оно должно быть ознакомлено с этим постановлением одновременно с признанием его таковым, о чем составляется соответствующий протокол».

В соответствии с указанным пунктом, участники уголовного судопроизводства должны быть ознакомлены с постановлением о назначении

²⁰¹ Архивы уголовных дел и материалов доследственных проверок СУ при УВД г. Тобольска, прокуратуры г. Тобольска Тюменской области, прокуратуры Красногвардейского района г. Санкт-Петербурга, следственного отдела по Красногвардейскому району ГСУ СК России по г. Санкт-Петербургу, ГСУ СК России по г. Санкт-Петербургу.

экспертизы до её производства. При этом следователь обязан разъяснить им права, предусмотренные ст. 198 УПК РФ, о чём составляет протокол, подписываемый следователем и лицами, которые ознакомлены с постановлением.

Вместе с тем, ни УПК РФ, ни указанное постановление не определяют конкретные сроки ознакомления с постановлением о назначении судебной экспертизы, что порождает правовую неопределённость и многочисленные споры как среди практических, так и среди научных работников о своевременности такого ознакомления и последствиях несвоевременного ознакомления вплоть до признания заключения эксперта недопустимым доказательством.

Материалы 300 уголовных дел, изученных в рамках настоящего исследования, свидетельствуют о том, что заинтересованные лица знакомятся с постановлениями о назначении судебных экспертиз и результатами их проведения в течение трёх – десяти суток²⁰². При этом, даже в случае значительных расстояний между следователем и заинтересованными лицами последние знакомятся с документами о назначении, проведении судебной экспертизы в указанный срок дистанционно, получая их через электронные средства связи и имея достаточное время на их изучение, подготовку замечаний, ходатайств о постановке дополнительных вопросов, проведении дополнительных экспертиз, допросов эксперта, что впоследствии находит отражение в составленных позднее протоколах ознакомления²⁰³.

Следует согласиться с предложениями об установлении конкретного срока ознакомления участников уголовного судопроизводства с постановлением о назначении судебной экспертизы до её производства²⁰⁴, как предлагает В.М. Быков – пять суток²⁰⁵.

²⁰² Архивы уголовных дел и материалов доследственных проверок СУ при УВД г. Тобольска, прокуратуры г. Тобольска Тюменской области, прокуратуры Красногвардейского района г. Санкт-Петербурга, следственного отдела по Красногвардейскому району ГСУ СК России по г. Санкт-Петербургу, ГСУ СК России по г. Санкт-Петербургу.

²⁰³ Архив второго следственного управления (с дислокацией в городе Санкт-Петербург) ГСУ СК России.

²⁰⁴ Иванов А.В. Основные нарушения прав человека при назначении и производстве судебных экспертиз на досудебной стадии // Адвокат. 2015. № 10. С. 35–46; Есина А.С. Проблемные

Считаем, что такой же срок необходимо установить для ознакомления участников уголовного судопроизводства с заключением эксперта, сообщением о невозможности дать заключение, протоколом допроса эксперта и дополнить ст. 198 УПК РФ частью 3 следующего содержания: «Участники уголовного судопроизводства должны быть ознакомлены осуществляющим расследование лицом с постановлением о назначении судебной экспертизы до ее производства в течение 5 суток с момента его вынесения, и в тот же срок – с заключением эксперта или сообщением о невозможности дать заключение, с момента получения, оформления указанных процессуальных документов».

Кроме того, следует привести к единообразию содержание ст. 198 УПК РФ и добавить свидетеля в число участников уголовного судопроизводства, наделённых всеми правами, перечисленными в указанной статье.

Согласно п. 4 ч. 1 ст. 198 УПК РФ ознакомленные с постановлением о назначении экспертизы участники уголовного судопроизводства имеют право ходатайствовать о внесении в постановление о назначении судебной экспертизы дополнительных вопросов экспертам. При этом, в какой процессуальной форме должно выражаться внесение дополнительных вопросов, глава 27 УПК РФ «Производство судебной экспертизы» не определяет.

Таким образом, имеет место правовая неопределённость, которую, на наш взгляд, возможно и необходимо разрешить.

На практике следователи достигают этого обсуждением всех вопросов с участниками уголовного судопроизводства в период подготовки проекта постановления о назначении судебной экспертизы, после чего оформляют постановление с учётом устных предложений участников уголовного судопроизводства, и в протоколах ознакомления с ним участники сообщают об отсутствии у них каких-либо ходатайств, заявлений и дополнительных вопросов. Нужно учитывать, что такой способ решения рассматриваемой проблемы имеет

вопросы назначения судебных экспертиз в ходе досудебного производства // Российский следователь. 2017. № 21. С. 27–30.

²⁰⁵ Быков В.М. Новое Постановление Пленума Верховного Суда РФ о судебной экспертизе по уголовным делам: научный комментарий // Право и политика. 2011. № 2. С. 214–221.

право на применение, если взаимоотношения участников уголовного судопроизводства и следователя бесконфликтные.

Также имеют место и другие способы разрешения данной правовой неопределённости.

Так, составив протокол ознакомления с постановлением о назначении экспертизы, в котором отражены дополнительные вопросы экспертам, следователь отменяет первое постановление, после чего выносит новое постановление с учётом дополнительных вопросов, которое и направляет экспертам.

Такой путь разрешения обозначенной правовой неопределённости представляется неверным, поскольку первое постановление о назначении судебной экспертизы фактически отменяется по формальным основаниям, а не в связи с тем, что оно незаконное и необоснованное.

Существует также мнение, что в соответствии с ч. 1 ст. 205 УПК РФ следователь может выносить постановление о назначении дополнительной судебной экспертизы, содержащее те дополнительные вопросы, которые были заявлены участниками уголовного судопроизводства при ознакомлении с основным постановлением о назначении экспертизы.

Данный путь представляется также неправильным, поскольку дополнительная судебная экспертиза, исходя из содержания ч. 1 ст. 207 УПК РФ, назначается «в отношении ранее исследованных обстоятельств уголовного дела, производство которой поручается тому же или другому эксперту», в действительности же фактически исследование обстоятельств уголовного дела ещё не происходило.

В связи с изложенным представляется, что п. 4 ч. 1 ст. 198 УПК РФ после слов «ходатайствовать о внесении в постановление о назначении судебной экспертизы дополнительных вопросов эксперту» необходимо дополнить простой и короткой фразой «о чем выносится постановление».

На наш взгляд, такое дополнение полностью бы разрешило данную правовую неопределённость, при этом до внесения такого изменения в УПК РФ, предлагаем следующее.

В соответствии с п. п. 3 и 6 ч. 2 ст. 38 УПК РФ следователь уполномочен принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением предусмотренных УПК РФ случаев, и осуществлять иные полномочия.

Согласно п. 25 ст. 5 УПК РФ постановление – это решение следователя, вынесенное в ходе досудебного производства.

С учётом указанных положений УПК РФ простым и законным способом разрешения вышеуказанной правовой неопределённости на практике является вынесение следователем самостоятельного постановления, в резолютивной части которого указывается о внесении в основное постановление о назначении судебной экспертизы дополнительных вопросов, заявленных участниками уголовного судопроизводства, при этом нумерация дополнительных вопросов в этом постановлении продолжает нумерацию вопросов из основного постановления. Копии данного постановления вручаются участникам уголовного судопроизводства, после чего оно вместе с постановлением о назначении судебной экспертизы и материалами уголовного дела, вещественными доказательствами направляется для производства экспертизы²⁰⁶.

Такое решение было принято автором при расследовании уголовного дела в отношении врача-травматолога одной из районных больниц Новгородской области, причинившего по неосторожности смерть пациенту Б. Когда обвиняемый Н. с участием защитника был ознакомлен с постановлением о назначении повторной медицинской комиссионной судебной экспертизы, он заявил ходатайство, в том числе о постановке перед экспертом дополнительных

²⁰⁶ См.: Жуков Д.А. О проблемах соблюдения прав и законных интересов при проведении судебной экспертизы // Российский следователь. 2018. № 5. С. 7–10; Жуков Д.А. О проблеме оформления дополнительных вопросов при назначении судебно-медицинской экспертизы // Досудебное производство по уголовным делам о профессиональных преступлениях, совершенных медицинскими работниками: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (15 февраля 2018 года) М., 2018. С. 197–199.

вопросов. Ходатайство обвиняемого Н. удовлетворено в части постановки перед экспертами семи дополнительных вопросов. В резолютивной части постановления было указано: «внести в постановление о назначении повторной медицинской комиссионной судебной экспертизы от 12.01.2018 по уголовному делу №, производство которой поручить отделению особо сложных, повторных и комплексных экспертиз Санкт-Петербургского ГБУЗ «Бюро СМЭ», семь дополнительных вопросов, заявленных обвиняемым Н., под следующими номерами... Копию настоящего постановления направить в отделение особо сложных, повторных и комплексных экспертиз Санкт-Петербургского ГБУЗ «Бюро СМЭ», а также обвиняемому Н. и его защитнику, потерпевшим и их представителю». Указанная экспертиза была проведена, вопрос о признании недопустимым заключения экспертов не поднимался²⁰⁷.

Реализация изложенных выше выводов по результатам исследования проблемных вопросов, возникающих в процессе осуществления полномочий следователя при проведении отдельных процессуальных действий, и предложенные дополнения в действующее уголовно-процессуальное законодательство оказали бы положительное влияние на соблюдение прав и законных интересов заинтересованных лиц в ходе проверки сообщений о преступлении и прав участников уголовного судопроизводства в ходе расследования, в частности при получении объяснений, проведении допросов, производстве судебных экспертиз. Кроме того, это способствовало бы разрешению правовой неопределённости процедуры получения объяснения, укреплению доказательственной силы показаний свидетелей, потерпевших, подозреваемых, заключений экспертов и реализации принципа законности и назначения уголовного судопроизводства.

²⁰⁷ Материалы уголовного дела № 1-315/2020 по обвинению Н. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ // Архив Боровичского районного суда Новгородской области.

§ 2.2. Взаимодействие следователя с субъектами оперативно-розыскной деятельности по собиранию доказательств

Взаимодействие с органами, осуществляющими ОРД при существующей системе правоохранительных органов Российской Федерации, является важным условием успешного расследования преступлений, в особенности тех, по которым не установлены совершившие их лица.

Можно согласиться с мнением Е.А. Доли о том, что в современной России необходимо расширение возможностей использования результатов ОРД в доказывании по уголовным делам, поскольку обеспечение успешного раскрытия, расследования и разрешения уголовных дел о тяжких и особо тяжких преступлениях только уголовно-процессуальными средствами и методами часто оказывается просто невозможным²⁰⁸.

При этом необходимо учитывать, что как правило, проведение ОРМ влечёт ограничение конституционных прав граждан, вследствие чего использование результатов ОРД в уголовном судопроизводстве является серьёзной проблемой²⁰⁹.

Во многом она существует из-за отсутствия чёткой законодательной регламентации уголовно-процессуального механизма введения полученной в ходе ОРД информации в процесс доказывания²¹⁰, который является, без сомнения, сутью любого расследования.

В теории и практике в последнее время активно развивается идея о необходимости широкого использования в уголовном процессе полученных при осуществлении ОРД сведений и их преобразовании в доказательства²¹¹. Результаты ОРД могут стать допустимыми доказательствами после производства

²⁰⁸ Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности: монография. М.: Проспект. 2009. С. 7.

²⁰⁹ Зенкин А.Н. Подмена уголовно-процессуальных действий оперативно-розыскными мероприятиями // Законность. 2017. № 1. С. 61–63.

²¹⁰ Бессонов А.А. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам // Уголовное право. 2016. № 2. С. 116–124.

²¹¹ См.: Жуков Д.А. Об использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 2. С. 133–139.

следственных и иных процессуальных действий по возбуждённому уголовному делу, переданы в суд и изложены в обвинительном приговоре²¹².

На это обстоятельство в своей работе указывает и профессор О.Д. Жук, считая, что результаты ОРМ являются только сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований закона, регламентирующего оперативно-розыскную деятельность, и могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путём, то есть на основе норм уголовно-процессуального закона²¹³.

Так, «оперативная информация, полученная в ходе ОРМ – «оперативного внедрения», должна быть подвергнута проверке и оценке с точки зрения допустимости и достоверности доказательственной информации»²¹⁴. Считаем, что это правило распространяется на все без исключения ОРМ.

При этом правомерна и точка зрения В.Н. Исаенко, заключающаяся в том, что анализ положений уголовного судопроизводства позволяет сделать вывод, что при оценке полученных при проведении ОРД сведений невозможно использовать имеющиеся в уголовном судопроизводстве критерии оценки доказательств. Это связано с тем, что они получены иным субъектом, из не предусмотренных УПК РФ источников, с соблюдением иных процедурных требований (в том числе исключающих осведомлённость лица, в отношении которого проводится ОРД) и другого способа фиксирования получаемой информации²¹⁵. По мнению данного автора, требования ч. 2 ст. 50 Конституции Российской Федерации о невозможности использования полученных с нарушением федерального закона доказательств при осуществлении правосудия исключают процессуальный статус сведений, собранных в результате проведения ОРМ.

²¹² Стремоухов А.В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве: проблемы и пути их решения // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 1. С. 185–192.

²¹³ Жук О.Д. Сравнительно-правовые аспекты внедрения штатных негласных сотрудников в организованные преступные формирования // Российский следователь. 2017. № 17. С. 46–51.

²¹⁴ Там же. С. 47.

²¹⁵ Исаенко В.Н. О некоторых вопросах использования материалов оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальном доказывании // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 6. С. 211–217.

Официальная правовая позиция Верховного Суда Российской Федерации по рассматриваемому вопросу заключается в том, что «доказательства должны признаваться полученными с нарушением закона, если при их собирании и закреплении был нарушен установленный уголовно-процессуальным законодательством порядок их собирания и закрепления, а также, если собирание и закрепление доказательств осуществлены ненадлежащим органом либо в результате действий, не предусмотренных процессуальным законом»²¹⁶.

Таким образом, полученная в результате осуществления ОРД информация путём проведения следственных действий, например осмотра, и принятием процессуального решения, в частности, вынесением постановления о признании и приобщении в качестве вещественного доказательства, преобразуется в доказательства в уголовно-процессуальном смысле. Важно, чтобы информация была получена в результате проведения ОРМ в соответствии с предписаниями Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»²¹⁷ (далее – Закон об ОРД), как того требует ч. 2 ст. 50 Конституции Российской Федерации.

При этом следует ещё раз отметить, что в УПК РФ понятие следственного действия отсутствует, а указание в п. 32 ст. 5 УПК РФ на то, что оно является видом процессуального действия, также не раскрывает содержание этого термина, так как определения процессуального действия УПК РФ не содержит.

В связи с чем согласимся с тем, что следственное действие следует рассматривать, как считает С.А. Шейфер, в познавательном аспекте, как способ собирания доказательств, и процессуальном, так как проведение следственного действия чётко регламентировано нормами уголовно-процессуального закона²¹⁸.

²¹⁶ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 года № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 16.06.2025).

²¹⁷ Федеральный закон от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 16.06.2025).

²¹⁸ Шейфер С.А. Следственные действия – правомерны ли новые трактовки [Электронный ресурс] // Lex russica. 2015. № 10. СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 16.06.2025).

Исходя из этого, следственное действие по своей сути в соответствии с действующим законодательством является единственным законным способом преобразования информации, полученной в результате осуществления ОРД, в любые сведения, на основе которых в порядке, определённом УПК РФ, устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. И потому результаты ОРД для придания им юридической силы доказательств при расследовании, как минимум, должны быть осмотрены с изложением сути доказательственной информации в протоколе осмотра документов и/или предметов, а участвовавшие в осуществлении ОРД лица, сведения о которых рассекречены, – допрошены в качестве свидетелей.

Следует согласиться с мнением А.Ф. Волинского о том, что создатели нового УПК РФ сделали всё, чтобы усилить разобщение органов следствия с осуществляющими оперативно-розыскную деятельность органами и ещё больше усложнить их взаимодействие, и фактически создали искусственный барьер при их взаимодействии. Об этом свидетельствует в первую очередь содержание ст. 89 УПК РФ, которая начинается следующим основным положением – запретом: «В процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности...». И только далее говорится об условиях, при которых всё-таки допускается исключение из этого правила. Очевидно, что такая редакции указанной статьи УПК РФ дезориентирует следователей и оперативных работников, негативно сказывается на их взаимодействии и позитивной мотивации их совместной деятельности, а соответственно, на её результатах²¹⁹.

Поэтому следует согласиться с мнением С.Б. Россинского о том, что можно теоретизировать и рассуждать о правовой непригодности результатов повторно невоспроизводимых ОРМ, формально признавать их недопустимыми и исключать из материалов уголовного дела, но при этом сам факт обнаружения и изъятия сотрудниками правоохранительных органов материальных объектов, имеющих

²¹⁹ Волинский А.Ф. Организация раскрытия и расследования преступлений: проблемы и пути решения // Российский следователь. 2016. № 1. С. 7–11.

значение для последующего уголовного дела, полностью исключить из объективной реальности нельзя. В таком случае законы (закономерности) гносеологии берут вверх над созданными человеческим разумом и поэтому далеко не безгрешными законами юридическими и нестабильной процессуальной формой. Поэтому практика использования в доказывании сведений, полученных в результате осуществления ОРД, несмотря на установленные ст. 89 УПК РФ правовые ограничения, имеет повсеместное применение. Без сомнения, достоинство национальной модели досудебного производства заключается в придании самостоятельного доказательственного значения результатам деятельности внесудебных органов. По мнению С.Б. Россинского, единственно возможным вариантом решения проблемы использования в доказывании результатов ОРД является легализация механизмов их прямого, непосредственного введения в уголовный процесс, без необходимости какого-либо мнимого, иллюзорного процессуального оформления²²⁰.

Как указывает С.Б. Россинский в другой своей работе, представленные, истребованные, изъятые предметы или документы могут вводиться в сферу уголовно-процессуального регулирования как полноценные средства доказывания, приобретать должную юридическую силу и становиться в один ряд с результатами следственных либо судебных действий и судебных экспертиз, то есть из доказательств потенциальных превращаться в доказательства реальные, допустимые, пригодные к использованию по назначению только посредством издания соответствующих следственных или судебных актов²²¹.

Представляется, что существующая в современных реалиях деятельность правоохранительных органов в целом не вполне отвечает той организации общественных отношений, которая имеет место в настоящее время, и сложившейся в современном обществе системе ценностей, но исторически и

²²⁰ Россинский С.Б. Проблема использования в уголовном процессе результатов оперативно-розыскной деятельности требует окончательного разрешения // Lex russica. 2018. № 10. С. 70–84.

²²¹ Россинский С.Б. О порядке приобщения доказательств к уголовному делу // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 6. С. 46.

идеологически обоснована. При этом трансформация как всей системы, так и её элементов в виде процессуальных фигур следователей, дознавателей, оперативных работников и их руководителей неизбежна.

Уголовный процесс построен так, что результаты ОРД проверяет следователь, а выводы следователя проверяет суд, и в этом процессе осуществляются прокурорский надзор, процессуальный и судебный контроль. Результативна ли такая уголовно-процессуальная деятельность, вопрос явно дискуссионный, о чём свидетельствует практика.

Результаты изучения 70 % собранного в рамках настоящего исследования эмпирического материала (300 уголовных дел и 1010 материалов по сообщениям о преступлении), которые составляют уголовные дела и проверочные материалы об имущественных, насильственных преступлениях и преступлениях против половой свободы, свидетельствуют о том, что при выезде следственно-оперативной группы на место происшествия в то время, когда следователь с участием эксперта, специалиста производит осмотр места происшествия, оперативный работник и/или участковый уполномоченный либо группа оперативных работников осуществляют ОРМ в виде опросов, наведения справок при осуществлении поквартирного (подворового) обхода с целью установления очевидцев, лиц, совершивших преступление, личности обнаруженного трупа или выяснения иных обстоятельств. Результаты этих мероприятий, как правило, оформляют на месте происшествия справкой или рапортом оперативного работника и передают следователю без оформления постановлений о передаче результатов ОРД и сопроводительных писем. Следует ли такой порядок признать нарушением закона и ведомственных инструкций, ведь такова реальность уголовно-процессуальной деятельности. Более того, в практике автора были неоднократные случаи, когда похищенное имущество обнаруживали оперативные работники, о чём они составляли справки или рапорта, которые сразу же

передавали следователю для организации проведения осмотра, выемки или обыска²²².

Также, по мнению автора, следователям для оперативности получения учётных данных необходимо не только обеспечить прямой доступ к базам информации, сведения из которых предоставляются как результаты ОРД, но и предоставить полномочия по организации проведения отдельных ОРМ, поскольку это является особенно актуальным при расследовании преступлений, совершённых в условиях неочевидности.

По мнению А.Ф. Волынского, с которым нельзя не согласиться, у оперативного работника и следователя свои задачи и своя особенная, незаменимая роль: у первого – раскрыть преступление, установить лицо, подозреваемое в его совершении; у второго – тактически грамотно, процессуально выдержанно доказать виновность такого лица. Однако и тот и другой изначально должны действовать совместно, согласованно, потому что конечная цель их работы заключается в том, чтобы изобличить преступника, закономерным конечным итогом чего является обвинительный приговор. При этом очевидно, что эффективность «целого» представляется эффективностью деятельности каждой из его «частей», но только при их должном взаимодействии «целое» приобретает качественно иное состояние. Взаимодействие определяется как согласованные по месту, времени и целям действия субъектов раскрытия и расследования преступлений. Но основная форма «согласования» действий, судя по содержанию п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, заключается в праве следователя «давать органу дознания... обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий», на которые обычно поступают ответы в виде формальных отписок²²³.

²²² Архивы уголовных дел и материалов доследственных проверок СУ при УВД г. Тобольска, прокуратуры г. Тобольска Тюменской области, прокуратуры Красногвардейского района г. Санкт-Петербурга, следственного отдела по Красногвардейскому району ГСУ СК России по г. Санкт-Петербургу, Тобольского городского суда Тюменской области, Красногвардейского районного суда г. Санкт-Петербурга.

²²³ Волынский А.Ф. Оперативно-розыскная деятельность в системе организации раскрытия и расследования преступлений // Российский следователь. 2017. № 21. С 43–38.

Изложенное с учетом собранного соискателем эмпирического материала указывает на то, что назрела необходимость дополнить УПК РФ отдельной главой под номером 11.1, которая будет по содержанию близка действующей в настоящее время Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд, утверждённой совместным межведомственным приказом от 27 сентября 2013 года²²⁴, а также дополнить ч. 2 ст. 74 УПК РФ пунктом 7 о том, что «В качестве доказательств допускаются» «результаты оперативно-розыскной деятельности», при этом содержание этого термина по аналогии с Законом об ОРД раскрыть именно в ч. 1 ст. 89 УПК РФ, как того требует законотворческая техника (как заметил А.Ф. Волынский), а существующий в настоящее время запрет на использование результатов ОРД перенести в ч. 2 ст. 89 УПК РФ.

При этом следователь как субъект доказывания должен быть уполномочен своим постановлением приобщать результаты ОРД к материалам расследования, и по мере необходимости на основе содержащейся в материалах ОРМ информации проводить следственные и иные процессуальные действия.

Также представляется обоснованным внесение в ч. 1 и ст. 163 УПК РФ предписания о том, что «для производства расследования о тяжком или особо тяжком преступлении, совершенном в условиях неочевидности, должна быть создана следственно-оперативная группа. Копия постановления о создании следственно-оперативной группы направляется прокурору». Автор считает, что включённые в состав следственно-оперативной группы должностные лица будут взаимодействовать напрямую без поручений о проведении ОРМ и нести ответственность за конкретные результаты своей работы, каждый на своём участке, и в целом за раскрытие преступления. Формы ведомственного контроля

²²⁴ Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд, утверждённая приказом МВД России, Минобороны России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, Следственного комитета Российской Федерации от 27 сентября 2013 года № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 16.06.2025).

за их деятельностью возможно и нужно установить внутриведомственными приказами.

Исходя из практики раскрытия и расследования преступлений представляется, что такая следственно-оперативная группа должна включать в себя следователя, который получил сообщение о преступлении или возбуждает уголовное дело, и оперативного работника согласно виду преступления. Поскольку в соответствии со ст. 38 УПК РФ следователь является должностным лицом, уполномоченным осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, предусмотренных УПК РФ, а руководитель следственного органа по своей процессуальной сути, определённой в первую очередь ст. 39 УПК РФ, осуществляет процессуальный контроль за следствием, последний и должен иметь право на создание указанной следственно-оперативной группы. При этом согласование включения оперативного работника в такую группу происходит в письменной форме со стороны руководителя или заместителя руководителя органа дознания.

Такая форма взаимодействия реализуется в настоящее время на уровне планов совместных следственно-оперативных мероприятий, следственно-оперативных групп по уголовным делам, тем не менее, она не отвечает существующим реалиям и требует именно законодательного урегулирования вышеуказанным способом.

Соответствующие изменения необходимо внести в ст. ст. 39 и 163 УПК РФ, по тексту добавив после слов «следственная группа», словосочетание «следственно-оперативная группа».

Указанные новеллы раскрывают реальную необходимость участия оперативных сотрудников различных органов, уполномоченных на осуществление ОРД, в том числе в расследовании, и полностью согласуются с одной из указанных в ст. 2 Закона об ОРД задач ОРД – выявление,

предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших.

Следует также отметить, что действующий уголовно-процессуальный закон не устанавливает сроки исполнения поручений о проведении ОРМ.

Так, в ч. 1 ст. 152 УПК РФ закреплено полномочие должностного лица, осуществляющего расследование, будь то следователь или дознаватель, на личное производство в случае необходимости следственных или розыскных действий в другом месте. Также здесь предусмотрено право поручить производство этих действий следователю, дознавателю или органу дознания, которые должны быть исполнены в срок не позднее десяти суток.

Отметим, что ст. 132 УПК РСФСР 1960 года содержала аналогичное по содержанию предписание о производстве следственных или розыскных действий в другом районе, где также был указан срок на исполнение поручений о таких действиях «не свыше десяти суток».

При этом указанный в УПК РФ срок «10 суток» не распространяется и ранее, по УПК РСФСР 1960 года, не распространялся на исполнение поручений о проведении ОРМ.

Так, п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ о полномочии следователя давать органу дознания в случаях и порядке, установленных этим кодексом, обязательные для исполнения письменные поручения о проведении ОРМ, производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий, не содержит указания на сроки проведения ОРМ и других перечисленных здесь действий. Отсутствует указание об этом и в п. 1.1 ч. 1 ст. 41 УПК РФ «Дознаватель», а также – в других статьях УПК РФ, в которых упоминается словосочетание «оперативно-розыскные мероприятия».

УПК РСФСР 1960 года в ст. 127 «Полномочия следователя» также указывал, что «следователь по расследуемым им делам вправе давать органам дознания поручения и указания о производстве розыскных и следственных действий и требовать от органов дознания содействия при производстве

отдельных следственных действий. Такие поручения и указания следователя даются в письменном виде и являются для органов дознания обязательными», однако сроков исполнения таких поручений или указаний также не содержал.

Закон об ОРД в ст. 6 включает «исчерпывающий перечень оперативно-розыскных мероприятий, который может быть изменен или дополнен только федеральным законом».

Представляется, что исходя из указанного перечня ОРМ следует ответить на вопрос о необходимости установления сроков их исполнения. Ведь такие ОРМ как наблюдение, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, оперативное внедрение, контролируемая поставка, оперативный эксперимент, получение компьютерной информации, явно невозможно провести или вообще нецелесообразно проводить в течение тех же десяти суток с момента получения поручения, особенно, если информацию собирают в режиме реального времени проведения ОРД.

На наш взгляд, конкретные сроки исполнения поручения о проведении ОРМ, иных порученных органу дознания действий и сроки их проведения должны определять непосредственные исполнители, а задача руководителя непосредственного исполнителя – проконтролировать правильность, законность и своевременность проведения ОРМ, при этом считаем, что инициатор поручения, то есть следователь или дознаватель, должен быть в обязательном порядке в десятидневный срок уведомлён о возможности и начале проведения органом дознания ОРМ и других порученных органу дознания действий либо о невозможности их проведения в данное время, в связи с чем необходимо дополнить п. 4 ч. 1 ст. 38 и п. 1.1 ч. 1 ст. 41 УПК РФ предложением следующего содержания: «Следователь, дознаватель должен быть уведомлен о возможности и начале проведения указанных мероприятий и действий либо о невозможности их

проведения в данное время в 10-дневный срок с момента получения поручения»²²⁵.

Также возникает вопрос, должен ли инициатор поручения определить, какие конкретно ОРМ должны быть выполнены согласно его поручения. Уголовно-процессуальный закон Российской Федерации, как и УПК РСФСР 1960 года, не содержит ответа на этот вопрос, поэтому представляется, что инициатор поручения должен привести в своём поручении конкретную цель проведения ОРМ и конкретные из перечисленных в ст. 6 Закона об ОРД ОРМ, в результате которых, как он считает, должна быть достигнута эта цель, при этом оговорить возможность проведения и иных ОРМ для достижения определённой в поручении конкретной цели. На наш взгляд, это не вступает в противоречие с требованиями ст. 12 указанного Федерального закона о том, что организация и тактика проведения ОРМ составляют государственную тайну.

Особенно актуально это в случае приостановления предварительного расследования на основании п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, когда лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено.

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 209 УПК РФ, после приостановления предварительного следствия следователь в случае, предусмотренном п. 1 ч. 1 ст. 208 данного кодекса, принимает меры по установлению лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого или обвиняемого. При этом не разъясняется, какие конкретно полномочия может осуществлять следователь, за исключением указания в ч. 3 ст. 209 УПК РФ о том, что после приостановления предварительного следствия производство следственных действий не допускается.

На наш взгляд, направление поручений о проведении ОРМ перед приостановлением следствия является для следователя одним из результативных

²²⁵ См.: Жуков Д. А. К вопросу о нормативной регламентации сроков исполнения поручений о проведении оперативно-разыскных мероприятий // Процессуальные и организационно-правовые особенности взаимодействия органов предварительного расследования с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность: проблемы и пути их решения : Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 13 декабря 2018 года / Под общ. ред. А.М. Багмета. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2019. С. 80–83.

способов установления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, и является ориентиром для органа дознания при проведении ОРМ. При наличии предлагаемого вышеуказанного дополнения в действующий уголовно-процессуальный закон следователь, дознаватель будут обладать информацией о проведении ОРМ и смогут путём направления запросов после приостановления предварительного следствия получать информацию о результатах ОРМ с соблюдением ст. 12 Закона об ОРД.

§ 2.3. Полномочия следователя по собиранию доказательств при осуществлении международного сотрудничества в уголовном судопроизводстве

Собирание доказательств — одна из важнейших составляющих международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства. При этом данный процесс одновременно является и серьёзной проблемой такого сотрудничества, так как для успешного получения значимых фактических данных, имеющих доказательственное значение, необходима передача запрашивающим государством части компетенции по находящемуся в производстве его органа предварительного расследования уголовному делу, и соответствующих полномочий другому государству²²⁶.

Проблем в указанной сфере не становится меньше, особенно в свете геополитических процессов последних лет, ухудшения международных отношений, вооружённых конфликтов, на что указывают в своих научных работах К.К. Клевцов, А.В. Наумов, Е.В. Мищенко и Е.В. Максименко, Е.В. Быкова и В.С. Выскуб²²⁷.

²²⁶ См.: Жуков Д.А. К вопросу о собирании доказательств в рамках международного сотрудничества по уголовным делам // Законодательство. 2020. № 5. С. 54–59.

²²⁷ См.: Клевцов К.К. Понятие и правовая сущность международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства // Мировой судья. 2023. № 4. С. 8–12; Клевцов К.К. К вопросу о функциях, реализуемых в рамках международного сотрудничества в сфере уголовного процесса // Международное уголовное право и международная юстиция. 2023. № 1. С. 9–11; Наумов А.В. Слухи о смерти международного уголовного права и международного сотрудничества в сфере

Соискатель поддерживает мнение Р.З. Абрашитовой о том, что правовая помощь по уголовным делам – это деятельность одного государства по выполнению определённых процессуальных действий в сфере уголовного судопроизводства, тем самым оказание помощи в применении права для осуществления правосудия в другой стране²²⁸.

Осуществление органами предварительного расследования уголовно-процессуальной деятельности с целью получения находящихся на территории иностранного государства доказательств требует соблюдения законодательства и международных договоров Российской Федерации и уважения суверенитета иностранного государства, признания верховенства его юрисдикции, и поэтому ограничивает самостоятельную деятельность этих органов²²⁹.

В соответствии с ч. 1 ст. 453 УПК РФ, при необходимости производства на территории иностранного государства каких-либо предусмотренных УПК РФ процессуальных действий должностное лицо, ведущее расследование, прокурор либо суд уполномочены направить запрос об их производстве компетентным органом или должностным лицом иностранного государства в соответствии с международным договором Российской Федерации, международным соглашением или на основе принципа взаимности.

УПК РСФСР 1960 года содержал только ст. 32, которая обобщённо регламентировала международное сотрудничество в уголовном судопроизводстве РСФСР, поскольку указывала, что порядок сношений с компетентными «судебно-следственными органами иностранных государств, а равно порядок выполнения поручений последних определяется законодательством Союза ССР и РСФСР и

уголовного судопроизводства не обоснованы // Международное уголовное право и международная юстиция. 2021. № 2. С. 3–6; Мищенко Е.В. Проблемные вопросы производства отдельных следственных действий в рамках международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства // Российский следователь. 2021. № 11. С. 43–46; Быкова Е.В. Негативное влияние политических процессов на международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства // Международное уголовное право и международная юстиция. 2020. № 5. С. 7–10.

²²⁸ Абдрашитова Р.З. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства: проблемы становления и дальнейшее развитие // Право и политика. 2006. № 2. С. 103–104.

²²⁹ Латыпов У.А. Межгосударственное сотрудничество по расследованию преступлений и сбору доказательств по уголовным делам // Российская юстиция. 2009. № 9. С. 56–57.

международными договорами, заключенными СССР и РСФСР с соответствующими государствами».

Значительный практический опыт автора в сфере международного сотрудничества в рамках расследования уголовных дел и исполнения запросов о правовой помощи, поступивших от компетентных органов иностранных государств, не позволяет полностью согласиться с мнением Е.В. Быковой и В.С. Выскуба о том, что «любой вид международного сотрудничества – это в первую очередь политический инструмент и лишь затем правовой, который на протяжении длительного периода времени так и не стал исключительно правовым»²³⁰. Представляется, что политические интересы многограннее и значительнее подвержены изменениям, чем предмет доказывания по тому или иному преступлению.

При этом соискатель соглашается с мнением указанных авторов, которое они последовательно отстаивают в вышеназванной работе, о том, международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства развивается постоянно, и государствам при его осуществлении следует не поддаваться влиянию политических процессов, поскольку это подрывает авторитет страны, и, в конечном итоге, нарушает права и свободы конкретного человека.

Личный опыт взаимодействия автора настоящей работы с представителями полиции Республики Кипр, Королевства Нидерландов, Королевства Бельгии, Латвийской Республики и Республики Беларусь в рамках исполнения запросов об оказании правовой помощи однозначно свидетельствует о том, что «непосредственная полицейская работа», а согласно законодательству Российской Федерации – «предварительное расследование», никоим образом не связаны с изменением международной обстановки, если этим занимаются специалисты, которые в своей работе стремятся к одному конкретному результату: понять, как было совершено преступление, если оно имело место, узнать, кто его совершил, и

²³⁰ Быкова Е.В. Международное сотрудничество или политика? // Международное уголовное право и международная юстиция. 2018. № 3. С. 3.

создать условия, то есть собрать доказательства, чтобы привлечь это лицо к ответственности.

Принцип взаимности в международном праве в отсутствие международных договоров, конвенций о сотрудничестве и т. п. по своему смыслу предполагает на основе взаимного уважения в международных общественных отношениях как необходимость исполнения поступившего запроса о правовой помощи, так и возможность направить запрос о правовой помощи.

При этом существуют и не предусмотренные УПК РФ формы международного содействия, на которых следует остановиться, поскольку они имеют важное значение для практических работников.

Так, межведомственные соглашения, в частности, заключённые Следственным комитетом в рамках его полномочий, предусмотренных действующим законодательством, как и межправительственные договоры, позволяют в ходе расследования получать от компетентных органов иностранных государств документы и предметы, если это не требует производства следственных и иных процессуальных действий. Запросы об оказании содействия или о предоставлении информации, направляемые в соответствии с межведомственными соглашениями, передаются через Управление правового обеспечения и международного сотрудничества Следственного комитета напрямую в указанные в таких соглашениях компетентные органы иностранного государства. Полученные материалы, как результаты исполненных запросов об оказании содействия или предоставлении информации, в силу ст. 74 УПК РФ и на основании ч. 3 ст. 1 УПК РФ могут быть допущены в качестве доказательств как иные документы или вещественные доказательства. Это не противоречит положениям ст. 455 УПК РФ о юридической силе доказательств, полученных по запросам о правовой помощи, поскольку институты международного содействия и международно-правовой помощи не подменяют друг друга; хотя и существуют самостоятельно, но работают в одном направлении.

Указанные запросы на основе межправительственных договоров могут быть направлены и через Министерство иностранных дел Российской Федерации.

При этом нужно учитывать, что в отдельные соглашения заложено требование о необходимости направления запроса о правовой помощи, чтобы полученная информация могла быть использована в качестве доказательств.

Так, ст. 7 проекта Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Бельгии о сотрудничестве и борьбе с преступностью²³¹ указывает, что любая информация, переданная запрашиваемой стороной, может быть использована запрашивающей стороной в качестве доказательства по уголовному делу только после направления запроса о правовой помощи.

Институт направления вышеуказанных запросов имеет очевидное практическое значение, заключающееся в возможности получить конкретную информацию об интересующем следствие лице в результате направления запросов о содействии и предоставлении информации в рамках межправительственных и межведомственных соглашений.

Так, направление запросов о правовой помощи с целью проведения ОРМ действующим уголовно-процессуальным законом запрещено, а отсутствие достаточной конкретной информации о лице вообще является препятствием для направления запроса о правовой помощи.

При этом согласно положению п. 100.4 Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола²³² проверка по учётам Генерального секретариата и национальным учётам иностранных государств, и по банку данных НЦБ Интерпола проводится в отношении иностранного гражданина, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления на территории Российской Федерации. То есть фактически страны –

²³¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 9 января 2001 года № 17 «О подписании Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Бельгии о сотрудничестве в борьбе с преступностью» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 16.06.2025).

²³² Утверждена приказом МВД России № 786, Минюста России № 310, ФСБ России № 470, ФСО России № 454, ФСКН России № 333, ФТС России 971 от 6 октября 2006 года [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 16.06.2025).

участники данной организации не обязаны заниматься установлением личности, местонахождения свидетелей иностранных граждан, лиц без гражданства.

С учётом её практической значимости актуальна позиция П.А. Литвишко о том, что межправительственные и межведомственные международные договоры позволяют в рамках процессуального сотрудничества и ОРД направлять и исполнять запросы о предоставлении информации, документов, предметов, проведении проверочных мероприятий, оказании иного содействия по уголовным делам и материалам проверок²³³.

Таким образом, при наличии межправительственного, межведомственного соглашения есть значимая для практических работников возможность запросить в компетентных органах той или иной страны – участницы соглашений сведения о регистрации, принадлежности к гражданству и даже о месте работы лица, после чего, имея такую конкретную информацию, оперативно направить запрос о правовой помощи с целью допроса такого лица и проведения, в случае необходимости, с его участием иных процессуальных действий.

В соответствии с требованиями, предусмотренными ст. 454 УПК РФ, запрос о правовой помощи (о производстве процессуальных действий) должен быть облечён в письменную форму, подписывается направляющим его должностным лицом, удостоверяется гербовой печатью соответствующего органа и должен содержать сведения об обстоятельствах расследуемого преступления. В запросе необходимо подробно изложить подлежащие выяснению обстоятельства и перечень запрашиваемых процессуальных действий, документов, вещественных доказательств, и указания, каким образом они должны быть заверены. Эффективность исполнения запроса взаимосвязана с тем, насколько точно и полно он составлен.

²³³ Литвишко П.А. Правовые основы международного сотрудничества Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации // Российский следователь. 2010. № 20. С. 35–40; Литвишко П.А. Вопросы процессуальной самостоятельности органов предварительного расследования Российской Федерации при осуществлении международного сотрудничества // Российский следователь. 2011. № 18. С. 13–18.

Соискатель поддерживает точку зрения Е.К. Антонович о том, что единство формы и содержания запроса об оказании правовой помощи по уголовным делам проявляется в том, что принцип законности относится в равной степени и к форме запроса, и к его содержанию. Отход от установленных требований оформления содержания запроса и порядка его направления приводит к отказу его исполнения или задерживает его исполнение. Соответственно надлежащее оформление и направление запроса повышает эффективность его исполнения компетентными органами иностранного государства, обуславливая доказательственное значение полученных в соответствии с ним сведений²³⁴.

Согласно изложенному в ст. 455 УПК РФ общему правилу, доказательства, полученные на территории иностранного государства по запросу о правовой помощи, обладают такой же юридической силой, как и доказательства, полученные компетентными органами Российской Федерации.

Указанная формулировка довольно проста, однако споры о допустимости доказательств, полученных в результате проведения процессуальных действий по законодательству иностранных государств, не утихают. Представляется, что в этом заключается одна из двух основных проблем осуществления международного сотрудничества.

В Главном следственном управлении Следственного комитета расследовалось уголовное дело по факту организации совершения убийства трёх граждан Российской Федерации на территории Республики Кипр, при этом полицией этого государства также производится расследование указанного преступления. В связи с длительным сроком исполнения запросов о правовой помощи компетентными органами Республики Кипр в материалах расследуемого в Следственном комитете уголовного дела отсутствовали документы о принятых по результатам расследования компетентными органами Республики Кипр процессуальных и судебных решениях, в том числе исключающих привлечение

²³⁴ Антонович Е.К. Требования, предъявляемые к содержанию и форме запроса о производстве процессуальных действий, и последствия их несоблюдения // Международное публичное и частное право. 2016. № 5. С. 24–27.

обвиняемых к уголовной ответственности за указанное преступление. По этой причине потерпевшие с помощью своего представителя в Республике Кипр получили в полиции справки, отражающие указанную информацию, после чего по ходатайству представителя потерпевших суд Республики Кипр признал указанные справки доказательством, а затем они были официально переведены на русский язык. По ходатайству потерпевших указанные документы были приобщены к материалам расследуемого в Российской Федерации уголовного дела, и затем уголовное дело было направлено прокурору для утверждения обвинительного заключения. Прокурор вернул дело для дополнительного расследования, указав, что указанные справки необходимо получить путём исполнения официального запроса о правовой помощи компетентными органами Республики Кипр.

В итоге срок расследования увеличился на 24 месяца для того, чтобы получить указанные справки путём направления запроса о правовой помощи, включая многочисленные напоминания и разъяснения о необходимости исполнения данного запроса. При этом компетентные органы Республики Кипр, хоть и представили ещё раз необходимые справки, но так и не смогли до конца понять, по какой причине правоохранительные органы Российской Федерации повторно запросили их несмотря на то, что они уже были через представителя потерпевших направлены в Следственный комитет с приданием им статуса доказательств в суде Республики Кипр²³⁵.

В связи с изложенным приходится констатировать, что единого подхода в принятии решений, касающихся оценки доказательств, полученных в результате проведения процессуальных действий по законодательству иностранных государств, по-прежнему не выработано, поэтому часть доказательств может быть признана недопустимой, так как должностное лицо, уполномоченное вести расследование, прокурор, суд действуют в рамках общих требований,

²³⁵ Материалы уголовного дела № 41902007707000008 по обвинению Г. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 33, п. п. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ // Архив Приморского районного суда г. Санкт-Петербурга.

предъявляемых к доказательствам, полученным на территории Российской Федерации.

При этом существуют также «смешанные и достаточно своеобразные варианты, значительно отличающиеся от первоначальной модели правовой системы»²³⁶ – англосаксонской или континентальной.

И в этом случае современная отечественная судебная система представляется своеобразным вариантом, в котором смешаны элементы моделей правовых систем, причём это произошло в очень короткие сроки и на основе законодательства РСФСР, которое также имело свою историю формирования и не могло не оказать влияния на существующую правовую действительность.

Так, например, в странах с англосаксонской системой права не предполагается такого, как в УПК РФ, детального разъяснения прав, обязанностей и ответственности в ходе допросов на стадии досудебного производства, поскольку показания там дают именно в суде. Поэтому, по большому счёту, такая процедура фиксации устной информации от различных лиц равнозначна предусмотренной УПК РФ процедуре получения объяснений. Вследствие этого полученные сведения, если оценивать их с точки зрения требований действующего российского уголовно-процессуального законодательства, предъявляемых к такому виду доказательств, как показания, по своему содержанию таковыми не являются²³⁷.

На это указывал Ю.А. Цветков²³⁸ подчеркивая, что добытые доказательства не всегда могут быть соотнесены с какой-либо конкретной предусмотренной УПК РФ процессуальной формой, и их юридическая сила не имеет такого значения в стране, где они были получены, в сравнении с действующим отечественным уголовно-процессуальным законодательством. Он считает, что смысл ст. 445 УПК

²³⁶ Уголовная юстиция: проблемы международного сотрудничества. Международный научно-исследовательский проект под руководством В.М. Савицкого. М.: БЕК, 1994. С. 2.

²³⁷ Материалы уголовных дел № 803735 и 89851 // Архив второго следственного управления (с дислокацией в городе Санкт-Петербург) ГСУ СК России.

²³⁸ Цветков Ю.А. Принцип равенства юридической силы доказательств в международно-правовом сотрудничестве по уголовным делам // Международное уголовное право и международная юстиция. 2013. № 2. С. 7–10; Сборник материалов по международному сотрудничеству Следственного комитета Российской Федерации. М., 2015. С. 266–274.

РФ должен сводиться не к уравниванию полученных компетентными органами иностранных государств доказательств по их юридической силе и наделению их презумпцией допустимости, а к уравниванию оснований оценки доказательств, полученных за рубежом, и доказательств, полученных российскими следователями на территории нашей страны. Для решения указанной проблемы ему представляется реалистичным достижение соглашения о едином принципе придания доказательствам юридической силы, в соответствии с которым должностные лица иностранного государства, получившие доказательства в ходе исполнения запроса, должны были бы представлять их в свои национальные суды для проверки на предмет их соответствия национальному законодательству и легализации с целью наделения статусом доказательств.

Несмотря на отсутствие такого обязательного условия в ст. 455 УПК РФ, по нашему мнению, доказательства должны быть получены в соответствии с процедурой, предусмотренной национальным законодательством запрашиваемого иностранного государства, как этого требует ч. 1 ст. 3 Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам²³⁹.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что ч. 1 ст. 8 Минской Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам допускает и возможность применения законодательства Российской Федерации при исполнении поручения, если это не противоречит законодательству запрашиваемой стороны, и при подготовке запросов с такой просьбой в них должен содержаться текст законодательства Российской Федерации, на основании которого будет выполняться запрос о правовой помощи²⁴⁰.

Для каждого вида доказательств УПК РФ предполагает свою фиксированную форму. Поэтому следует согласиться с В.В. Милинчук,

²³⁹ Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам (заключена в г. Страсбурге 20 апреля 1959 года) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 16.06.2025).

²⁴⁰ Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 года, г. Минск [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 16.06.2025).

В.В. Моториным и Ч.С. Табалдиевой, отстаивающими в своих работах мнение о том, что такую форму необходимо указать в запросе о правовой помощи, подтвердить её допустимость в отечественном уголовном процессе и включать в запросы сведения о специфике норм действующего уголовного судопроизводства²⁴¹.

Поэтому на практике, исходя из изучения соискателем 12 уголовных дел по месту прохождения службы за период с 2014 по 2025 год, в направляемых запросах о правовой помощи о проведении конкретных процессуальных действий указывается просьба к компетентным органам иностранного государства разъяснить участникам процессуального действия под роспись положения статей УПК РФ, регламентирующих проведение запрашиваемого процессуального действия, их права и обязанности. Технически это не представляет каких-либо сложностей, поскольку к направляемым запросам прилагаются выписки из УК РФ и УПК РФ, содержащие требования, регламентирующие порядок проведения запрашиваемого процессуального действия, права, обязанности и ответственность участников данных действий, переведённые на иностранный язык страны, в которую направляется запрос²⁴².

В Российской Федерации не сложилось единой практики принятия судами по ходатайствам органов расследования решений о производстве процессуальных действий на территории иностранных государств, запрашиваемых в рамках запросов о правовой помощи. Постановления судов об отказе в производстве таких действий обычно мотивированы ограниченностью действия УПК РФ территорией России и недопустимостью нарушения суверенитета иностранного государства. Приложение к запросу о правовой помощи судебного решения

²⁴¹ Милинчук В.В. Институт взаимной правовой помощи по уголовным делам. Действующая практика и перспективы развития. М.: Юрлитинформ, 2001. С. 53; Моторин В.В. Международное сотрудничество следователей в сфере оказания правовой помощи по уголовным делам: Учеб. пособие. Домодедово: ВИПК МВД России, 2007. С. 96; Табалдиева Ч.С. Особенности производства отдельных следственных действий по материалам и уголовным делам, поступившим из других государств // Международное уголовное право и международная юстиция. 2010. № 2. С. 14–17.

²⁴² Архив второго следственного управления (с дислокацией в городе Санкт-Петербург) ГСУ СК России.

следует считать подтверждением судом соблюдения всех условий для выполнения аналогичного действия в Российской Федерации.

Считаем, что запрос о производстве процессуальных действий должен содержать «предложение для компетентных органов иностранного государства разъяснить порядок проведения запрашиваемого процессуального действия, права, обязанности и ответственность участников данного действия в соответствии с УПК РФ», в связи с чем необходимо дополнить ст. 454 УПК РФ пунктом 6 аналогичного содержания.

Но такая мера не решает проблему полностью, поскольку согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству при проведении личного обыска, обыска в жилище по судебному решению или опознания необходимо обязательное присутствие не менее двух понятых, участие которых законодательством практически всех иностранных государств не предусмотрено. Однако при добросовестном исполнении запроса о правовой помощи приглашение двух не заинтересованных в исходе дела лиц не составит проблемы ни в Королевстве Бельгии или Республике Кипр, ни в любой другой стране, если при этом в простой форме будет объяснено, что участие двух посторонних лиц – это дополнительная гарантия соблюдения конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Актуальным представляется мнение В.М. Бозрова и Н.В. Костовской о том, что доказательства, полученные за пределами Российской Федерации, по своей доказательственной силе равны доказательствам, собранным российскими правоохранительными органами, если они добыты с применением тех законов иностранного государства, которые не противоречат Конституции Российской Федерации, и были соблюдены нормы, регламентирующие правоотношения государств по оказанию правовой помощи. Их достоверность должна оцениваться путём сопоставления с другими доказательствами по уголовному делу, поскольку

только такая взаимосвязь позволит судить о достоверности содержащихся в них сведений и выносить на их основе судебные решения²⁴³.

Ещё одним основным проблемным вопросом осуществления международного сотрудничества являются длительные сроки исполнения запросов о правовой помощи компетентными органами иностранных государств.

Как точно отметил в своей работе Р.В. Жубрин, оперативность международного сотрудничества существенно снижается из-за длительности рассмотрения многими государствами запросов о правовой помощи, что занимает в отдельных случаях не один год²⁴⁴.

Результаты изучения соискателем вышеуказанных 12 уголовных дел по месту прохождения службы за период с 2014 по 2025 год показывают, что запросы о правовой помощи, как правило, исполняются компетентными органами иностранных государств в срок от шести месяцев до полутора лет, а в отдельных случаях, и в течении двух – трёх лет²⁴⁵. При этом в таких случаях не ясно, что делать с полученными документами, если, например уголовное дело направлено в суд, прекращено или расследование по нему приостановлено. Это создает необходимость для дополнения УПК РФ ещё одним основанием для приостановления предварительного следствия.

В практической деятельности автора настоящей работы имеются примеры неисполнения запросов о правовой помощи компетентными органами США и Республики Кипр на протяжении более трёх лет, несмотря на многочисленные напоминания и разъяснения, направленные в их адрес в ответ на просьбы разъяснить необходимость предоставления сведений. К сожалению, в данном конкретном случае можно предположить, что в последнее время неоднозначные международные отношения с Российской Федерацией негативно влияют и на расследование преступлений. Неисполнение запроса о правовой помощи по

²⁴³ Бозров В.М. Некоторые проблемные вопросы оценки доказательств судом // Мировой судья. 2012. № 11. С. 13–22; № 12. С. 26–32.

²⁴⁴ Жубрин Р.В. Сроки исполнения запросов о правовой помощи по уголовным делам // Законность. 2018. № 5. С. 12.

²⁴⁵ Архив второго следственного управления (с дислокацией в городе Санкт-Петербург) ГСУ СК России.

уголовному делу о преступлении, совершённом в условиях неочевидности, негативно сказывается на сроках его расследования и создаёт препятствия для приостановления предварительного расследования, когда все следственные действия по делу на территории Российской Федерации уже выполнены.

В качестве решения проблемы О.Е. Жамкова и И.А. Юрцева предлагают на законодательном уровне установить период, в течение которого должны исполняться международные поручения, и обязать следователей указывать в содержании поручения сроки его исполнения²⁴⁶.

Такое предложение заслуживает внимания и основано на действующих международных конвенциях.

Так, в ст. 62 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 октября 2002 года указано, что поручения об оказании правовой помощи по уголовным делам исполняются в срок, предусмотренный законодательством запрашиваемой договаривающейся стороны. В случае необходимости срок исполнения поручения об оказании правовой помощи по согласованию компетентных учреждений юстиции договаривающихся сторон может быть продлён²⁴⁷.

Согласно ст. 4 Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам, по специальной просьбе запрашивающей стороны запрашиваемая сторона указывает дату и место исполнения поручений. Часть 2 ст. 6 названной Конвенции определяет, что любые предметы, а также оригиналы материалов или документов, переданные во исполнение поручений, возвращаются запрашиваемой стороне в максимально короткие сроки, если последняя не отказывается от них²⁴⁸.

²⁴⁶ Жамкова О.Е. К вопросу совершенствования правовой регламентации направления и исполнения запросов о правовой помощи по уголовным делам // Российский следователь. 2015. № 22. С. 20.

²⁴⁷ Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена в г. Кишинёве 7 октября 2002 года) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 16.06.2025).

²⁴⁸ Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам (заключена в г. Страсбурге 20 апреля 1959 года) (с изм. от 08.11.2001) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 16.06.2025).

Наличие положительного опыта отражения в международных соглашениях сроков рассмотрения запросов о правовой помощи по уголовным делам указывает на необходимость определять их при разработке проектов международных соглашений и в процессе совершенствования существующих международных договоров.

Таким образом, одним из направлений совершенствования международного сотрудничества по уголовным делам может стать рассмотрение государствами – участниками соглашений, конвенций в рассматриваемой сфере, международными организациями вопроса о внесении в национальное законодательство норм, устанавливающих конкретные сроки исполнения запросов о правовой помощи.

В этом и проявляется процесс сотрудничества государств в лице компетентных органов и организаций в правовой сфере, реализуемого посредством гармонизации и сближения национальных законодательств России и стран романо-германской и англосаксонской систем права в рамках международного сотрудничества по борьбе с преступностью, являющегося, в частности, одним из способов противодействия организованным преступным формированиям²⁴⁹.

Л.В. Шевцова отстаивает точку зрения о необходимости продлевать сроки расследования согласно действующего уголовно-процессуального законодательства, пока в компетентных органах государства, исполняющего запрос о правовой помощи, не будет проведено необходимое следственное действие, чтобы полученные в результате исполнения компетентными органами иностранных государств запросов о правовой помощи доказательства не были исключены из процесса доказывания²⁵⁰.

Однако с этой точкой зрения соискатель не может полностью согласиться по следующим основаниям.

²⁴⁹ Шевцова Л.В. Проблемы гармонизации законодательства по борьбе с организованными преступными формированиями в России и странах романо-германской и англосаксонской системы права // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7. № 12А. С. 160.

²⁵⁰ Комлев Б. Исключение доказательств, полученных в других государствах, из процесса доказывания // Законность. 1998. № 3. С. 21–24; Бозров В.М. Некоторые проблемные вопросы оценки доказательств судом // Мировой судья. 2012. № 11. С. 13–22; № 12. С. 26–32.

Согласно ч. 3 ст. 209 УПК РФ, после приостановления предварительного следствия производство следственных действий не допускается. Как уже отмечено выше, определение следственного действия, как и понятия процессуального действия, ст. 5 УПК РФ, как и его другие статьи, не содержит.

Основополагающим в отечественном уголовном процессе является подход, согласно которому с помощью проведённых в соответствии с требованиями УПК РФ следственных действий на территории Российской Федерации собираются сведения, которые могут являться доказательствами.

Компетентным органом иностранного государства при исполнении запроса о правовой помощи процессуальные, в том числе следственные действия, согласно регламентированному в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве порядку, не производятся, поскольку как было указано выше, при их проведении применяется национальное законодательство государства, исполняющего запрос о правовой помощи.

И даже если компетентные органы иностранного государства применяют нормы УПК РФ, данные органы не входят в определённый ст. 86 УПК РФ перечень субъектов, наделённых полномочиями по собиранию доказательств при осуществлении уголовного судопроизводства.

К.К. Клевцов и М.В. Давыдова в своих работах²⁵¹ отстаивают мнение, что компетентные органы иностранных государств необходимо включить в установленный ст. 86 УПК РФ перечень субъектов, уполномоченных собирать доказательства, поскольку в таком случае реальность использования в процессе доказывания полученных в иностранном государстве доказательств, порядок собирания и оформления которых не совпадает с установленным УПК РФ, не будет подвергаться сомнению.

Соискатель данную позицию не разделяет, так как считает, что запрос о правовой помощи является процессуальным действием, которое содержит

²⁵¹ Клевцов К.К. Досудебное производство в отношении лиц, уклоняющихся от уголовной ответственности за пределами территории Российской Федерации. М.: Юрлитинформ. 2018. С. 105; Давыдова М.В. Основания и порядок осуществления взаимной правовой помощи по уголовным делам: дис. ... канд. ... юрид. наук. М. 2009. С. 180, 182.

обращение к компетентным органам иностранного государства и инициирует проведение ими в соответствии с их национальным законодательством процессуальных действий с целью получения сведений, предметов, документов, которые необходимы инициатору, у которого в распоряжении имеются только те процессуальные действия, которые содержит УПК РФ. Поэтому запрашиваемые процессуальные действия, в том числе и следственные, могут быть названы в запросе о правовой помощи только так, как указано в УПК РФ. А вот какой их эквивалент по национальному законодательству государства, исполняющего запрос, будет произведён, относится к компетенции компетентных органов этого государства.

При этом форма никогда не должна превалировать над содержанием.

Поэтому фактические данные, которые будут получены в результате процессуальных действий компетентных органов иностранного государства, будут проверяться и оцениваться инициатором запроса с точки зрения относимости, достоверности, допустимости, как того требуют ст. ст. 87 и 88 УПК РФ, и не всегда они будут признаны доказательствами. Или, наоборот, независимо от того каким процессуальным способом они получены, и в какую форму они были облечены в иностранном государстве, эти данные будут являться доказательствами.

Этот вопрос является дискуссионным и сложным, как и споры о юридической силе доказательств, полученных компетентными органами иностранных государств в результате исполнения запросов о правовой помощи, с которыми он взаимосвязан.

В разумных пределах споры о проблемах, способах их решения – это часть человеческой природы, как таковой, которые способствуют развитию человеческих знаний, в том числе юридических.

С учётом существующей в настоящее время в отечественном уголовном судопроизводстве регламентации сроков расследования и порядка их продления, на практике будет иметь место бесконечное и бесперспективное продление сроков предварительного следствия до тех пор, пока имеют место случаи не

предоставления информации о принятии компетентным органом иностранного государства запроса о правовой помощи к исполнению либо отсутствуют ответы о процессе исполнения запроса и имеет место необоснованно долгое исполнение таких запросов без объяснения причин длительности исполнения.

Считаем, что ч. 1 ст. 208 УПК РФ «Основания, порядок и сроки приостановления предварительного следствия» необходимо дополнить пунктом 5 следующего содержания «отсутствие результатов исполнения запроса о правовой помощи спустя год после его получения компетентными органами иностранного государства при отсутствии сведений о принятии его к исполнению либо ходе его исполнения».

Кроме того, необходимо внести изменения в ч. 4 ст. 208 УПК РФ о приостановлении предварительного следствия по п. 5 ч. 1 ст. 208 УПК РФ лишь по истечении его срока.

Также потребуется дополнить ч. 2 ст. 209 пунктом 3 о том, что «в случае, предусмотренном пунктом 5 части первой статьи 208 настоящего Кодекса, следователь принимает меры к получению результатов исполнения запроса о правовой помощи». Подробная регламентация таких мер должна быть отражена в ведомственных правовых актах.

Таким образом, можно предотвратить необоснованность продления сроков расследования при недостаточно ответственном отношении к исполнению запросов о правовой помощи иностранных коллег до тех пор, пока не будут внесены изменения в УПК РФ, позволяющие не ставить срок расследования в зависимость от получения результатов исполнения запроса о правовой помощи.

§ 2.4. Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства в процессе собирания доказательств

«Участие индивидуума в уголовном судопроизводстве не должно влечь снижение его безопасности. Следовательно, если государством на индивидуума возлагаются, в частности, уголовно-процессуальные обязанности, выполнение

которых сопряжено с угрозой посткриминального воздействия, государство же обязано гарантировать безопасность индивидуума. Требование же государства к индивидууму выполнять уголовно-процессуальные обязанности при отсутствии гарантий безопасности и тем более применение санкций за невыполнение обязанностей, когда причиной их невыполнения явился страх расправы со стороны преступников, являются неправомерными (неконституционными)»²⁵².

Безопасность каждого человека является необходимым условием выполнения участниками уголовного судопроизводства, прежде всего, свидетелями, возлагаемых на них действующим уголовно-процессуальным законом обязанностей.

Безопасность личности также выступает в качестве условия, необходимого для реализации жертвой преступления права на обращение за судебной защитой и последующего активного использования предоставляемых уголовно-процессуальных прав.

Поэтому безопасность одинаково важна как для беспрепятственной реализации предусмотренных Конституцией Российской Федерации и уголовно-процессуальным законодательством прав пострадавших от преступления, так и для выполнения уголовно-процессуальных обязанностей иными участниками уголовного судопроизводства.

В Российской Федерации с 1 января 2005 года действует Федеральный закон от 20 августа 2004 года № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», который заложил основы системы государственной защиты участников уголовного судопроизводства; установил принципы осуществления и виды государственной защиты, включающие меры безопасности и социальной поддержки; определил органы, обеспечивающие государственную защиту, и порядок применения мер.

В соответствии со ст. 3 указанного нормативного акта, органами, обеспечивающими государственную защиту участников уголовного

²⁵² Курс уголовного процесса / Под общ. ред. Головки Л.В. М.: Статут, 2017. С. 392.

судопроизводства, являются: органы, принимающие решение об осуществлении государственной защиты; органы, осуществляющие меры безопасности; органы, осуществляющие меры социальной поддержки. В числе органов, принимающих решение об осуществлении государственной защиты, закон называет следователей, а в числе органов, осуществляющих меры безопасности, – органы внутренних дел Российской Федерации.

Согласно ст. 21 указанного закона, государственная защита осуществляется с соблюдением конфиденциальности сведений о защищаемом лице. Порядок защиты таких сведений в настоящее время установлен Постановлением Правительства Российской Федерации от 14 июля 2015 года № 705 «О порядке защиты сведений об осуществлении государственной защиты, предоставления таких сведений и осуществления мер безопасности в виде обеспечения конфиденциальности сведений о защищаемом лице» и утверждёнными им Правилами защиты сведений об осуществлении государственной защиты и предоставления таких сведений, Правилами осуществления мер безопасности в виде обеспечения конфиденциальности сведений о защищаемом лице²⁵³.

Положения указанного постановления в основном касаются подразделений государственной защиты. Действия следователя по сохранению конфиденциальности сведений об осуществлении государственной защиты участников уголовного судопроизводства они не регламентируют.

Действующий уголовно-процессуальный закон в ч. 3 ст. 11 УПК определяет, что при наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо

²⁵³ Постановление Правительства Российской Федерации от 14 июля 2015 года № 705 «О порядке защиты сведений об осуществлении государственной защиты, предоставления таких сведений и осуществления мер безопасности в виде обеспечения конфиденциальности сведений о защищаемом лице» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 16.06.2025).

иными опасными противоправными деяниями, суд, прокурор, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания и дознаватель принимают в пределах своей компетенции в отношении указанных лиц меры безопасности: сохранение в процессуальных документах в тайне данных о личности (ч. 9 ст. 166 УПК РФ), контроль и запись телефонных и иных переговоров (ч. 2 ст. 186 УПК РФ), предъявление лица для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым (ч. 8 ст. 193 УПК РФ), закрытое судебное разбирательство (п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ), допрос свидетеля в суде без оглашения подлинных данных о личности свидетеля в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства (ч. 5 ст. 278 УПК РФ), а также иные меры безопасности, предусмотренные законодательством Российской Федерации.

Так, ч. 9 ст. 166 УПК РФ определено, что «При необходимости обеспечить безопасность потерпевшего, его представителя, свидетеля, их близких родственников, родственников и близких лиц следователь, дознаватель вправе в протоколе следственного действия, в котором участвуют потерпевший, его представитель или свидетель, не приводить данные об их личности».

Также указанная норма содержит описание порядка сохранения в тайне таких данных: «В этом случае следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия начальника органа дознания выносит постановление, в котором излагаются причины принятия решения о сохранении в тайне этих данных, указывается псевдоним участника следственного действия и приводится образец его подписи, которые он будет использовать в протоколах следственных действий, произведенных с его участием. Постановление помещается в конверт, который после этого опечатывается, приобщается к уголовному делу и хранится при нем в условиях, исключающих возможность ознакомления с ним иных участников уголовного судопроизводства. В случаях, не терпящих отлагательства, указанное следственное действие может быть произведено на основании постановления

следователя или дознавателя о сохранении в тайне данных о личности участника следственного действия без получения согласия соответственно руководителя следственного органа, начальника органа дознания. В данном случае постановление следователя передается руководителю следственного органа, а постановление дознавателя – начальнику органа дознания для проверки его законности и обоснованности незамедлительно при появлении для этого реальной возможности».

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации в части обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства однозначна и заключается в следующем: «Содержащиеся в части девятой статьи 166 и части пятой статьи 278 УПК Российской Федерации специальные правила проведения процессуальных действий и оформления их результатов, как и предусмотренная частью второй статьи 241 УПК Российской Федерации возможность проведения закрытого судебного заседания относятся к числу правовых средств, используемых в указанных в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации конституционно значимых целях, в том числе для обеспечения борьбы с преступностью и защиты прав и законных интересов потерпевших, свидетелей и иных лиц, оказывающих содействие в раскрытии и расследовании преступлений»²⁵⁴.

«Положения части девятой статьи 166 и части пятой статьи 278 УПК Российской Федерации не содержат каких-либо изъятий из установленных уголовно-процессуальным законодательством общих правил использования, проверки и оценки доказательств. Предусмотренные ими особенности получения доказательств не лишают суд и участников уголовного судопроизводства, выступающих на стороне обвинения или защиты и обладающих в состязательном процессе равными правами, возможности проведения проверки получаемого

²⁵⁴ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 2007 года № 622-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Скепского Владислава Вячеславовича на нарушение его конституционных прав частью девятой статьи 166, пунктом 4 части второй статьи 241, частью пятой статьи 278 и частью шестой статьи 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 16.06.2025).

таким способом доказательства, в частности путем постановки перед свидетелем вопросов, заявления ходатайств о проведении процессуальных действий, представления доказательств, опровергающих или ставящих под сомнение достоверность этого доказательства»²⁵⁵.

Для отечественного уголовного судопроизводства указанные положения являются новеллой, необходимость и полезность которой не вызывает сомнений. Однако на ряд важных вопросов, несмотря на более, чем 20 лет, прошедшие с момента вступления УПК РФ в силу, ответы уголовно-процессуальный закон не даёт, поэтому в практической деятельности возникает немало проблем и вопросов.

Как отмечают М.Ю. Бекетов и В.А. Саморока, в российском уголовно-процессуальном законодательстве институт защиты участников уголовного судопроизводства позаимствован из законодательства и практической деятельности правоохранительных органов зарубежных стран, но российский законодатель выбрал свой собственный путь и пошёл дальше своих иностранных коллег. В зарубежных странах, действительно, применение специальных финансово затратных мер безопасности зависит от многих критериев, и прежде всего, от ценности показаний, даваемых участником уголовного судопроизводства. УПК РФ подобные критерии не содержит²⁵⁶.

Согласимся с мнением А.А. Дмитриевой, что «противоправное воздействие направлено прежде всего против правомерного поведения участников уголовного процесса на содействие производству по уголовному делу. Целью такого воздействия является осложнение либо прекращение процесса получения доказательств, установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, перечисленных в ст. 73 УПК РФ. Концентрация

²⁵⁵ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2005 года № 240-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ермакова Михаила Борисовича на нарушение его конституционных прав частью девятой статьи 166, частью пятой статьи 193 и частью пятой статьи 278 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 16.06.2025).

²⁵⁶ Бекетов М.Ю. Поводы и основания принятия решения о применении мер безопасности // Уголовное право. 2016. № 3. С. 103–109.

противодействия в отношении защищаемых лиц в период проведения предварительного расследования объясняется также тем, что на этой стадии формулируются объем и пределы обвинения, предварительная оценка виновности обвиняемого, которая будет представлена после утверждения обвинительного заключения прокурором в суд»²⁵⁷.

Отметим, что ст. 141 УПК РСФСР 1960 года не содержала указанных положений, и даже базовой нормы, о том, что проведение следственных действий не должно создавать угрозу для жизни и здоровья его участников.

Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 года и УПК РСФСР 1922 и 1923 годов также не содержали нормативных предписаний о необходимости обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства и связанных с этим каких-либо процедурных вопросов.

В связи с этим соискатель считает необходимым привести в качестве примера из своей практической деятельности уголовное дело, расследованное до вступления в действие УПК РФ, по которому действия обвиняемого в убийстве и впоследствии осуждённого Л. были квалифицированы по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ. По данному уголовному делу требовалось проверить правдивость показаний обвиняемого, в связи с чем было необходимо провести опознание Л. несколькими свидетелями, одним из которых был несовершеннолетний сын федерального судьи. Вряд ли такую следственную ситуацию по делу можно назвать простой. Однако судья повёл себя как человек и профессионал. В итоге опознания со всеми без исключения свидетелями были проведены, обстоятельства преступления были проверены всесторонне, полно и объективно²⁵⁸. При этом все свидетели были допрошены под своими биографическими данными, а опознания проводились в условиях, когда опознаваемый непосредственно видел опознающего. Федеральный судья,

²⁵⁷ Дмитриева А.А. Меры безопасности, применяемые в отношении участников процесса на стадии предварительного расследования уголовного дела // Российский следователь. 2017. № 1. С. 3.

²⁵⁸ Материалы уголовного дела № 200200039 по обвинению Л. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, приговор Тобольского городского суда Тюменской области от 26 августа 2002 года // Архив Тобольского городского суда Тюменской области.

выступавший законным представителем в ходе опознания, несмотря на отсутствие в УПК РСФСР 1960 года каких-либо процессуальных норм, аналогичных ч. 3 ст. 11, ч. 9 ст. 166 и ч. 8 ст. 193 УПК РФ, после проведения следственного действия заявил автору настоящих строк, что опознание можно было бы провести и через окошко двери в следственный кабинет ИВС либо с использованием технических средств передачи информации, а не лицом к лицу, и ни один судья не исключил бы такое опознание из списка доказательств обвинения, несмотря на отсутствие какого-либо указания в ст. 165 УПК РСФСР 1960 года на возможность проведения опознания в условиях, когда опознаваемый не наблюдает опознающего²⁵⁹.

По указанному делу вступил в законную силу обвинительный приговор, а показания вышеназванных свидетелей и следственные действия с их участием признаны допустимыми доказательствами. Поэтому оценить их допустимость в случае, если бы данные об их личности были сохранены в тайне с приведением псевдонимов в протоколах следственных действий, а опознания были проведены в условиях, исключающих наблюдение друг друга, не представляется возможным. Согласно логики упомянутого выше правоприменителя (судьи), это были бы допустимые доказательства несмотря на то, что процессуально такой порядок обеспечения мер безопасности в УПК РСФСР 1960 года определён не был. При этом согласно ст. 2 этого кодекса «уголовное судопроизводство должно способствовать», в том числе «охране интересов общества, прав и свобод граждан», то есть, в целом и согласно УПК РСФСР 1960 года, безопасность участников уголовного судопроизводства должна была быть обеспечена.

Следует согласиться с мнением, высказанным П.В. Вдовцевым и А.В. Чарковым о том, что предоставление гарантий, больших, чем установлено

²⁵⁹ Также см.: Жуков Д.А. Видео-конференц-связь как условие обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 4(22). С. 155–158.

законом, не может повлечь признание полученных доказательств недопустимыми²⁶⁰.

Автор отмечает, что местонахождение защитника, законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в таком случае проведения опознания не было определено в УПК РСФСР 1960 года, и не определено до сих пор в УПК РФ, на что уже указывала М.В. Новикова.²⁶¹ На эту правовую неопределённость обращают внимание также О.А. Малышева и П.А. Самсонов, отмечая, что «отсутствие указания в нормах ст. 189.1 УПК РФ на точное местонахождение защитника в случае дистанционного участия в производстве следственного действия его подзащитного осложняет реализацию подозреваемым, обвиняемым своего права на защиту»²⁶².

Поэтому следует дополнить ч. 8 ст. 193 УПК РФ после слов «В этом случае понятые находятся в месте нахождения опознающего» через запятую фразой «а защитник, законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, законные представители и представители потерпевшего, свидетеля – в месте нахождения лица, интересы которого они представляют».

Часть 9 ст. 166 УПК РФ не содержит определения термина «псевдоним», поэтому его необходимо определять согласно его словарному значению в русском языке, в соответствии с которым псевдоним может представлять из себя не только фамилию, имя, отчество, но и быть производным от названия птицы, животного или неодушевлённой вещи, в связи с чем для правовой ясности в указанную статью необходимо дополнить после слова «псевдоним» фразой «в виде вымышленных фамилии, имени и отчества».

Необходимо отметить, что до марта 2013 года действующий уголовно-процессуальный закон не содержал норм, обеспечивающих защиту имеющих

²⁶⁰ Вдовцев П.В. О некоторых проблемах применения ч. 9 ст. 166 УПК РФ // Российский следователь. 2018. № 11. С. 30.

²⁶¹ Новикова М.В. Институт безопасности в уголовном судопроизводстве и пути его совершенствования [Электронный ресурс] // Российский судья. 2007. № 7. СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 16.06.2025).

²⁶² Малышева О.А. Применение следователем информационно-коммуникационных технологий при производстве следственных действий: риски и пути их преодоления // Журнал российского права. 2024. № 2. С. 66–78.

отношение к событию преступления лиц за пределами предварительного расследования и деятельности судов первой и апелляционной инстанций. И принятие таких норм было, как обоснованно утверждает Л.В. Брусницын, «первый шаг из целого комплекса мер, необходимых для создания полноценного института обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства»²⁶³.

Заметим, что рассматриваемая норма также не даёт ответа на вопрос, что делать, когда данные участника уголовного судопроизводства были сохранены в тайне после того, как с ним были проведены процессуальные действия с указанием его биографических данных, либо в материалы уголовного дела поступают документы, составленные самим участником уголовного судопроизводства, например, финансовый документ, подписанный им до проведения проверки сообщения о преступлении и возбуждения уголовного дела, или документы, оформленные другими лицами, например, рапорт о задержании.

Практический опыт соискателя, в частности, подтверждает наличие данного пробела в УПК РФ. Так, в 2009 году на одной из центральных улиц Санкт-Петербурга произошло убийство, при этом очевидец преступления пошёл следом за «киллером», чтобы сообщить сотрудникам милиции о совершённом преступлении и прямо указать на преступника, чтобы его задержали. Впоследствии следователем данные о личности указанного свидетеля были сохранены в тайне, однако сотрудники ГИБДД, задержавшие преступника, в своих рапортах указали основные биографические данные свидетеля, после чего указанные рапорты были переданы следователю для исчисления время фактического задержания подозреваемого. Естественно, по указанию следователя рапорты были пересоставлены, чтобы исключить расклевывание данных о личности свидетеля²⁶⁴.

²⁶³ Брусницын Л.В. О состоявшихся и будущих новеллах УПК, обеспечивающих безопасность участников уголовного процесса // Уголовное право. 2013. № 3. С. 53.

²⁶⁴ Материалы уголовного дела № 601372 по обвинению Д. в совершении преступления, предусмотренного п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ и других преступлений, приговор Санкт-

Действующий уголовно-процессуальный закон не содержит указаний, как поступать с такими документами, поэтому считаем, что ч. 9 ст. 166 УПК РФ необходимо дополнить предложением следующего содержания: «Если в уголовном деле имеются документы, содержащие сведения о личности участника уголовного судопроизводства, данные о котором впоследствии были сохранены в тайне, такие документы необходимо поместить в конверт, который содержит постановление о сохранении в тайне данных о личности. Следовательно, иное должностное лицо, осуществляющее расследование, выносит постановление с указанием причин, по которым такой документ помещен в конверт, при этом содержание этого документа оформляется и хранится в виде выписки с сохранением в тайне данных о личности».

При этом в ведомственные нормативные правовые акты о документообороте возможно внести положение о том, что конверт должен содержать краткую опись содержимого с указанием даты вскрытия конверта и должностного лица, которое осуществляло его вскрытие, после чего конверт вновь должен быть опечатан или, в случае его негодности, заменён на новый, о чём в описи делается отметка.

Это не представляет сложности, особенно, если считать, что в конверте находятся гарантии здоровья и жизни конкретного человека.

Лица, которые имеют отношение к оформлению, хранению таких документов, должны быть предупреждены об обязанности не разглашать данные предварительного следствия, даже если они не являются участниками уголовного судопроизводства. В связи с этим необходимо дополнить ч. 3 ст. 161 УПК РФ «Недопустимость разглашения данных предварительного расследования» после слов «Следователь или дознаватель предупреждает участников уголовного судопроизводства» фразой «и иных лиц».

Возникает также вопрос о возможности искажения показаний с целью недопущения их рассекречивания. Считаем, что искажать показания не имеет

право ни должностное лицо, ведущее расследование, ни дающий показания участник уголовного судопроизводства, при этом УПК РФ должен содержать норму, которая дает право «засекреченному» участнику уголовного судопроизводства отказаться от ответов на вопросы, которые могут раскрыть сохранённые в тайне данные о его личности.

В связи с этим актуальной является рекомендация А. Халикова о том, что государственному обвинителю и суду следует по возможности избегать вопросов, которые каким-либо образом могут расшифровать личность такого участника процесса. Государственный обвинитель может просить суд при допросе скрываемого свидетеля другими участниками процесса отвести вопросы, не влияющие на существо дела, но могущие повлечь распознавание личности зашифрованного свидетеля²⁶⁵.

Аналогичную позицию занимает и М.С. Колосович, считая, что, защищая доверившееся лицо, ведущий расследование обязан сохранить в тайне сведения о нём и членах его семьи и осуществить расследование в препятствующем идентификации личности данного лица другими участниками уголовного судопроизводства режиме²⁶⁶.

С этой точки зрения возможность применения ч. 6 ст. 278 УПК РФ о праве судьи по своей инициативе раскрывать подлинные сведения о лице, дающем показания, вызывает только негативное отношение, поскольку указанная норма не связывает раскрытие данных участника уголовного судопроизводства ни с получением у него согласия на это, ни с устранением угрозы для него. Соискатель критически оценивает предложения И.В. Ревин²⁶⁷ и Л.В. Брусницына о дополнении ч. 6 ст. 278 УПК РФ правом исключать показания лица, данные под псевдонимом, из перечня доказательств, исследуемых в судебном

²⁶⁵ Халиков А. Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства в стадии судебного разбирательства [Электронный ресурс] // Уголовное право. 2008. № 4. СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 16.06.2025).

²⁶⁶ Колосович М.С. Негласная деятельность по уголовному делу // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 2. С. 138–145.

²⁶⁷ Ревина И.В. Безопасность лиц, содействующих правосудию: проблемы обеспечения (Институт безопасности личности в уголовном процессе России: проблемы теории и практики) // Российский следователь. 2013. № 19. С. 33–36.

разбирательстве, если лицо не дало соответствующее письменное согласие на возможность ознакомления с реальными сведениями о личности участника уголовного судопроизводства.

Невозможность применения этого дополнения очевидна для практических работников. Например, в случаях, когда суд рассматривает уголовное дело в отношении отдельных участников преступления, членов банды или организованной преступной группы, а остальные участники не установлены или скрываются, или когда в деле имеется только один свидетель или потерпевший, прямые показания которого изобличают подсудимого. На это уже указывали в своих научных работах И.В. Матвиенко, С.А. Губин²⁶⁸.

Поэтому предлагаем дополнить ч. 4 ст. 164 и ч. 5 ст. 278 УПК РФ предложением следующего содержания «Участник уголовного судопроизводства, данные о личности которого сохранены в тайне, вправе не отвечать на вопросы, которые могут способствовать раскрытию таких данных».

Такое предложение продиктовано обеспечением безопасности участников уголовного судопроизводства, которая должна быть в приоритете.

Согласно ч. 9 ст. 166 УПК РФ, в постановлении, в котором излагаются причины принятия решения о сохранении в тайне данных о личности, указывается псевдоним участника следственного действия и приводится образец его подписи, которые он будет использовать в протоколах следственных действий, произведённых с его участием, помещается в конверт, который после этого опечатывают и приобщают к уголовному делу. Такая степень защиты подобной информации обоснованно вызывает массу критических замечаний, на что уже обращала внимание в своей статье Е.В. Блинова²⁶⁹.

²⁶⁸ Матвиенко И.В. Уголовно-процессуальные аспекты сохранения в тайне сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении участников уголовного судопроизводства // Российский следователь. 2015. № 23. С. 21–25; Губин С.А. Защита свидетелей и потерпевших // Законность. 2010. № 6. С. 35–38.

²⁶⁹ Блинова Е.В. Сохранение в тайне данных о личности: законодательство Российской Федерации и зарубежный опыт // Международное уголовное право и международная юстиция. 2017. № 3. С. 15–18.

Поэтому И.В. Ревина в вышеназванной научной статье предлагает предусмотреть в действующем уголовно-процессуальном законе правило, согласно которому постановления такого рода должны храниться в материалах уголовного дела в соответствии с правилами секретного делопроизводства, и должен быть определён процессуальный порядок вызова «засекреченного» участника для производства следственных и судебных действий (который не урегулирован действующим законом).

На наш взгляд, во-первых, необходимо дополнить ч. 1 ст. 215 УПК РФ о праве участников уголовного судопроизводства знакомиться со всеми материалами уголовного дела по окончании расследования следующим предложением: «Конверт, содержащий постановление о сохранении в тайне данных о личности участника уголовного судопроизводства и иные документы, содержащие данные о личности такого участника не предъявляются для ознакомления по окончании расследования».

Соответственно, приложение к обвинительному заключению – список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание, не должен содержать каких-либо сведений о личности такого участника, кроме его псевдонима.

Во-вторых, считаем необходимым дополнить ст. 220 УПК РФ частью 7 следующего содержания: «Конверт, содержащий постановление о сохранении в тайне данных о личности участника уголовного судопроизводства и иные документы, содержащие данные о личности такого участника, направляются в суд руководителем следственного органа после утверждения обвинительного заключения. Прокурор, получивший уголовное дело для утверждения обвинительного заключения, вправе запросить указанный конверт у руководителя следственного органа для ознакомления»²⁷⁰.

В связи с изложенным можно согласиться с позицией Л.В. Брусницына о том, что необходимо нормативно урегулировать вопросы, связанные с сохранением в тайне сведений о лицах, участвующих в уголовном

²⁷⁰ См.: Жуков Д.А. Об обеспечении безопасности участников уголовного судопроизводства // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2019. № 4(26). С. 133–139.

судопроизводстве под псевдонимом, при поступлении уголовного дела в суд, в ходе судебного разбирательства и по его окончании, а также согласиться с его предложением, суть которого состоит в том, что до начала судебного разбирательства и по его окончании председатель соответствующего суда принимает меры, которые бы исключили доступ к подлинным сведениям о лице, участвующем в уголовном судопроизводстве под псевдонимом, иных лиц, кроме профессиональных судей, входящих в состав суда, при этом в ходе судебного разбирательства такие меры должен принять председательствующий, рассматривающий уголовное дело²⁷¹.

Также полностью поддерживаем научную позицию, согласно которой «Создание эффективной системы защиты граждан от организованной преступности, выражающейся в ее агрессивности и беспощадности, невозможно без рационального разрешения вопросов, связанных с обеспечением безопасности участников уголовного процесса»²⁷².

§ 2.5. Уголовно-процессуальный механизм устранения технических ошибок, допущенных в ходе собирания доказательств, при завершении расследования

Анализ собранных в ходе расследования преступления сведений и доказательств происходит постоянно в процессе мыслительной деятельности участников уголовного судопроизводства и особенно актуален при завершении расследования. При этом требование всесторонности, полноты и объективности расследования предполагает необходимость анализа получаемых сведений с момента регистрации сообщения о преступлении.

В ходе проверки сообщения о преступлении законодатель предусмотрел собирание сведений путём проведения следственных и иных процессуальных действий, поэтому их анализ происходит и в ходе проверочных мероприятий, в

²⁷¹ Брусницын Л.В. О состоявшихся и будущих новеллах УПК, обеспечивающих безопасность участников уголовного процесса // Уголовное право. 2013. № 3. С. 53–58.

²⁷² Воробей Д.А. Проблемы процессуальной безопасности свидетеля // Российский следователь. 2011. № 4. С. 14.

первую очередь, для решения вопроса о том, есть ли основания для возбуждения уголовного дела или отказа в его возбуждении. Итогом анализа таких сведений являются выводы о наличии или отсутствии признаков преступления и последующие решения, принимаемые по результатам рассмотрения сообщения о преступлении, указанные в ч. 1 ст. 145 УПК РФ.

Даже направление простого запроса о представлении сведений требует предварительного мыслительного анализа имеющихся у следователя данных, направленного на осознание необходимости получения дополнительных сведений.

Итогом анализа собранных по делу сведений могут быть решения по результатам рассмотрения ходатайств, или например, принимаемые решения о привлечении в качестве обвиняемого или переквалификации, прекращении уголовного преследования; решения, принимаемые по результатам расследования, в частности, о прекращении уголовного дела, составлении обвинительного заключения, обвинительного акта, обвинительного постановления.

Анализ полученных в ходе расследования сведений осуществляется участниками уголовного судопроизводства согласно объёму информации, которым они располагают или который получают в ходе расследования, судебного производства. Итогом такой деятельности является, например, заявление ходатайств о приобщении документов, проведении следственных действий, изменении квалификации или прекращении уголовного преследования, дела.

Такой же анализ осуществляет и прокурор, одним из результатов которого, в частности, является решение об утверждении обвинительного заключения и направлении уголовного дела в суд или о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия. Естественно, его осуществляет и суд, результаты чего находят воплощение в виде приговора или другого судебного решения.

Оценка доказательств является составной частью анализа полученных в ходе познания преступления сведений и, как полагает В.И. Зажицкий, «пронизывает весь процесс доказывания, а также является этапом, логически завершающим этот процесс. При производстве по уголовному делу на основании оценки доказательств принимаются как промежуточные, так и итоговые процессуальные решения»²⁷³.

Считаем, что обвинительное заключение является решением следователя, и в соответствии с принципом законности оно также должно быть законными, обоснованными и мотивированными.

По нашему мнению²⁷⁴, УПК РФ содержит положения, которые освобождают следователя от обязанности излагать в обвинительном заключении подробный анализ доказательств как результат их оценки. Это противоречит изложенному в ст. 7 УПК РФ принципу законности уголовного судопроизводства, согласно которому решения суда, судьи, прокурора, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя должны быть законными, обоснованными и мотивированными.

Согласно ч. 1 ст. 215 УПК РФ, признав, что все следственные действия по уголовному делу произведены, а собранные доказательства достаточны для составления обвинительного заключения, следователь уведомляет об этом участников уголовного судопроизводства, знакомит их с материалами дела и разрешает их ходатайства. На этом этапе расследования такое решение следователь принимает по результатам анализа всех собранных доказательств без оформления какого-либо процессуального решения, после чего уведомляет об окончании следственных действий различных участников уголовного судопроизводства, о чём составляет соответствующие протоколы.

Ознакомив участников уголовного судопроизводства с материалами уголовного дела и разрешив их ходатайства, в соответствии со ст. 220 УПК РФ

²⁷³ Зажицкий В.И. Доказывание и доказательства по УПК РФ: теоретико-правовой анализ. С-Пб.: Юридический центр. 2015. С. 308.

²⁷⁴ См.: Жуков Д.А. Проблемы реализации полномочий следователя по анализу доказательств // Евразийский юридический журнал. 2018. № 6(121). С. 288–290.

следователь приступает к составлению обвинительного заключения, которое должно содержать в себе собранные по делу доказательства обвинения и защиты.

То есть следователь приступает к составлению обвинительного заключения, если установлены все обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, предусмотренные ст. 73 УПК РФ, и, как уже указано выше, исходя из принципа законности, такое решение должно быть законными, обоснованными и мотивированными.

Как верно подметил В.С. Джатиев, «в обвинительном заключении отражен процесс познания и систематизирован весь доказательственный материал. При составлении обвинительного заключения лицо, производящее расследование, должно быть убеждено, что преступление расследовано всесторонне, полно и объективно и что имеющаяся совокупность доказательств достаточна для вывода о виновности обвиняемого в совершении преступления»²⁷⁵.

Согласимся с точкой зрения С.Б. Россинского о том, что под обвинительным заключением надлежит понимать утверждаемый прокурором финальный уголовно-процессуальный акт органа предварительного следствия, предполагающий подведение итогов досудебного производства, оценку достаточности собранных доказательств, предварительный вывод об изобличении обвиняемого (нескольких обвиняемых) в совершении инкриминируемого преступления (нескольких преступлений) и содержащий решение о направлении уголовного дела в суд для дальнейшего рассмотрения. При этом его правовое значение следует видеть не в определении предмета предстоящего судебного разбирательства уголовного дела, а в подведении итогов предварительного следствия и окончательному признанию его результатов пригодными для судебного рассмотрения по существу, а также к определению момента формального завершения досудебного производства и прекращению всех правоотношений, свойственных для данного этапа уголовно-процессуальной деятельности. При этом обвинительное заключение надлежит признавать

²⁷⁵ Джатиев В.С. Доказывание и оценка обстоятельств преступления. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1991. С. 30.

правоприменительным актом, играющим важную правообеспечительную роль – позволяющим невластным участникам уголовного судопроизводства распознать позицию обвинения и оценить её состоятельность как предмета предстоящего судебного спора, на основании чего спланировать своё дальнейшее поведение, постараться спрогнозировать результаты заявления тех или иных ходатайств и т. д., то есть способствующим обеспечению обвиняемому (его защитнику и законному представителю) права на защиту, а прочим заинтересованным участникам – права на доступ к правосудию²⁷⁶.

Ценность итогового акта расследования отмечает и А.Н. Калюжный, поскольку «обвинительное заключение выступает результирующим процессуальным решением следователя на заключительном этапе расследования преступления, свидетельствующим о проведении полного, объективного и всестороннего расследования и установлении всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания, указывая на наличие оснований для передачи уголовного дела в суд для рассмотрения по существу»²⁷⁷.

Определением Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2016 года № 226-О, вынесенным в результате рассмотрения запроса Курганского областного суда о проверке конституционности ч. 8 ст. 246 УПК РФ²⁷⁸, также подтверждена значимость устанавливающего основу и пределы судебного разбирательства итогового акта расследования – обвинительного заключения, в котором изложена окончательная формулировка обвинения, то есть позиция следствия о виновности лица, подтверждённая совокупностью собранных и исследованных доказательств.

²⁷⁶ Россинский С.Б. Обвинительное заключение: мнимые и подлинные процессуальные смыслы // Российский следователь. 2023. № 10. С. 10–14.

²⁷⁷ Калюжный А.Н. Обвинительное заключение как итоговый документ заключительного этапа расследования: проблемы процессуальной реализации и формы // Российский судья. 2020. № 4. С. 38–39.

²⁷⁸ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10.02.2016 № 226-О «По запросу Курганского областного суда о проверке конституционности части восьмой статьи 246 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 16.06.2025).

По мнению соискателя, вышеизложенное значение обвинительного заключения предопределяет необходимость приведения в нём анализа доказательств.

Представляется, что действующая редакция ст. 220 УПК РФ, определяющая элементы обвинительного заключения и регламентирующая обязанность следователя указывать их, не содержащая указаний на необходимость анализа доказательств, является причиной составления обвинительных заключений, в которых решение следователя недостаточно обосновано и мотивировано.

Отметим, что изложение доказательств в обвинительном заключении в УПК РФ по сравнению с УПК РСФСР 1960 года изменилось. Ранее ст. 205 УПК РСФСР 1960 года определяла, что в описательной части обвинительного заключения излагаются доказательства, которые подтверждают наличие преступления и виновность обвиняемого, а также предоставляла возможность осуществить анализ имеющихся доказательств и привести взаимосвязанную систему доказательств обвинения. Наличие такого анализа в обвинительном заключении не вызывало замечаний у надзирающего прокурора и не влекло решений прокурора или суда о возвращении дела для дополнительного следствия.

К слову, ст. 214 УПК РСФСР 1922 года и ст. 210 УПК РСФСР 1923 года, определяли, что обвинительное заключение должно состоять из двух частей. Первая (описательная) должна заключать в себе изложение обстоятельств дела, как они установлены предварительным следствием, с указанием тех доказательств, на которых основано заключение следователя о необходимости предания суду обвиняемого. Как видим, способ изложения доказательств обвинения, их анализ и необходимость указания доказательств защиты в то время вообще не регламентировались.

Изложенная в ст. 220 УПК РФ формулировка о том, что следователь в обвинительном заключении указывает перечень доказательств, подтверждающих обвинение, и краткое изложение их содержания, фактически не даёт ему возможности привести подробный анализ системы доказательств обвинения и объяснить, почему он приводит как доказательства обвинения, например,

показания свидетелей, которых представила защита, либо заключения экспертов, выводы которых частично не согласуются с предъявленным обвинением. А ранее действующая редакция этой статьи требовала указать в обвинительном заключении только лишь перечень доказательств, подтверждающих обвинение и перечень доказательств, на которые ссылается сторона защиты, что вызывало немало нареканий со стороны практических работников.

Мнение о том, что краткое изложение содержания доказательств и их перечня «обяжет в первую очередь государственного обвинителя обстоятельней готовиться к судебному разбирательству непосредственным изучением материалов уголовного дела, а не обвинительного заключения»²⁷⁹, заслуживает внимания, но лишь как дополнительное условие необходимости для прокурора и суда изучать содержание доказательств, указанных в обвинительном заключении, непосредственно в материалах уголовного дела.

Соискатель считает заслуживающим внимания и достаточно аргументированным мнение Н.Г. Муратовой о том, что следователь должен быть самостоятельной процессуальной фигурой при расследовании преступлений, а прокурорский надзор должен проявляться в основном при завершении предварительного расследования, в связи с чем необходимо передать прокурору полномочия по составлению обвинительного заключения²⁸⁰.

А.М. Багмет и Ю.А. Цветков, не соглашаясь с таким суждением, настаивают на том, что прокурор не только не должен утверждать обвинительное заключение, но и не должен решать вопрос о направлении уголовного дела в суд. Все эти вопросы в досудебном производстве обязан решать руководитель следственного органа в рамках осуществляемого им процессуального контроля за деятельностью следователей²⁸¹.

²⁷⁹ Комментарий в Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. Козак Д.Н., Мизулина Е.Б. 2-е изд. М.: Юрист, 2004. С. 477.

²⁸⁰ Муратова Н.Г. Процессуальная модель субъекта обвинительного заключения (история и современность) // Российский следователь. 2011. № 14. С. 20–23.

²⁸¹ Багмет А.М. Утверждение обвинительного заключения прокурором: рудимент или необходимость? // Российская юстиция. 2018. № 4. С. 53–55.

По мнению С.П. Желтобрюхова, составленное следователем обвинительное заключение не должно кем-либо утверждаться²⁸².

В свою очередь, С.А. Соловьев считает более логичным исключить из УПК РФ обязанность следователя составлять обвинительное заключение, которое «не подлежит обжалованию и по своей сути является фактически конспектом проведенного расследования, эрзацем доказательства или вариантом изложения доказательств по делу, и тогда государственный обвинитель не был бы связан мнением вышестоящего прокурора, утвердившего обвинение»²⁸³.

П.К. Барабанов отстаивает точку зрения о направлении в суд постановления следователя, дознавателя с изложением обвинения и процессуальными документами о движении дела, процессуальных статусах лиц, подлежащих вызову в суд, и об ознакомлении с материалами досудебного производства только после представления сторонами доказательств, чтобы преодолеть обвинительный уклон суда по уголовным делам²⁸⁴.

При таком разнообразии научных подходов к самому факту существования обвинительного заключения и процедуре его утверждения необходимость приведения анализа содержащихся в обвинительном заключении доказательств, которую отстаивает соискатель, является подтверждением процессуальной самостоятельности следователя и реализации его процессуальной функции по завершении всестороннего полного и объективного исследования всех обстоятельств преступления.

С позиции соблюдения прав потерпевших, обвиняемого и принципа состязательности также логичнее было бы излагать в обвинительном заключении анализ имеющихся доказательств, однако ст. 220 УПК РФ не содержит в себе предписание, согласно которому следователь обязан или хотя бы имеет право осуществить и изложить в обвинительном заключении такой анализ.

²⁸² Желтобрюхов С.П. Кто должен утверждать обвинительное заключение? // Российская юстиция. 2017. № 3. С. 41–43.

²⁸³ Соловьев С.А. Процессуальная ценность обвинительного заключения на современном этапе (практический аспект) // Адвокатская практика. 2016. № 1. С. 28–33.

²⁸⁴ Барабанов П.К. Реализация назначения уголовного судопроизводства при доказывании в суде первой инстанции: автореф. ... дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2011. С. 8, 16.

Ранее ст. 205 УПК РСФСР 1960 года определяла, что в обвинительном заключении излагаются доводы, приводимые обвиняемым в свою защиту, и результаты проверки этих доводов. Статья 220 УПК РФ не содержит такого требования, а обязывает следователя по аналогии с изложением доказательств обвинения указать перечень доказательств, на которые ссылается сторона защиты, и краткое изложение их содержания.

В совокупности изложенное в ст. 220 УПК РФ выглядит нелогичным, если следователь по своему процессуальному назначению должен всесторонне, полно и объективно провести расследование, в результате которого он опроверг позицию стороны защиты.

А.В. Шуваткин определяет обвинительное заключение «как утвержденный прокурором процессуальный акт следователя, завершающий на предварительном следствии уголовное преследование и представляющий собой итоговое и основное для данной стадии процессуальное решение следователя о том, что в результате полного всестороннего и объективного исследования обстоятельств дела достоверно установлены все обстоятельства, подлежащие доказыванию, в том числе и виновность обвиняемого, проверены и опровергнуты доводы обвиняемого, доказано наличие оснований для передачи дела в суд для решения вопроса о назначении судебного заседания»²⁸⁵, из содержания которого следует необходимость приведения в обвинительном заключении анализа доказательств как обвинения, так и защиты.

На актуальность такой позиции и необходимость приведения подобного анализа в обвинительном заключении указывает и Э.Н. Алимамедов, который считает, что «Свою обоснованную позицию относительно представленных стороной защиты сведений следователь должен излагать в самостоятельном подразделе описательно-мотивировочной части обвинительного заключения»²⁸⁶.

²⁸⁵ Шуваткин А.В. Обвинительное заключение и обвинительный акт в современном уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2003. С. 6–7, 10–12.

²⁸⁶ Алимамедов Э.Н. Деятельность следователя на этапе окончания предварительного следствия составлением обвинительного заключения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 12, 24–25.

Оставлять анализ доказательств обвинения и защиты «за кадром», не приведя его в обвинительном заключении, то есть только в мыслительной деятельности каждого следователя, исходя из уровня его образования, правосознания, мировоззрения и сложившихся взаимоотношений с участниками судопроизводства, представляется неверным.

В связи с этим соискатель соглашается с мнением В.С. Джатиева, С.Ф. Шумилина, В.Ф. Статкуса и В.З. Веселого, а также А.Б. Соловьева о том, что «в обвинительном заключении объективному анализу должна быть подвергнута вся совокупность собранных по делу доказательств вне зависимости от того, какой характер носят эти доказательства. Только таким путем могут быть созданы необходимые и достаточные предпосылки для вынесения судом законного, обоснованного и справедливого приговора и реализовано назначение уголовного судопроизводства»²⁸⁷.

В связи с отсутствием законодательного урегулирования обязанности следователя осуществить и привести в обвинительном заключении анализ доказательств обвинения и защиты следует ли считать, что у него вообще нет возможности изложить такой анализ, когда собранных доказательств, по мнению следователя, достаточно для составления обвинительного заключения, и он выполняет требования ст. 215–217 УПК РФ?

Исходя из практического опыта соискателя представляется, что следователь может провести такой анализ при разрешении ходатайств о прекращении уголовного преследования и уголовного дела или о проведении дополнительных следственных действий в порядке, предусмотренном ст. 219 УПК РФ, по

²⁸⁷ Джатиев В.С. Общая методология и современные проблемы обвинения и защиты по уголовным делам двадцать лет спустя // Обвинение и защита по уголовным делам Исторический опыт и современность: сборник статей. С-Пб.: ООО «ЦСПТ», 2015. С. 91–92; Шумилин С.Ф. Теоретические основы и прикладные проблемы механизма реализации полномочий следователя в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2010. С. 33. // Официальный сайт Российской государственной библиотеки. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01004613530> (дата обращения: 16.06.2025); Соловьев А.Б. Получение и использование доказательств на предварительном следствии: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 247; Статкус В.Ф. Обвинительное заключение: Пособие для практических работников // МВД СССР. Всесоюзный научно-исследовательский институт. М., 1970. С. 57.

результатам ознакомления с материалами уголовного дела потерпевшего, обвиняемого, его защитника, иных участников судопроизводства.

В случае же, когда такие участники не заявляют ходатайств, в том числе, когда обвиняемый и его защитники скрывают свою линию защиты до непосредственного рассмотрения дела судом, следователь может изложить систему доказательств и их анализ, особенно по сложным в доказывании или многоэпизодным уголовным делам, в рапорте на имя руководителя следственного органа с представлением копии государственному обвинителю. Однако такой рапорт не является документом, который можно включить в материалы уголовного дела, и имеет только рекомендательное и ориентирующее значение для государственного обвинителя.

Представляется, что самым простым и законным способом изложения анализа собранных в ходе расследования доказательств является вынесение следователем в соответствии с п. 25 ст. 5 УПК РФ постановления об анализе доказательств до составления протоколов уведомления участников судопроизводства об окончании следственных действий.

Поскольку такое постановление в соответствии со ст. 7 УПК РФ должно быть законным, обоснованным и мотивированным, в его описательной части следователь приводит анализ доказательств обвинения, чтобы они воспринимались во взаимосвязи, как система, а также излагает анализ доказательств защиты, в том числе – результаты проверки доводов обвиняемого и его защитника. При этом резолютивная часть такого постановления могла бы состоять из одной фразы, согласующейся с содержанием ст. 215 УПК РФ: «признать, что все необходимые следственные действия по уголовному делу произведены, собранные доказательства достаточны для составления обвинительного заключения, о чем уведомить участников судопроизводства и разъяснить им право на ознакомление с материалами уголовного дела».

Составив такое постановление, следователь вручает его копии заинтересованным лицам с разъяснением права на обжалование в порядке ст. 16

УПК РФ, а также направляет его копии руководителю следственного органа и прокурору.

Таким образом, в отсутствие в УПК РФ обязанности следователя приводить подробный анализ системы доказательств в обвинительном заключении требуется законодательное урегулирование этого вопроса и внесение изменений в ст. 220 УПК РФ, поскольку имеющаяся редакция вступает в противоречие с изложенным в ст. 7 УПК РФ принципом законности уголовного судопроизводства. При этом, и в отсутствие такой обязанности в УПК РФ у практических работников, исходя из п. 25 ст. 5 УПК РФ, имеется основанная на законе возможность изложения такого анализа в форме постановления.

Отметим, что какого-либо иного механизма по устранению допущенных в ходе расследования преступления технических ошибок по окончании расследования в результате анализа собранных доказательств, кроме института возвращения уголовного дела руководителем следственного органа, прокурором для дополнительного расследования, и процедуры возвращения уголовного дела судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, в действующем уголовно-процессуальном законе не предусмотрено.

Также УПК РФ не даёт ответа на вопрос, каким образом могут быть устранены самим следователем допущенные им технические ошибки.

В научной среде также не предлагается решений и способов устранения технических ошибок в завершающей стадии расследования.

Соискатель поддерживает мнение о том, что «Уголовно-процессуальный механизм устранения и недопущения ошибок является одним из государственно-правовых средств поддержания режима законности и обеспечения господства права в государстве и обществе и представляет собой часть более широкого организационно-правового механизма устранения ошибок, включающего в себя не только процессуальные, но и иные организационные по сути компоненты»²⁸⁸.

²⁸⁸ Шадже А.М. Уголовно-процессуальный механизм устранения ошибок в контексте уголовной политики государства // Российская юстиция. 2017. № 9. С. 25.

Как в ходе расследования, так и по его окончании, руководитель может дать указания следователю о проведении следственных действий, принятии процессуальных решений, чтобы устранить допущенные ошибки в процессуальных документах, отменить такие решения, отстранить следователя от дальнейшего производства расследования, если им допущено нарушение требований УПК, изъять у него уголовное дело и передать его другому следователю. Прокурор, в свою очередь, вправе внести требование об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания или предварительного следствия²⁸⁹.

Автор соглашается с мнением судьи Верховного Суда Российской Федерации в почётной отставке Н.А. Колоколова о том, что возникновение многих судебных ошибок, под которыми понимают не только ошибки суда, но и любого органа государственной власти, предопределено отсутствием чёткой правоохранительной политики, несовершенством текущего законодательства, а также низким профессионализмом исполнителей. УПК РФ не предусматривает действенных механизмов исправления следственных и судебных ошибок. Рассматривать судебные ошибки в узком понимании, исключительно как логические ошибки правоприменения, неверно. Пути исправления судебных ошибок в значительной степени предопределены их природой, которая предполагает наличие алгоритма их исправления. Суд, как и любой иной орган государственной власти, от принятия ошибочного решения не застрахован²⁹⁰.

Так, по мнению А.Д. Назарова, к появлению следственных и судебных ошибок по уголовным делам приводит обвинительный уклон, что противоречит назначению и принципам уголовного судопроизводства. Включение законодателем следователя в число участников уголовного процесса со стороны обвинения является одной из причин формирования обвинительного уклона в его деятельности, хотя следователь является в первую очередь исследователем.

²⁸⁹ См.: Жуков Д.А. К вопросу о процессуальной функции следователя // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2018. № 2(20). С. 73–78.

²⁹⁰ Колоколов Н.А. Судебная ошибка в уголовном процессе: понятие, пути исправления // Уголовное судопроизводство. 2007. № 2. С. 10–13.

Поэтому кризис института предварительного расследования, включающий обвинительный уклон, непрофессионализм, разбалансированные механизмы процессуального регулирования досудебных стадий, сбои в механизмах судебного контроля, прокурорского надзора и ведомственного контроля, создали условия для отстаивания точки зрения о возрождении института объективной истины и реставрации дополнительного следствия²⁹¹.

При этом следует согласиться с научным мнением имеющего значительный опыт работы судьей С.В. Бурмагина, который предлагает внести в ст. 237 УПК РФ самостоятельное основание возвращения судом уголовного дела прокурору в случаях, когда органами дознания или предварительного следствия допущены существенные нарушения уголовно-процессуального закона, исключающие возможность рассмотрения дела и вынесения судом приговора или иного решения. При этом целью судебного решения о возвращении дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ является не восполнение неполноты и упущений органов предварительного следствия, что было характерно для предусмотренного УПК РСФСР 1960 года правового института направления дел для дополнительного расследования, а устранение только таких нарушений, которые препятствуют рассмотрению дела судом²⁹².

В научной среде отстаивается мнение о необходимости редактирования ч. 2 ст. 252 УПК РФ «Пределы судебного заседания», предполагающей изменение обвинения в судебном разбирательстве, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту, поскольку при возвращении уголовного дела на этапе досудебного производства суд фактически утрачивает контроль над ним.

²⁹¹ Назаров А.Д. Обвинительный уклон в деятельности субъектов, ведущих уголовный процесс, как фактор, способствующий появлению ошибок в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 9. С. 149–154.

²⁹² Бурмагин С.В. Роль и правовое положение суда в современном российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2009. С. 11, 27; см. также: Жуков Д.А. О соотношении полномочий следователя и других участников уголовного судопроизводства и их генезис // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2019. № 1(23). С. 120–126.

В случае необходимости в суде переквалифицировать обвинение на более тяжкое или иной состав преступления, при отсутствии у суда такой возможности, как указывает А.А. Казаков, работа следователя над ошибками приобретает исключительно технический характер, поскольку заключается в формулировании и предъявлении практически того же самого обвинения, но уже по статье уголовного закона, которую по сути определит суд. Возникновение таких негативных ситуаций возможно предотвратить изменением положений уголовно-процессуального закона о пределах разбирательства в суде, когда рамки такового ограничиваются уже не предъявленным обвинением, а фактическими обстоятельствами, которые изложены в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительном заключении (акте, постановлении). Согласимся с А.А. Казаковым и в том, что данный вопрос требует тщательной проработки, и новая редакция ст. 252 УПК РФ «Пределы судебного разбирательства» должна учитывать целесообразность возвращения уголовного дела прокурору в том числе, когда в судебном заседании необходимо уточнить какие-либо элементы события преступления²⁹³.

Так, Б.Я. Гаврилов, С.В. Бурмагин и П.К. Барабанов предлагают внести изменения в УПК РФ и разрешить изменять обвинение на более тяжкое либо предъявлять новое обвинение, ухудшающее положение обвиняемого или существенно отличающееся по содержанию, в ходе судебного разбирательства, объявив перерыв на десять дней для формулирования нового обвинения и обеспечения права на защиту²⁹⁴.

А.В. Скачко и Л.Р. Муллагалеева обращают внимание на то, что в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь, ФРГ и Великобритании содержатся положения по восполнению пробелов следствия без возвращения

²⁹³ Казаков А.А. Неверное применение уголовного закона следователем как основание для возвращения уголовного дела судом // Российский следователь. 2015. № 11. С. 22–24.

²⁹⁴ Барабанов П.К. Реализация назначения уголовного судопроизводства при доказывании в суде первой инстанции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2011. С. 10, 21–23; Бурмагин С.В. Правовые модели изменения обвинения в суде: сравнительно-правовой анализ процедур российского и зарубежного судопроизводства // Государство и право. 2022. № 12. С. 49; Гаврилов Б.Я. Институт дополнительного расследования: видение законодателя и правоприменительная практика // Уголовное судопроизводство. 2022. № 4. С. 6–11.

уголовного дела. Указанные авторы обоснованно утверждают, что изучение зарубежного опыта предусматривает возможность устранения недостатков следствия, в том числе процедуру перепредъявления обвинения в ходе судебного заседания что, в свою очередь, не приводит к затягиванию разрешения дела²⁹⁵.

С учётом достаточного опыта следственной работы соискатель считает, что дискуссию научных работников²⁹⁶ по данному вопросу следует продолжить в рамках иных диссертационных исследований, в том числе, посвящённых обоснованности и правомерности дополнения Федеральным законом от 21 июля 2014 года № 269-ФЗ ч. 1 ст. 237 УПК РФ пунктом 6 о полномочии суда вернуть дело прокурору для переквалификации действий на более тяжкое общественно опасное деяние, если в ходе предварительного слушания, судебного разбирательства установлены основания для такой переквалификации.

В параграфе 1.1. настоящей работы отмечено, что органы предварительного расследования не освобождены от обязанности всесторонне, полно и объективно исследовать обстоятельства дела, несмотря на то, что действующий уголовно-процессуальный закон не содержит нормы, аналогичной по содержанию ст. 20 УПК РСФСР 1960 года, содержавшей требования о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела.

Как указывает Л.А. Воскобитова, именно всесторонность, полнота и объективность даёт обвинению возможность быть конкурентноспособным в условиях состязательного процесса. Необходимым условием успеха при поддержании обвинения в суде является чёткое понимание различия между содержанием функции обвинения и обвинительным уклоном как формой искажения этой функции. В связи с чем, по её мнению, необходимо усиливать и процессуально укреплять надзорную функцию прокурора на стадии

²⁹⁵ Скачко А.В. Институт возвращения прокурором уголовного дела следователю: международные правовые стандарты и зарубежный опыт // Международное уголовное право и международная юстиция. 2022. № 1. С. 18–21.

²⁹⁶ Хитрова О.В. Особый порядок движения уголовного дела или возвращение уголовного дела для производства дополнительного следствия // Российский следователь. 2013. № 21. С. 13–16; Бурмагин С.В. Разделение обвинительной и судебной властей в уголовном судопроизводстве России: от Судебной реформы 1864 г. до наших дней // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 5. С. 885–896.

предварительного расследования, которая может служить гарантом всесторонности, полноты и объективности расследования. Прокуратуре принадлежит значительная роль как в искоренении обвинительного уклона, так и обеспечении поддержания в суде только законного и обоснованного обвинения. В связи с двойной процессуальной задачей прокуратура имеет уникальную возможность способствовать преодолению обвинительного уклона в расследовании, а суд сможет осуществить справедливое судебное разбирательство и обеспечить права человека в уголовном судопроизводстве²⁹⁷.

В то же время не исключено, что технические ошибки в процессуальных документах могут быть выявлены, когда происходит ознакомление с делом участников уголовного судопроизводства, поскольку они заявляют об этом в своих ходатайствах, либо когда происходит составление обвинительного заключения следователем, изучение руководителем следственного органа материалов уголовного дела для решения вопроса о даче согласия на направление дела прокурору либо изучение уголовного дела прокурором для утверждения обвинительного заключения.

Так, в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого при указании номеров каких-либо документов (банковских билетов России, накладных, деклараций и т. п.) может быть пропущена или наоборот ошибочно добавлена одна или несколько цифр, букв либо допущена опечатка, и таким образом буквенно-цифровое обозначение документа отражено неверно, а при указании государственных регистрационных знаков транспортного средства в фабуле обвинения они указаны с ошибками или перепутаны цифры в наименовании квартиры, дома, где происходило преступление, либо изменены инициалы обвиняемых, потерпевших.

Примеров таких технических ошибок, опечаток в практической деятельности множество, и привести все возможные варианты не представляется возможным. Важна суть этих, на первый взгляд, незначительных, технических

²⁹⁷ Воскобитова Л.А. Обвинение или обвинительный уклон? // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 3. С. 455–462.

ошибок, опечаток, поскольку вследствие них происходит изменение обстоятельств события преступления, подлежащих доказыванию по уголовному делу, и предусмотренных п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ.

Так, соискатель расследовал уголовное дело, согласно материалам которого ошибка в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого в указании номера квартиры изменяла адрес места совершения преступления и, соответственно, повлекла необходимость возвращения уголовного дела для дополнительного расследования²⁹⁸. По сути своей такая техническая ошибка приводит к тому, что при фактически завершённом расследовании следователю необходимо возобновить производство следственных действий, затем перепредъявить обвинение и вновь ознакомить участников уголовного судопроизводства с материалами дела, после чего представить уголовное дело руководителю и, если он согласится с результатами расследования, – направить уголовное дело прокурору для утверждения обвинительного заключения.

Это может привести к негативным последствиям, вплоть до изменения меры пресечения в виде заключения под стражу на более мягкую по формальным признакам, когда после перепредъявления обвинения из-за такой ошибки повторный выход на ознакомление с материалами уголовного дела на предельных сроках происходит позже, чем за 30 суток до окончания предельного срока, как предусмотрено ч. 5 ст. 109 УПК РФ.

Следует отметить, что какого-либо механизма устранения таких ошибок не содержали ни уголовно-процессуальные кодексы РСФСР 1960, 1923, 1922 годов, ни Основы уголовного судопроизводства РСФСР 1958 года, ни Устав уголовного судопроизводства 1864 года.

Утверждение о том, что необходимо внимательнее относиться к составлению таких важных процессуальных документов, как постановление о привлечении в качестве обвиняемого и обвинительное заключение, справедливо.

²⁹⁸ Материалы уголовного дела № 665330 по обвинению К., М., У., И. в совершении преступления, предусмотренного п.п. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, приговор Ленинградского областного суда от 26 ноября 2014 года // Архив Ленинградского областного суда.

Однако практика показывает, что в нынешних условиях практически постоянного цейтнота следственной работы избежать технических ошибок и опечаток не представляется возможным.

Стоит обратить внимание и на то, что содержание обвинения в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого должно полностью соответствовать содержанию обвинения в обвинительном заключении. Несоответствие содержания указанных важнейших процессуальных документов вызывает необходимость перепредъявления следователем обвинения или пересоставления обвинительного заключения либо является причиной возвращения уголовного дела для дополнительного расследования.

Поэтому на практике в зависимости от изменения установленных обстоятельств совершения преступления, в том числе и несущественных, возникает необходимость перепредъявления обвинения с тем, чтобы его содержание в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и обвинительном заключении совпадало.

В то же время, для практических работников очевидно, что постановление о привлечении в качестве обвиняемого не содержит всех предусмотренных ст. 73 УПК РФ обстоятельств, подлежащих доказыванию, а единственным процессуальным документом, содержащим все указанные обстоятельства, на стадии предварительного следствия является обвинительное заключение.

Соискателю близка точка зрения Б.Я. Гаврилова и М.Ю. Колбеевой, согласно которой институт привлечения в качестве обвиняемого утратил свою первоначальную функцию и нуждается в кардинальном изменении. На основании анализа уголовно-процессуального законодательства и с учётом теоретического осмысления конкретных субъективных и объективных факторов, можно утверждать, что предъявление обвинения, определяющее пределы судебного разбирательства, является одной из причин возвращения судом прокурору уголовного дела в порядке ст. 237 УПК РФ, в том числе ввиду несоответствия изложенного в обвинительном заключении обвинения тому, которое предъявлено следователем в ходе предварительного следствия, а также для перепредъявления

обвинения на более тяжкое. Тем самым на протяжении десятков лет основным средством устранения ошибок и недостатков предварительного расследования выступал институт судебного доследования, результатом которого являлась длительность дополнительного расследования от нескольких месяцев до нескольких лет, что нарушало право потерпевшего на доступ к правосудию и требования осуществления судопроизводства в разумный срок. С учётом позиции Конституционного Суда Российской Федерации о том, что пределы судебного разбирательства определяются предъявленным в ходе расследования обвинением, окончательно сформулированным в обвинительном заключении (обвинительном акте)²⁹⁹, Б.Я. Гаврилов предлагает формулировать обвинение и придавать подозреваемому статус обвиняемого в обвинительном заключении³⁰⁰.

С.И. Пономаренко считает, что заключительным актом расследования должна стать процедура привлечения лица в качестве обвиняемого, предполагающая формулирование окончательных выводов следствия по поводу форм и степени виновности преследуемого лица. По результатам проверки его доводов и ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела надлежит принять решение о дальнейшем его движении³⁰¹.

По мнению А.Н. Колоколова, Т.С. Волчецкой, И.В. Петрова, окончательную квалификацию должен формулировать в суде государственный обвинитель с учётом материалов судебного следствия³⁰².

²⁹⁹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 мая 2007 года № 6-П «По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413, 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 16.06.2025).

³⁰⁰ Гаврилов Б.Я. Подозреваемый, обвиняемый – возможно ли поставить знак равенства в современном досудебном производстве? // Уголовное судопроизводство. 2024. № 1. С. 13–17; Колбеева М.Ю. Институт привлечения лица в качестве обвиняемого в условиях реформирования уголовно-процессуального законодательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 10; Пономаренко С.И. Современные проблемы реализации процессуального статуса подозреваемого: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. С. 17.

³⁰¹ Пономаренко С.И. Современные проблемы реализации процессуального статуса подозреваемого: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. С. 17.

³⁰² Колоколов Н.А. Обвинение и защита в российском уголовном процессе: баланс интересов - иллюзия или реальность // Уголовное судопроизводство. 2005. № 2. С. 4; Волчецкая Т.С. Предъявление обвинения в уголовном процессе: архаизм или насущная необходимость? // Современное право. 2011. № 12. С. 89–92.

Не оспаривая научную ценность вышеизложенных позиций, предлагаем уголовно-процессуальный порядок исправления именно технических ошибок по завершении расследования, доля которых, исходя из количества возвращённых уголовных дел, изученных в рамках настоящего исследования, не превышает десяти процентов³⁰³.

Уголовно-процессуальный закон не содержит понятий «опечатка» и «техническая ошибка». Полагаем излишним приводить в данной работе их определения из различных орфографических словарей, поскольку, по нашему мнению, главными признаками технических ошибок и опечаток являются неосторожность их допущения и несущественность или отсутствие явного искажения для восприятия смысла написанного.

Согласимся с Ю.П. Боруленковым в том, что «расследование – это искусство мыслить и реализовывать задуманное. Расследование – это творческий процесс, несущий отпечаток личности, правоприменяющего субъекта. В следственной деятельности личность следователя, его талант, проницательность и энергия имеют решающее значение. Следователь, как правило, действует в ситуациях, характеризующихся той или иной степенью неопределенности. Всё это обуславливает не только творческий характер познавательной деятельности, но и сложный противоречивый, нелинейный ход творческого поиска. Предусмотреть все возможные варианты развития ситуаций весьма сложно, поэтому следователи осуществляют планирование и прогнозирование тактики и линии поведения по нескольким направлениям. В этих условиях имеющиеся у следователя знания не могут обеспечить его готовыми, подходящими ко всем случаям вариантами действий»³⁰⁴.

³⁰³ Архивы уголовных дел и материалов доследственных проверок СУ при УВД г. Тобольска, прокуратуры г. Тобольска Тюменской области, прокуратуры Красногвардейского района г. Санкт-Петербурга, следственного отдела по Красногвардейскому району ГСУ СК России по г. Санкт-Петербургу, второго следственного управления (с дислокацией в городе Санкт-Петербург) ГСУ СК России, Тобольского городского суда Тюменской области, Красногвардейского районного суда г. Санкт-Петербурга, Санкт-Петербургского городского суда, Ленинградского областного суда.

³⁰⁴ Боруленков Ю.П. Расследование как искусство // Российский следователь. 2014. № 14. С. 10–13.

В таких условиях работы следователя технические ошибки и опечатки неизбежны.

По мнению соискателя, природа технических ошибок и опечаток предполагает исключение случаев неоднократных перепредъявлений обвинения при их наличии, в том числе, по результатам рассмотрения ходатайств участников уголовного судопроизводства после ознакомления с материалами уголовного дела, в процессе составления обвинительного заключения и после его составления, в том числе, при решении вопроса о его утверждении³⁰⁵.

В связи с изложенным необходимо наделить следователя, его руководителя, прокурора полномочием по исправлению технических ошибок и опечаток и дополнить действующий уголовно-процессуальный закон следующими положениями.

Пункт 16 в ч. 2 ст. 37 УПК РФ дополнить предложением следующего содержания: «мотивированным постановлением исправлять технические ошибки и опечатки, допущенные в ходе предварительного расследования, в том числе без перепредъявления обвинения, пересоставления обвинительного заключения (акта, постановления)».

Пункт 6 ч. 2 ст. 38 и пункт 12 ч. 1 ст. 39 УПК РФ дополнить предложением следующего содержания: «мотивированным постановлением исправлять технические ошибки и опечатки, допущенные в ходе предварительного расследования, в том числе без перепредъявления обвинения, пересоставления обвинительного заключения».

³⁰⁵ См.: Жуков Д.А. К вопросу об ошибках следователя // Законодательство. 2020. № 1. С. 53–57.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведенного комплексного исследования проблем, связанных с реализацией полномочий следователя по собиранию доказательств и взаимосвязанных с ними полномочий в досудебном производстве, позволяют сформулировать следующие предложения по дальнейшему совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и дать рекомендации, которые могут быть использованы в практической деятельности сотрудников следственных и иных органов – участников уголовного судопроизводства.

1. Проведённое всесторонне, полно и объективно предварительное следствие создаёт условия для вынесения законного, обоснованного и справедливого приговора.

Поэтому ч. 1 ст. 6 УПК РФ о содержании назначения отечественного уголовного судопроизводства следует дополнить и сформулировать её следующим образом: «Уголовное судопроизводство осуществляется в условиях всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств преступления и имеет своим назначением:» и далее по тексту ст. 6 УПК РФ.

Исходя из назначения уголовного судопроизводства, уголовно-процессуальная функция следователя заключается в исследовании всех обстоятельств преступления. Это является условием правильного определения его процессуального статуса, который включает его процессуальную самостоятельность и полномочия.

В связи с этим необходимо дополнить ст. 5 УПК РФ пунктом 24.1, содержащим определение полномочий как «совокупности процессуальных прав и обязанностей участника уголовного судопроизводства, отражающей его назначение и деятельность».

2. В науке уголовного процесса отсутствует единство мнений по такому важному вопросу как определение понятия «собираение доказательств», что не способствует единообразной и соответствующей в полной мере назначению уголовного судопроизводства, как оно сформулировано в законе, следственной

практике, поскольку собирание доказательств является базовым элементом процесса доказывания, обладающим познавательной и удостоверительной функциями.

В практической деятельности полномочия следователя по собиранию доказательств в досудебном производстве в большей степени реализуются путём проведения следственных действий, а также и иных процессуальных действий.

Основное отличие следственного действия от иного процессуального действия – исключительная направленность следственного действия на получение доказательственной информации.

Система правовых норм, регламентирующих процессуальную самостоятельность следователя, должна содержать, в том числе, нормы, гарантирующие свободу осуществления полномочий следователя в процессе доказывания.

Поэтому в действующем уголовно-процессуальном законе необходимо регламентировать полномочие следователя на обращение в суд с ходатайством для получения разрешения на проведение следственных действий и в отсутствие согласия руководителя следственного органа, о чём внести изменения в ч. 1 ст. 165 УПК РФ.

Кроме того, следует дополнить ч. 3 ст. 165 УПК РФ правом следователя при его участии в судебных заседаниях в процессе рассмотрения ходатайств в ходе досудебного производства заявлять ходатайства, делать заявления и давать пояснения по существу рассматриваемого ходатайства, а также, с согласия руководителя следственного органа, обжаловать решение судьи.

Процессуальная самостоятельность следователя напрямую связана с его полной ответственностью за своевременное проведение необходимых следственных действий и принятие соответствующих процессуальных решений, в связи с чем необходимо дополнить п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ предложением следующего содержания: «следователь несет ответственность за законное и своевременное осуществление своих полномочий, принятие процессуальных решений, выполнение следственных и иных процессуальных действий».

3. Разумность сроков уголовного судопроизводства предполагает разумность сроков любой его составной части, в том числе, процесса собирания доказательств, и необходимость установления и продления процессуальных сроков.

Необоснованная длительность сроков расследования создаёт сомнения в способности закона защитить права человека, нарушенные преступлением. Поэтому необходимо упростить процедуру предварительного расследования для реального сокращения срока предварительного следствия и считать его не с момента возбуждения уголовного дела, в случае его возбуждения по факту совершённого преступления, а с момента придания лицу процессуального статуса подозреваемого, обвиняемого.

Предусмотренный ч. 1 ст. 162 УПК РФ срок предварительного следствия следует увеличить с двух до шести месяцев и внести изменения в ст. 162 УПК РФ в части регламентации отправной точки исчисления срока следствия.

Часть 7 ст. 108 УПК РФ своим содержанием в период ознакомления с делом создаёт условия для освобождения из-под стражи одного или нескольких обвиняемых, если они ознакомились с материалами уголовного дела, а иные, не находящиеся под стражей обвиняемые, не окончили ознакомление с делом, поэтому из ч. 7 ст. 108 УПК РФ предлагаем исключить фразу «содержащихся под стражей».

Следует внести изменения и в ч. 2 ст. 217 УПК РФ для того, чтобы следователь имел возможность по собственной инициативе предоставить копии материалов уголовного дела стороне защиты, и таким образом оптимизировать процесс ознакомления с материалами дела.

4. Автор вносит предложения по совершенствованию норм уголовно-процессуального законодательства о порядке выполнения следственных и иных процессуальных действий как способов собирания доказательств, и их формы.

Так, необходимо дополнить ч. 1 ст. 38 УПК РФ отдельным пунктом о предоставлении следователю полномочия «направлять запросы и требования для получения документов, предметов, на основе которых можно установить

обстоятельства, имеющие значение по делу, в том числе подлежащие доказыванию»; а также указать в ч. 4 ст. 21 УПК РФ на то, что требования, поручения и запросы следователя и иных должностных лиц, предъявленные в пределах их полномочий, установленных УПК РФ, обязательны для исполнения незамедлительно или в указанный в них срок.

Объяснение как процессуальный документ, исходя из содержания статей главы 10 УПК РФ «Доказательства в уголовном судопроизводстве», следует считать доказательством в виде иного документа.

Детализация в ст. 144 УПК РФ порядка проведения процессуального действия «получение объяснения» и указание формы изложения полученных сведений в виде процессуального документа «протокол получения объяснения», составленного в соответствии со ст. ст. 166, 167 и 190 УПК РФ, закономерно раскрывало бы положения п. 32 ст. 5, ч. 4 ст. 21 и ч. ч. 1, 1.1, 1.2 ст. 144, а также ч. 1 ст. 1 УПК РФ о том, что порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливает этот кодекс.

Изложенные в объяснениях сведения после возбуждения уголовного дела конкретизируют в ходе допросов и преобразуют в показания.

Для исключения возможности признания недопустимыми полученных в ходе проведённых допросов показаний свидетеля, подозреваемого необходимо разрешить следователю и закрепить в п. 6 ч. 4 ст. 56 УПК РФ его право по своей инициативе приглашать свидетелю адвоката для оказания бесплатной юридической помощи, и в ч. 1 ст. 46 УПК РФ изложить определение понятия подозреваемого следующим образом: «подозреваемым является лицо, в отношении которого осуществляются действия, направленные на его изобличение и дающие основания считать его причастным к совершению преступления».

Для обеспечения прав потерпевшего необходимо внести дополнения в п. 2 ч. 2 ст. 42 УПК РФ и разрешить следователю по собственной инициативе приглашать потерпевшему адвоката.

Пункт 1.3 ст. 144 УПК РФ необходимо дополнить правом заинтересованных лиц и их адвокатов в ходе проверки сообщения о преступлении знакомиться с

постановлением о назначении экспертизы, заключением экспертов или сообщением эксперта о невозможности дать заключение, в соответствии со ст. ст. 198 и 206 УПК РФ. Дополнить ст. 198 УПК РФ частью 3, в которой будет указан срок продолжительностью пять суток для ознакомления с постановлением о назначении судебной экспертизы и документами о её результатах, протоколом допроса эксперта.

Постановку дополнительных вопросов перед экспертами по результатам ознакомления с постановлением о назначении судебной экспертизы необходимо оформлять отдельным постановлением о внесении дополнительных вопросов, заявленных участниками уголовного судопроизводства, о чём следует внести дополнение в п. 4 ч. 1 ст. 198 УПК РФ.

Вышеперечисленные дополнения в УПК РФ окажут положительное влияние на соблюдение законных интересов заинтересованных лиц при получении объяснений, производстве судебных экспертиз в ходе проверки сообщений о преступлении и прав участников уголовного судопроизводства при проведении допросов, производстве судебных экспертиз в ходе расследования, и частично исключат дискуссии о доказательственной силе протокола получения объяснения, показаний допрошенных свидетелей, потерпевших, подозреваемых, заключений экспертов, а также будут способствовать реализации принципа законности и назначения уголовного судопроизводства.

5. Взаимодействие с органами, осуществляющими ОРД при существующей системе правоохранительных органов России является важным условием успешного расследования преступлений, в особенности тех, по которым не установлены совершившие их лица.

Необходимо внести дополнение в ч. 1 и ст. 163 УПК РФ о том, что «для производства расследования о тяжком или особо тяжком преступлении, совершенном в условиях неочевидности, должна быть создана следственно-оперативная группа. Копия постановления о создании следственно-оперативной группы направляется прокурору». Включённые в состав следственно-оперативной группы следователь и оперативный работник будут взаимодействовать напрямую

без поручений о проведении ОРМ и нести ответственность за конкретные результаты своей работы и в целом за раскрытие преступления. Это особенно актуально в условиях чрезвычайных ситуаций и при проведении контртеррористических и специальных военных операций.

Поэтому необходимо дополнить УПК РФ отдельной главой 11.1, которая будет по содержанию близка действующей в настоящее время Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд, утверждённой совместным межведомственным Приказом от 27 сентября 2013 года, а также дополнить ч. 2 ст. 74 УПК РФ пунктом 7 о том, что в качестве доказательств допускаются результаты оперативно-розыскной деятельности, которые приобщаются к материалам расследования постановлением следователя как субъекта доказывания.

6. Положительный опыт отражения в международных соглашениях сроков рассмотрения запросов о правовой помощи по уголовным делам предполагает их определение при разработке проектов международных соглашений, конвенций и при совершенствовании содержания их текстов.

Потому повышение эффективности международного сотрудничества по уголовным делам должно выразиться в урегулировании государствами – участниками соглашений, конвенций, международными организациями вопроса о внесении в национальное законодательство норм, устанавливающих конкретные сроки исполнения запросов о правовой помощи.

Кроме того, запрос о правовой помощи, содержащий просьбу о производстве процессуальных действий, должен содержать «предложение для компетентных органов иностранного государства разъяснить порядок проведения запрашиваемого процессуального действия, права, обязанности и ответственность участников данного действия в соответствии с УПК РФ», в связи с чем необходимо дополнить статью 454 УПК РФ пунктом 6 указанного содержания.

До тех пор, пока компетентные органы отдельных иностранных государств не исполняют запросы о правовой помощи либо делают это ненадлежащим образом, будет иметь место бесконечное и бесперспективное продление сроков

предварительного следствия.

7. Безопасность человека одинаково важна как для беспрепятственной реализации предусмотренных Конституцией Российской Федерации и уголовно-процессуальным законодательством прав пострадавших от преступления, так и для выполнения участниками уголовного судопроизводства их уголовно-процессуальных обязанностей.

В связи с этим ч. 9 ст. 166 УПК РФ необходимо дополнить указанием на то, что «псевдоним» участника уголовного судопроизводства, данные о личности которого сохранены в тайне, – это вымышленные фамилия, имя и отчество, и если в уголовном деле имеются документы, содержащие сведения о его личности, они должны быть также сохранены в тайне. При этом необходимо исключить возможность ознакомления участников уголовного судопроизводства по окончании расследования с указанными документами и дополнить ч. 1 ст. 215 УПК РФ соответствующим положением.

Также следует дополнить ст. 220 УПК РФ частью 7, содержащей положение о том, что конверт с указанными документами направляет в суд руководитель следственного органа, а прокурор, получивший уголовное дело для утверждения обвинительного заключения, вправе запросить указанный конверт для ознакомления.

Соответственно, приложение к обвинительному заключению – список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание, – не должно содержать каких-либо сведений о личности такого участника, кроме его псевдонима.

При рассмотрении дела в суде для обеспечения безопасности участника уголовного судопроизводства, данные о личности которого сохранены в тайне, предлагаем дополнить ч. 4 ст. 164 и ч. 5 ст. 278 УПК РФ новеллой о том, что он освобождается от обязанности отвечать на вопросы, которые могут способствовать раскрытию таких данных.

8. УПК РФ не предусматривает других действенных механизмов по устранению допущенных в ходе расследования преступления технических ошибок по окончании расследования, кроме возвращения руководителем

следственного органа, прокурором уголовного дела для дополнительного расследования и процедуры возвращения уголовного дела судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ.

Представляется, что природа технических ошибок и опечаток, при их наличии в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, такова, что они не должны становиться причиной неоднократных перепредъявлений обвинения.

В связи с этим необходимо наделить прокурора, следователя, его руководителя полномочием по исправлению технических ошибок и опечаток и дополнить п. 16 в ч. 2 ст. 37, п. 6 в ч. 2 ст. 38 и п. 12 в ч. 1 ст. 39 УПК РФ предложением следующего содержания: «мотивированным постановлением исправлять технические ошибки и опечатки, допущенные в ходе предварительного расследования, в том числе без перепредъявления обвинения, пересоставления обвинительного заключения».

Кратко изложенные выше предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства сформулированы на основании проведённого научного исследования и приведены в соответствующих параграфах настоящей диссертации, где подробно обоснованы.

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод о том, что исследование полномочий следователя по собиранию доказательств и их реализации в досудебном производстве, безусловно, является важнейшим направлением в науке уголовно-процессуального права.

Высказанные соискателем предложения и рекомендации не являются исчерпывающими и могут послужить основой для дальнейших исследований, посвящённых перспективам развития реализации полномочий следователя по собиранию доказательств в досудебном производстве и их особенностям, в частности, при расследовании отдельных видов, групп преступлений, оставшихся за рамками настоящего диссертационного исследования ввиду ограниченности его объёма, предмета и объекта.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Международные нормативные правовые акты

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 года) (с изм. от 24 июня 2013 года) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
2. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 года (заключена в г. Минске 22 января 1993 года) (ред. от 28 марта 1997 года) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
3. Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам (заключена в г. Страсбурге 20 апреля 1959 года) (с изм. от 8 ноября 2001 года) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
4. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена в г. Кишиневе 7 октября 2002 года) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

Законы, иные нормативные правовые акты и официальные документы СССР и Российской Федерации

5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
6. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, утверждённые Законом СССР от 25 декабря 1958 года (ред. от 28.11.1989) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
7. Свод законов Российской Империи, вступивший в действие 1 января 1835 года [Электронный ресурс] // Электронная библиотека «Руниверс». URL:

<https://runivers.ru/bookreader/book388232/#page/638/mode/1up>.

8. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года [Электронный ресурс] // URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137>.

9. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 25 мая 1922 года // Собрание узаконений РСФСР. – 1922. – № 20–21. – Ст. 329.

10. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 15 февраля 1923 года // Собрание узаконений РСФСР. – 1923. – № 7. – Ст. 106.

11. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 года с изм. и доп. [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

12. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года (ред. от 7 июня 2025 года) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

13. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: федеральный закон от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ (ред. от 22 июля 2024 года) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

14. О Следственном комитете Российской Федерации: федеральный закон от 28 декабря 2010 года № 403-ФЗ (ред. от 20 марта 2025 года) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

15. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ (ред. от 29 декабря 2022 года) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

16. Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд, утверждённая приказом МВД России, Минобороны России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, Следственного комитета Российской Федерации от 27 сентября 2013 года № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

17. О Концепции судебной реформы в РСФСР: постановление

Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 года № 1801-1 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

18. О подписании Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Бельгия о сотрудничестве в борьбе с преступностью: постановление Правительства Российской Федерации от 9 января 2001 года № 17 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

19. О порядке защиты сведений об осуществлении государственной защиты, предоставления таких сведений и осуществления мер безопасности в виде обеспечения конфиденциальности сведений о защищаемом лице: постановление Правительства Российской Федерации от 14 июля 2015 года № 705 (ред. от 17 сентября 2022 года) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

20. Инструкция о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, утверждённая приказом заместителя Генерального прокурора Российской Федерации – Главного военного прокурора от 23 октября 2014 года № 150 (ред. от 20 июля 2017 года) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

21. Инструкция по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола, утверждённая приказом МВД России № 786, Минюста России № 310, ФСБ России № 470, ФСО России № 454, ФСКН России № 333, ФТС России № 971 от 6 октября 2006 года (ред. от 22 сентября 2009 года) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

Документы высших судебных инстанций

22. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Жудина Сергея Семеновича на нарушение его конституционных прав пунктом 6 части второй статьи 74, пунктом 1 части третьей статьи 413 и положениями главы 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение

Конституционного Суда Российской Федерации от 28 мая 2013 года № 723-О [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

23. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мигули Александра Анатольевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 217 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2017 года № 1398-О [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

24. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ермакова Михаила Борисовича на нарушение его конституционных прав частью девятой статьи 166, частью пятой статьи 193 и частью пятой статьи 278 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2005 года № 240-О [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

25. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Скепского Владислава Вячеславовича на нарушение его конституционных прав частью девятой статьи 166, пунктом 4 части второй статьи 241, частью пятой статьи 278 и частью шестой статьи 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 2007 года № 622-О-О [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

26. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 года № 11-П [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

27. По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 УПК РФ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 июня 2004 года № 13-П [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

28. По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413, 418

Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 мая 2007 года № 6-П [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

29. По запросу Курганского областного суда о проверке конституционности части восьмой статьи 246 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10.02.2016 № 226-О [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

30. О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.03.2016 № 11 (ред. от 29.06.2021) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

31. О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 года № 8 (ред. от 3 марта 2015 года) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

32. О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ): постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.06.2017 № 19 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

33. О судебной экспертизе по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 года № 28 (ред. от 29 июня 2021 года) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

Следственная и судебная практика

34. Постановление Санкт-Петербургского городского суда от 3 февраля 2015 года об отказе в удовлетворении ходатайства о продлении срока содержания под стражей по делу № 3/2-19/15 // Архив Санкт-Петербургского

городского суда.

35. Постановление Ленинского районного суда г. Тюмени от 4 мая 2017 года по делу № 3/12-15/2017 // Архив Ленинского районного суда г. Тюмени.

36. Приговор Тобольского городского суда Тюменской области от 14 ноября 2001 года по уголовному делу № 200103366 по обвинению Н. и К. в совершении преступления, предусмотренного п. п. «а», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ // Архив Тобольского городского суда Тюменской области.

37. Приговор Тобольского городского суда Тюменской области от 26 августа 2002 года по уголовному делу № 200200039 по обвинению Л. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ // Архив Тобольского городского суда Тюменской области.

38. Приговор Тюменского областного суда от 9 ноября 2004 года по уголовному делу № 200400157/23 по обвинению В. и З. в совершении преступления, предусмотренного п. п. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 и п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ // Архив Тюменского областного суда.

39. Приговор Тобольского городского суда Тюменской области от 7 июля 2005 года по уголовному делу № 200322036 по обвинению К. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ // Архив Тобольского городского суда Тюменской области.

40. Приговор Санкт-Петербургского городского суда от 14 мая 2009 года по уголовному делу № 601372 по обвинению Д. в совершении преступления, предусмотренного п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ // Архив Санкт-Петербургского городского суда.

41. Приговор Ленинградского областного суда от 26 ноября 2014 года по уголовному делу № 665330 по обвинению К., М., У., И. в совершении преступления, предусмотренного п.п. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ // Архив Ленинградского областного суда.

42. Приговор Кировского городского суда Ленинградской области от 30 сентября 2016 года по уголовному делу № 227012 по обвинению Р., Ц., К. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 293 УК РФ // Архив

Кировского городского суда Ленинградской области.

43. Приговор Боровичского районного суда Новгородской области от 2 марта 2018 года по уголовному делу № 1-60/2018 по обвинению Г. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 111 УК РФ // Архив Боровичского районного суда Новгородской области.

44. Постановление о прекращении уголовного дела № 11802190012286039, возбужденного по ч. 2 ст. 109 УК РФ по факту смерти Е. в медицинском учреждении, за отсутствием состава преступления по п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ от 14 марта 2024 года // Архив Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации.

45. Постановление о прекращении уголовного дела 11802190002016133, возбужденного по ч. 2 ст. 109 УК РФ по факту смерти З. в медицинском учреждении, за отсутствием состава преступления по п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ от 14 марта 2024 года // Архив Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации.

46. Материалы уголовного дела № 200103366 по обвинению Н. и К. в совершении преступления, предусмотренного п. п. «а», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ // Архив Тобольского городского суда Тюменской области.

47. Материалы уголовного дела № 200200039 по обвинению Л. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ // Архив Тобольского городского суда Тюменской области.

48. Материалы уголовного дела № 200400157/23 по обвинению В. и З. в совершении преступления, предусмотренного п. п. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 и п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ // Архив Тюменского областного суда.

49. Материалы уголовного дела № 200322036 по обвинению К. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ // Архив Тобольского городского суда Тюменской области.

50. Материалы уголовного дела № 1-315/2020 по обвинению Н. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ // Архив Боровичского районного суда Новгородской области.

51. Материалы уголовного дела № 601372 по обвинению Д. в совершении преступления, предусмотренного п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ // Архив Санкт-Петербургского городского суда.

52. Материалы уголовного дела № 665330 по обвинению К., М., У., И. в совершении преступления, предусмотренного п.п. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ // Архив Ленинградского областного суда.

53. Материалы уголовного дела № 227012 по обвинению Р., Ц., К. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 293 УК РФ // Архив Кировского городского суда Ленинградской области.

54. Материалы уголовного дела № 1-60/2018 по обвинению Г., в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 111 УК РФ // Архив Боровичского районного суда Новгородской области.

55. Материалы уголовного дела № 41902007707000008 по обвинению Г. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 33, п. п. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ // Архив Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации.

56. Материалы уголовного дела № 803735 о преступлении, предусмотренном п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ // Архив Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации.

57. Материалы уголовного дела № 89851 о преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 105 УК РФ // Архив Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации.

58. Материалы уголовного дела № 11802190012286039, возбужденного по ч. 2 ст. 109 УК РФ по факту смерти Е. в медицинском учреждении // Архив Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации.

59. Материалы уголовного дела № 11802190002016133, возбужденного по ч. 2 ст. 109 УК РФ по факту смерти З. в медицинском учреждении // Архив Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации.

Монографии, комментарии законодательства

60. Алексеев, Н. С. Очерк развития науки советского уголовного процесса / Н. С. Алексеев, В. Г. Даев, Л. Д. Кокорев; науч. ред.: Н. С. Алексеев. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1980. – 252 с.

61. Алонцева, Е. Ю. Полномочия следователя по производству следственных действий, выполняемых с разрешения суда: научно-практическое пособие / Е. Ю. Алонцева. – М.: Юрлитинформ, 2008. – 160 с.

62. Антонов, И. А. Нравственно-правовые основы уголовно-процессуальной деятельности / И. А. Антонов. – С-Пб.: Юридический центр Пресс. – 2003. – 236 с.

63. Баев, О. Я. Производство следственных действий: криминалистический анализ УПК России. Практика, рекомендации: практическое пособие / О. Я. Баев, Д. А. Солодов. – 2-е издание, испр. и доп. – М.: Эксмо, 2010. – 240 с.

64. Бастрыкин, А. И. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. А.И. Бастрыкина. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 944 с.

65. Безлепкин, Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Б. Т. Безлепкин. – М.: КНОРУС, 2010. – 688 с.

66. Белкин, А. Р. Теория доказывания. Научно-методическое пособие / А. Р. Белкин. – М.: Норма, 1999. – 429 с.

67. Белкин, Р. С. Собираение, исследование и оценка доказательств / Р. С. Белкин. – М.: Наука, 1966. – 295 с.

68. Будников, В. Л. Показания в уголовном судопроизводстве / В. Л. Будников. – М.: Юрлит-информ, 2009. – 144 с.

69. Быков, В. М. Следователь в уголовном процессе России: монография / В. М. Быков. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 336 с.

70. Головкин, Л. В. Курс уголовного процесса / Под общ. ред. Л. В. Головкин. – М.: Статут, 2017. – 1280 с.

71. Гуляев, А. П. Следователь в уголовном процессе / А. П. Гуляев. – М.: Юридическая литература, 1981. – 192 с.
72. Даль, И. В. Иллюстрированный толковый словарь русского языка / И. В. Даль. – М.: Эксмо, 2007. – 896 с.
73. Деришев, Ю. В. Проблемы соотношения досудебного и судебного производства в уголовном процессе России / Ю. В. Деришев, М. Э. Романовский, О. А. Волторнист. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 168 с.
74. Джатиев, В. С. Доказывание и оценка обстоятельств преступления: монография / В. С. Джатиев. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1991. – 152 с.
75. Доля, Е. А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности: монография / Е. А. Доля. – М.: Проспект. 2009. – 376 с.
76. Зажицкий, В. И. Доказывание и доказательства по УПК РФ: теоретико-правовой анализ / В. И. Зажицкий. – С-Пб.: Юридический центр, 2015. – 439 с.
77. Клевцов, К. К. Досудебное производство в отношении лиц, уклоняющихся от уголовной ответственности за пределами территории Российской Федерации / К. К. Клевцов. – М.: Юрлитинформ. 2018. – 280 с.
78. Клещина, Е. Н. Принцип разумного срока уголовного судопроизводства и его реализация в стадии предварительного расследования: монография / Е. Н. Клещина, А. С. Архипов. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 184 с.
79. Комментарий в Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. Д. Н. Козак, Е. Б. Мизулина. – 2-е изд. – М.: Юрист, 2004. – 477 с.
80. Лазарева, В. А. Доказательства и доказывание в уголовном процессе: учебно-практическое пособие / В. А. Лазарева. – М.: Высшее образование, 2009. – 343 с.
81. Лазарева, В. А. Проблемы использования свидетельских показаний в уголовном процессе / В. А. Лазарева, Д. В. Попов. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 160 с.

82. Ларин, А. М. Расследование уголовного дела: процессуальные функции / А. М. Ларин. – М.: Юридическая литература, 1986. – 160 с.

83. Маслов, И. В. От следственного комитета к единому органу расследования / И. В. Маслов // Законность. – 2012. – № 3(929). – С. 35–41.

84. Маслов, И. В. Уголовно-процессуальные сроки в досудебном производстве: монография / И. В. Маслов. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 240 с.

85. Милинчук, В. В. Институт взаимной правовой помощи по уголовным делам. Действующая практика и перспективы развития / В. В. Милинчук. – М.: Юрлитинформ, 2001. – 352 с.

86. Михайленко, А. Р. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе / А. Р. Михайленко; под ред. А. Л. Цыпкина. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1975. – 150 с.

87. Москалькова, Т. Н. Этика уголовно-процессуального доказывания (стадия предварительного расследования) / Т. Н. Москалькова. – М.: СПАРК, 1996. – 125 с.

88. Моторин, В. В. Международное сотрудничество следователей в сфере оказания правовой помощи по уголовным делам: учебное пособие / В. В. Моторин. – Домодедово: ВИПК МВД России, 2007. – 115 с.

89. Нерсисянц, В. С. Общая теория права и государства: учебник / В. С. Нерсисянц. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. – 560 с.

90. Ратинов, А. Р. Судебная психология для следователей / А. Р. Ратинов. – М.: Юрлитинформ, 2001. – 52 с.

91. Рахунов, Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву / Р. Д. Рахунов. – М.: Госюриздат, 1961. – 277 с.

92. Рыжаков, А. П. Уголовный процесс: возбуждение и отказ в возбуждении уголовного дела: учебное пособие / А. П. Рыжаков. – Тула, 1996. – 318 с.

93. Рыжаков, А. П. Уголовно-процессуальное доказывание: понятие и средства / А. П. Рыжаков. – М.: Филинь, 1997. – 416 с.

94. Рябина, Т. К. Общие проблемы уголовного судопроизводства: монография / Т. К. Рябина, А. А. Козявин, А. М. Шинкевич. – Старый Оскол: ТНТ, 2015. – 136 с.

95. Савицкий, В. М. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / Под общ. ред. В. М. Савицкого, Б. Т. Безлепкина, П. А. Лупинской. – М.: Проспект, 2000. – 672 с.

96. Сборник материалов по международному сотрудничеству Следственного комитета Российской Федерации. – М., 2015. – 304 с.

97. Соловьев, А. Б. Получение и использование доказательств на предварительном следствии: монография / А. Б. Соловьев. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 250 с.

98. Спиридонов, Л. И. Теория государства и права / Л. И. Спиридонов. – М.: Статус ЛТД+, 1996. – 304 с.

99. Статкус, В. Ф. Обвинительное заключение: пособие для практических работников / В. Ф. Статкус, В. З. Веселый. – М.: МВД СССР. Всесоюзный научно-исследовательский институт. 1970. – 72 с.

100. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. / М. С. Строгович. – М.: Наука, 1970. – Том 2. – 516 с.

101. Сырых, В. М. История и методология юридической науки: учебник / В. М. Сырых. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 464 с.

102. Телигисова, С. С. Процессуальный статус следователя как субъекта уголовно-процессуальных отношений и степень его процессуальной самостоятельности / С. С. Телигисова. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 192 с.

103. Теория государства и права: учебник / Под ред. М.Н. Марченко. – М.: Зерцало, 2013. – 720 с.

104. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Отв. ред. Н. В. Жогин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юридическая литература, 1973. – 736 с.

105. Томин, В. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В. Т. Томин, М. П. Поляков. – М.: Юрайт,

2010. – 1292 с.

106. Уголовный процесс: учебник для вузов / Под общ. ред. П. А. Лупинской – М.: Юристъ, 1995. – 544 с.

107. Уголовный процесс: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Под ред. В. П. Божьева. – 3-е издание, испр. и доп. – М.: Спарк, 2002. – 704 с.

108. Уголовная юстиция: проблемы международного сотрудничества / Международный научно-исследовательский проект под руководством В. М. Савицкого. – М.: БЕК, 1994. – 296 с.

109. Францифиров, Ю. В. Функциональное назначение деятельности следователя и его полномочия в состязательном уголовном процессе: монография / Ю. В. Францифиров, Д. В. Ванин. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 200 с.

110. Химичева, О. В. Актуальные проблемы уголовно-процессуального права: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности юриспруденция / Под ред. О. В. Химичевой, О. В. Мичуриной. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014. – 287 с.

111. Чистякова, В. С. Полномочия следователя в советском уголовном процессе: лекция / В. С. Чистякова. – М.: Министерство высшего и среднего специального образования СССР. Всесоюзный юридический заочный институт, 1974. – 32 с.

112. Шейфер, С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования / С. А. Шейфер. – М.: Норма, 2009. – 240 с.

113. Шумилин, С. Ф. Полномочия следователя: механизм и проблемы реализации / С. Ф. Шумилин. – М.: Экзамен, 2006. – 382 с.

Диссертации и авторефераты диссертаций

114. Малышева, О. А. Досудебное производство в Российском уголовном

процессе: проблемы реализации и правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Малышева Ольга Анатольевна. – М., 2013 – 55 с.

115. Шумилин, С. Ф. Теоретические основы и прикладные проблемы механизма реализации полномочий следователя в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Шумилин Сергей Федорович. – Воронеж, 2010. – 43 с. // Официальный сайт Российской государственной библиотеки. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01004613530>.

116. Алимамедов, Э. Н. Деятельность следователя на этапе окончания предварительного следствия составлением обвинительного заключения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Алимамедов Эльмир Низамиевич. – М., 2018. – 28 с.

117. Андриенко, Ю. А. Обеспечение следователем быстроты и полноты предварительного следствия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Андриенко Юрий Александрович. – Омск, 2022. – 26 с.

118. Барабанов, П. К. Реализация назначения уголовного судопроизводства при доказывании в суде первой инстанции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Барабанов Павел Кельсеевич. – Владимир, 2011. – 26 с.

119. Бурмагин, С. В. Роль и правовое положение суда в современном российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Бурмагин Сергей Викторович. – Владимир, 2009. – 29 с.

120. Власов, А. А. Полномочия следователя в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Власов Алексей Алексеевич. – М., 1979. – 23 с.

121. Давыдова, М. В. Основания и порядок осуществления взаимной правовой помощи по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Давыдова Марина Витальевна. – М., 2009. – 232 с.

122. Дармаева, В. Д. Уголовно-процессуальный статус следователя [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Дармаева Валентина Дашеевна. – М., 2003. – 28 с. // Официальный сайт Российской

государственной библиотеки. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003238587>.

123. Колбеева, М. Ю. Институт привлечения лица в качестве обвиняемого в условиях реформирования уголовно-процессуального законодательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Колбеева Марина Юрьевна. – М., 2013. – 22 с.

124. Кузнецова, С. М. Следователь в состязательном досудебном производстве по уголовному делу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Кузнецова Светлана Михайловна. – Барнаул, 2005. – 22 с.

125. Мельников, М. В. Собираание доказательств при проверке сообщения о преступлении [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4. / Мельников Максим Валерьевич. – Москва, 2024. – 22 с. / Официальный сайт Национальной электронной библиотеки. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_012802775.

126. Минаева, С. А. Процессуальная деятельность руководителя следственного органа по обеспечению законности в досудебном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Минаева Светлана Александровна. – М., 2014. – 26 с.

127. Огородов, А. Н. Процессуальная самостоятельность следователя в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Огородов Антон Николаевич. – М., 2018. – 26 с.

128. Пономаренко, С. И. Современные проблемы реализации процессуального статуса подозреваемого: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Пономаренко Сергей Иванович. – Волгоград, 2005. – 18 с.

129. Садюкова, У. В. Процессуальные полномочия руководителя следственного органа: теория и практика реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Садюкова Ульяна Валерьевна. – М., 2020. – 33 с.

130. Хорьяков, С. Н. Процессуальная самостоятельность следователя [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Хорьяков Сергей Николаевич. – М., 2006. – 23 с. // Официальный сайт Российской государственной библиотеки. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003284278#?page=15>.

131. Чечулин, И. В. Процессуальные полномочия руководителя следственного органа и их реализация в досудебном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Чечулин Игорь Витальевич. – М., 2013. – 25 с.

132. Шейфер, М. М. Социальный и правовой статус свидетеля и проблемы его реализации в уголовном судопроизводстве России [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Шейфер Марина Михайловна. – Самара, 2005. – 20 с. // Официальный сайт Российской государственной библиотеки. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01002973520#?>.

133. Шуваткин, А. В. Обвинительное заключение и обвинительный акт в современном уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Шуваткин Александр Викторович. – Самара, 2003. – 18 с.

Научные статьи и периодические издания

134. Абдрашитова, Р. З. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства: проблемы становления и дальнейшее развитие / Р. З. Абдрашитова // Право и политика. – 2006. – № 2. – С. 103–118.

135. Антонович, Е. К. Требования, предъявляемые к содержанию и форме запроса о производстве процессуальных действий, и последствия их несоблюдения / Е. К. Антонович // Международное публичное и частное право. – 2016. – № 5. – С. 24–27.

136. Аширбекова, М. Т. Соблюдение разумного срока как качественная характеристика производства по уголовному делу / М. Т. Аширбекова // Российская юстиция. – 2010. – № 12. – С. 64–66.

137. Аширбекова, М. Т. «Разумный срок» как оценочное понятие в уголовно-процессуальном праве / М. Т. Аширбекова, Ф. М. Кудин // Уголовное судопроизводство. – 2011. – № 2. – С. 21–25.

138. Багмет, А. М. Следователь – судья на досудебной стадии / А. М. Багмет // Российский следователь. – 2014. – № 14. – С. 8–9.

139. Багмет, А. М. О совершенствовании стадии возбуждения уголовного

дела / А. М. Багмет, Н. В. Османова // Российский следователь. – 2022. – № 2. – С. 8–13.

140. Багмет, А. М. «Неразумные» сроки предварительного следствия / А. М. Багмет, А. В. Хмелева, В. И. Саньков // Российская юстиция. – 2018. – № 8. – С. 31–33; № 9. – С. 23–26.

141. Багмет, А. М. Утверждение обвинительного заключения прокурором: рудимент или необходимость? / А. М. Багмет, Ю. А. Цветков // Российская юстиция. – 2018. – № 4. – С. 53–55.

142. Бастрыкин, А. И. Об объективной истине в уголовном процессе [Электронный ресурс] : история и современность // Вестник Российской правовой академии. – 2023. – № 1. – С. 18–29. URL: <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-18-29>.

143. Безруков, С. С. Система принципов отечественного уголовного процесса: актуальные проблемы и подходы к построению / С. С. Безруков // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2019. – № 3. – С. 11–18.

144. Бекетов, М. Ю. Поводы и основания принятия решения о применении мер безопасности / М. Ю. Бекетов, В. А. Саморока // Уголовное право. – 2016. – № 3. – С. 103–109.

145. Берова, Д. М. К вопросу о процессуальной функции следователя в уголовном судопроизводстве / Д. М. Берова // Общество и право. – 2009. – № 3. – С. 207–210.

146. Бессонов, А. А. Использование результатов оперативно-разыскной деятельности в доказывании по уголовным делам / А. А. Бессонов // Уголовное право. – 2016. – № 2. – С. 116–124.

147. Блинова, Е. В. Сохранение в тайне данных о личности: законодательство Российской Федерации и зарубежный опыт / Е. В. Блинова // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2017. – № 3. – С. 15–18.

148. Божьев, В. П. Критика современного УПК РФ: обоснованность, научность, прикладной характер / В. П. Божьев, Б. Я. Гаврилов // Вестник

Московского университета МВД России. – 2018. – № 1. – С. 16–22.

149. Бозров, В.М. Некоторые проблемные вопросы оценки доказательств судом / В. М. Бозров, Н. В. Костовская // Мировой судья. – 2012. – № 11. – С. 13–22; № 12. – С. 26–32.

150. Бойков, А. Д. Новый УПК России и проблемы борьбы с преступностью / А. Д. Бойков // Уголовное право. – 2002. – № 3. – С. 63–69.

151. Боруленков, Ю. П. Расследование как искусство / Ю. П. Боруленков // Российский следователь. – 2014. – № 14. – С. 10–13.

152. Брусницын, Л.В. О состоявшихся и будущих новеллах УПК, обеспечивающих безопасность участников уголовного процесса / Л. В. Брусницын // Уголовное право. – 2013. – № 3. – С. 53–58.

153. Бурмагин, С. В. Разделение обвинительной и судебной властей в уголовном судопроизводстве России: от Судебной реформы 1864 г. до наших дней / С. В. Бурмагин // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 5. – С. 885–896.

154. Бурмагин, С. В. Правовые модели изменения обвинения в суде: сравнительно-правовой анализ процедур российского и зарубежного судопроизводства / С. В. Бурмагин, П. К. Барабанов // Государство и право. – 2022. – № 12. – С. 45–53.

155. Быков, В. Новый закон о разумном сроке уголовного судопроизводства / В. Быков // Законность. – 2010. – № 11. – С. 23–29.

156. Быков, В. М. Новое постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации о судебной экспертизе по уголовным делам: научный комментарий / В. М. Быков // Право и политика. – 2011. – № 2. – С. 214–221.

157. Быков, В. М. О процессуальной самостоятельности следователя в Российском уголовном процессе / В. М. Быков // Российская юстиция. – 2017. – № 8. – С. 59–61.

158. Быкова, Е. В. Международное сотрудничество или политика? / Е. В. Быкова, В. С. Выскуб // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2018. – № 3. – С. 3–5.

159. Быкова, Е. В. Негативное влияние политических процессов на международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства / Е. В. Быкова, В. С. Выскуб // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2020. – № 5. – С. 7–10.

160. Вдовцев, П. В. О некоторых проблемах применения ч. 9 ст. 166 УПК РФ / П. В. Вдовцев, А. В. Чарков // Российский следователь. – 2018. – № 11. – С. 30–32.

161. Волчецкая, Т. С. Предъявление обвинения в уголовном процессе: архаизм или насущная необходимость? / Т. С. Волчецкая, И. В. Петров // Современное право. – 2011. – № 12. – С. 89–92.

162. Волынский, А. Ф. Организация раскрытия и расследования преступлений: проблемы и пути решения / А. Ф. Волынский // Российский следователь. – 2016. – № 1. – С. 7–11.

163. Волынский, А. Ф. Оперативно-разыскная деятельность в системе организации раскрытия и расследования преступлений / А. Ф. Волынский // Российский следователь. – 2017. – № 21. – С. 43–38.

164. Воскобитова, Л. А. Обвинение или обвинительный уклон? / Л. А. Воскобитова // Актуальные проблемы российского права. – 2014 – № 3. – С. 455–462.

165. Воробей, Д. А. Проблемы процессуальной безопасности свидетеля / Д. А. Воробей // Российский следователь. – 2011. – № 4. – С. 14–16.

166. Гаврилов, Б. Я. Досудебное производство: вопросы теории и практики / Б. Я. Гаврилов // Московский юридический журнал. – 2019. – №1. – С. 140–151.

167. Гаврилов, Б. Я. Институт дополнительного расследования: видение законодателя и правоприменительная практика / Б. Я. Гаврилов // Уголовное судопроизводство. – 2022. – № 4. – С. 6–11.

168. Гаврилов, Б. Я. Концепция начала производства по уголовному делу: законодательные мифы и реалии правоприменения / Б. Я. Гаврилов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2017. – № 2. – С. 35–50.

169. Гаврилов, Б. Я. Отвечает ли современное досудебное производство

реалиям борьбы с преступностью? / Б. Я. Гаврилов // Академическая мысль. – 2019. – № 3. – С. 98–103.

170. Гаврилов, Б. Я. Подозреваемый, обвиняемый - возможно ли поставить знак равенства в современном досудебном производстве? / Б. Я. Гаврилов // Уголовное судопроизводство. – 2024. – № 1. – С. 13–17.

171. Гаврилов, Б. Я. Прокурор в современном уголовном судопроизводстве: позиция ученого и мнение правоприменителя / Б. Я. Гаврилов // Российская юстиция. – 2020. – № 3. – С. 33–39.

172. Гаврилов, Б. Я. Стадия возбуждения уголовного дела: современное состояние и перспективы совершенствования / Б. Я. Гаврилов // Пенитенциарная наука. – 2016. – № 3. – С. 17–23.

173. Гаврилов, Б. Я. Уголовно-процессуальное законодательство России: соответствует ли оно научной мысли и реалиям правоприменения? / Б. Я. Гаврилов // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 3. – С. 77–82.

174. Глушков, А.И. Меры прокурорского реагирования на нарушения процессуального законодательства допущенные следователями по уголовным делам (по законодательству периода 90-х – начала 2000 годов) / А.И. Глушков, А.Б. Гаджиев // Юридическая наука. – 2024. – № 4. – С. 6-12.

175. Глушков, А.И. Правовая регламентация участия потерпевшего в уголовном процессе / А.И. Глушков // Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика. Сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции (16 декабря 2021 года). – Рязань, 2022. – С. 94-97.

176. Глушкова, А. С. Право обвиняемого на ознакомление с материалами уголовного дела: проблемы правоприменения / А. С. Глушкова, С. В. Медведева, М. А. Ментюкова // Российский следователь. – 2018. – № 11. – С. 33–36.

177. Горюнов, В. В. Процессуальная самостоятельность следователя в свете реформы следственного аппарата / В. В. Горюнов // «Российский следователь». – 2012. – № 19. – С. 13–15.

178. Губин, С. А. Защита свидетелей и потерпевших / С. А. Губин // Законность. – 2010. – № 6. – С. 35–38.

179. Давлетов, А. А. Проблема функций следователя в уголовном процессе / А. А. Давлетов, Н. В. Азаренок, Р. Ш. Асанов // Российский юридический журнал. – 2019. – № 4. – С. 56–68.
180. Деришев, Ю. В. Быстрота и разумный срок уголовного досудебного производства: проблемы соотношения / Ю. В. Деришев, Ю. А. Андриенко // Российский следователь. – 2019. – № 2. – С. 30–34.
181. Джатиев, В. С. Общая методология и современные проблемы обвинения и защиты по уголовным делам двадцать лет спустя / В. С. Джатиев // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность: по мат-лам Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию со дня рождения профессора Николая Сергеевича Алексеева (г. Санкт-Петербург, 28–29 июня 2014 года). – С-Пб.: ООО «ЦСПТ», 2015. – С. 78–94.
182. Дикарев, И. С. Ознакомление с материалами уголовного дела в ходе предварительного расследования: *cuì bono?* / И. С. Дикарев // Уголовное судопроизводство. – 2019. – № 4. – С. 20–24.
183. Дикарев, И. С. Коллегиальность предварительного следствия / И. С. Дикарев // Законность. – 2021. – № 9. – С. 65–67.
184. Дмитриева, А. А. Меры безопасности, применяемые в отношении участников процесса на стадии предварительного расследования уголовного дела / А. А. Дмитриева // Российский следователь. – 2017. – № 1. – С. 3–6.
185. Емузов, А. С. К вопросу о средствах процессуального доказывания / А. С. Емузов // Право в Вооруженных Силах. – 2005. – № 3. – С. 5–7.
186. Еникеев, З. Д. Международно-правовые основы быстроты уголовного судопроизводства и проблемы их реализации в современной России / З. Д. Еникеев // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 4. – С. 16–21.
187. Есин, А. С. Проблемные вопросы назначения судебных экспертиз в ходе досудебного производства [Электронный ресурс] / А. С. Есин, О. Е. Жамкова, А. В. Борбат // Российский следователь. – 2017. – № 21. – С. 27–30.

188. Ефимичев, С. П. Функции в уголовном судопроизводстве: понятие, сущность, значение [Электронный ресурс] / С. П. Ефимичев, П. С. Ефимичев // Журнал российского права. – 2005. – № 7. СПС КонсультантПлюс.
189. Жамкова, О. Е. К вопросу совершенствования правовой регламентации направления и исполнения запросов о правовой помощи по уголовным делам / О. Е. Жамкова, И. А. Юрцева // Российский следователь. – 2015. – № 22. – С. 18–21.
190. Желтобрюхов, С. П. Кто должен утверждать обвинительное заключение? / С. П. Желтобрюхов // Российская юстиция. – 2017. – № 3. – С. 41–43.
191. Жубрин, Р. В. Сроки исполнения запросов о правовой помощи по уголовным делам / Р. В. Жубрин // Законность. – 2018. – № 5. – С. 12–14.
192. Жук, О. Д. Особенности производства следственных действий по уголовным делам об организации преступного сообщества [Электронный ресурс] / О. Д. Жук // Законодательство и экономика. – 2003. – № 11. СПС КонсультантПлюс.
193. Жук, О. Д. Сравнительно-правовые аспекты внедрения штатных негласных сотрудников в организованные преступные формирования / О. Д. Жук // Российский следователь. – 2017. – № 17. – С. 46–51.
194. Жуков, Д. А. Видео-конференц-связь как условие обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства / Д. А. Жуков // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2019. – № 4 (22). – С. 155–158.
195. Жуков, Д. А. И вновь о проблемных вопросах регламентации полномочий следователя / Д. А. Жуков // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2018. – № 3. – С. 87–91.
196. Жуков, Д. А. К вопросу о нормативной регламентации сроков исполнения поручений о проведении оперативно-разыскных мероприятий / Д. А. Жуков // Процессуальные и организационно-правовые особенности взаимодействия органов предварительного расследования с органами,

осуществляющими оперативно-разыскную деятельность: проблемы и пути их решения : Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 13 декабря 2018 года / Под общ. ред. А.М. Багмета. – М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2019. – С. 80–83.

197. Жуков, Д. А. К вопросу о проблемах регламентации полномочий следователя / Д. А. Жуков // Следственная деятельность: проблемы, их решение, перспективы развития : мат-лы Межвуз. молодёжной науч.-практ. конф., Москва, 08 декабря 2017 года / Под общ. ред. А.М. Багмета. – М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2018. – С. 128–131.

198. Жуков, Д. А. К вопросу о процессуальной функции следователя / Д. А. Жуков // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2018. – № 2(20). – С. 73–78.

199. Жуков, Д. А. К вопросу о разумности сроков расследования в уголовном судопроизводстве / Д. А. Жуков // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2020. – № 1. – С. 153–158.

200. Жуков, Д. А. К вопросу о собирании доказательств в рамках международного сотрудничества по уголовным делам / Д. А. Жуков // Законодательство. – 2020. – № 5. – С. 54–59.

201. Жуков, Д. А. К вопросу о теории и практике реализации полномочий следователя по собиранию доказательств в досудебном производстве / Д. А. Жуков // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2024. – № 3. – С. 163–169.

202. Жуков, Д. А. К вопросу об ошибках следователя / Д. А. Жуков // Законодательство. – 2020. – № 1. – С. 53–57.

203. Жуков, Д. А. О полномочиях следователя по собиранию доказательств / Д. А. Жуков // Законодательство. – 2020. – № 7. – С. 55–60.

204. Жуков, Д. А. О проблемах соблюдения прав и законных интересов при проведении судебной экспертизы / Д. А. Жуков // Российский следователь. – 2018. – № 5. – С. 7–10.

205. Жуков, Д. А. О проблеме допустимости свидетельских показаний в

уголовном судопроизводстве / Д. А. Жуков // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2019. – № 2. – С. 178–184.

206. Жуков, Д. А. О проблеме оформления дополнительных вопросов при назначении судебно-медицинской экспертизы / Д. А. Жуков // Досудебное производство по уголовным делам о профессиональных преступлениях, совершенных медицинскими работниками: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (15 февраля 2018 года) – Москва, 2018. – С. 197–199.

207. Жуков, Д. А. О соотношении полномочий следователя и других участников уголовного судопроизводства и их генезис / Д. А. Жуков // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2019. – № 1(23). – С. 120–126.

208. Жуков, Д. А. О соотношении разумности и быстроты в уголовном судопроизводстве / Д. А. Жуков // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2020. – № 2(24). – С. 181–184.

209. Жуков, Д. А. Об использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании / Д. А. Жуков // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2019. – № 2. – С. 133–139.

210. Жуков, Д. А. Об обеспечении безопасности участников уголовного судопроизводства / Д. А. Жуков // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2019. – № 4(26). – С. 133–139.

211. Жуков, Д. А. Получение «объяснений» и их значение для досудебного производства / Д. А. Жуков // Российский следователь. – 2018. – № 5. – С. 12–15.

212. Жуков, Д. А. Проблемы реализации полномочий следователя по анализу доказательств / Д. А. Жуков // Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 6(121). – С. 288–290.

213. Zenkin, A. N. Подмена уголовно-процессуальных действий оперативно-розыскными мероприятиями / А. Н. Zenkin // Законность. – 2017. – № 1. – С. 61–63.

214. Иванов, А. В. Основные нарушения прав человека при назначении и производстве судебных экспертиз на досудебной стадии / А. В. Иванов //

Адвокат. – 2015. – № 10. – С. 35–46.

215. Игнатъев, А. Н. Ознакомление стороны защиты с материалами уголовного дела: как гарантировать реализацию права и пресечь злоупотребления? / А. Н. Игнатъев // Адвокатская практика. – 2012. – № 5. – С. 8–12.

216. Исаенко, В. Н. О некоторых вопросах использования материалов оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальном доказывании [Электронный ресурс] / В. Н. Исаенко // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 6. СПС КонсультантПлюс.

217. Казаков, А. А. Неверное применение уголовного закона следователем как основание для возвращения уголовного дела судом / А. А. Казаков // Российский следователь. – 2015. – № 11. – С. 22–24.

218. Калюжный, А. Н. Обвинительное заключение как итоговый документ заключительного этапа расследования: проблемы процессуальной реализации и формы / А. Н. Калюжный // Российский судья. – 2020. – № 4. – С. 34–39.

219. Камчатов, К. В. «Активный» и «пассивный» срок как разновидности разумного срока уголовного судопроизводства / К. В. Камчатов, О. В. Буланова // Российская юстиция. – 2019. – № 6. – С. 37–39.

220. Кашепов, В. П. Институт процессуальных сроков как инструмент регулирования порядка в уголовном судопроизводстве / В. П. Кашепов // Комментарий судебной практики / отв. ред. К.Б. Ярошенко. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, ИНФРА-М. – 2016. – Вып. 21. – 182 с.

221. Кипнис, Н. Отмена поручения подзащитным [Электронный ресурс] / Н. Кипнис // ЭЖ-Юрист. – 2007. – № 13. СПС КонсультантПлюс.

222. Клевцов, К. К. К вопросу о функциях, реализуемых в рамках международного сотрудничества в сфере уголовного процесса / К. К. Клевцов // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2023. – № 1. – С. 9–11.

223. Клевцов, К. К. Понятие и правовая сущность международного

сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства / К. К. Клевцов // Мировой судья. – 2023. – № 4. – С. 8–12.

224. Козубенко, Ю. В. О роли уголовного преследования в структуре межотраслевого механизма уголовно-правового регулирования / Ю. В. Козубенко // Российский юридический журнал. – 2021. – № 6. – С. 55–63.

225. Колоколов, Н. А. Обвинение и защита в российском уголовном процессе: баланс интересов - иллюзия или реальность / Н. А. Колоколов // Уголовное судопроизводство. – 2005. – № 2. – С. 2–9.

226. Колоколов, Н. А. Ознакомление с материалами уголовного дела. Следователь должен быть освобожден от несвойственных ему функций / Н. А. Колоколов // Российский следователь. – 2014. – № 4. – С. 9–12.

227. Колоколов, Н. А. Судебная ошибка в уголовном процессе: понятие, пути исправления / Н. А. Колоколов // Уголовное судопроизводство. – 2007. – № 2. – С. 10–13.

228. Колосович, М. С. Негласная деятельность по уголовному делу / М. С. Колосович // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 2. – С. 138–145.

229. Комлев, Б. Исключение доказательств, полученных в других государствах, из процесса доказывания / Б. Комлев // Законность. – 1998. – № 3. – С. 21–24.

230. Костенко, К. А. Проблемы теории и практики противодействия затягиванию ознакомления с материалами уголовного дела путем приглашения обвиняемым нового защитника / К. А. Костенко // Российский судья. – 2016. – № 9. – С. 30–34.

231. Королев, Г. Реорганизация досудебного производства: проблемы и перспективы / Г. Королев // Законность. – 2008. – № 1. – С. 6–10.

232. Кругликов, А. П. О некоторых тенденциях в современном уголовно-процессуальном законодательстве / А. П. Кругликов // Мировой судья. – 2012. – № 3. – С. 8–12.

233. Лаврухин, С. В. Процессуальные функции следователя /

С. В. Лаврухин, Ю. С. Комягин // Российский следователь. – 2014. – № 9. – С. 17–21.

234. Лапин, С. Ю. Интервью: Прокурор – следователь: революция началась [Электронный ресурс] / С. Ю. Лапин // ЭЖ-Юрист. – 2007. – № 26. СПС КонсультантПлюс.

235. Латыпов, У. А. Межгосударственное сотрудничество по расследованию преступлений и сбору доказательств по уголовным делам / У. А. Латыпов // Российская юстиция. – 2009. – № 9. – С. 56–61.

236. Лизунов, А. С. Злоупотребление правом на защиту на этапе ознакомления с материалами уголовного дела / А. С. Лизунов, А. С. Лизунов // Законность. – 2018. – № 10. – С. 47–50.

237. Литвишко, П.А. Вопросы процессуальной самостоятельности органов предварительного расследования Российской Федерации при осуществлении международного сотрудничества / П. А. Литвишко // Российский следователь. – 2011. – № 18. – С. 13–18.

238. Литвишко, П. А. Правовые основы международного сотрудничества Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации / П. А. Литвишко // Российский следователь. – 2010. – № 20. – С. 35–40

239. Малышева, О. А. Применение следователем информационно-коммуникационных технологий при производстве следственных действий: риски и пути их преодоления / О. А. Малышева, П. А. Самсонов // Журнал российского права. – 2024. – № 2. – С. 66–78.

240. Марковичева, Е. В. Ускорение уголовного судопроизводства как гарантия обеспечения прав лиц, вовлеченных в сферу уголовной юстиции / Е. В. Марковичева // Российская юстиция. – 2009. – № 9. – С. 65–66.

241. Маслов, И. Реформа досудебного производства / И. Маслов // Законность. – 2008. – № 7. – С. 18–20.

242. Матвиенко, И. В. Уголовно-процессуальные аспекты сохранения в тайне сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении участников уголовного судопроизводства / И. В. Матвиенко // Российский следователь. –

2015. – № 23. – С. 21–25.

243. Махмутов, М. В. Принцип процессуальной экономии – начало положено / М. В. Махмутов // Законность. – 2010. – № 12. – С. 35–36.

244. Мищенко, Е. В. Проблемные вопросы производства отдельных следственных действий в рамках международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства / Е. В. Мищенко, Е. В. Максименко // Российский следователь. – 2021. – № 11. – С. 43–46.

245. Муратова, Н. Г. Процессуальная модель субъекта обвинительного заключения (история и современность) / Н. Г. Муратова // Российский следователь. – 2011. – № 14. – С. 20–23.

246. Назаров, А. Д. Обвинительный уклон в деятельности субъектов, ведущих уголовный процесс, как фактор, способствующий появлению ошибок в уголовном судопроизводстве / А. Д. Назаров // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 9. – С. 149–154.

247. Наумов, А. В. Слухи о смерти международного уголовного права и международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства не обоснованы / А. В. Наумов // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2021. – № 2. – С. 3–6.

248. Новикова, М. В. Институт безопасности в уголовном судопроизводстве и пути его совершенствования [Электронный ресурс] / М. В. Новикова // Российский судья. – 2007. – № 7. СПС КонсультантПлюс.

249. Образцов, А. В. Процессуальное руководство и разумный срок уголовного судопроизводства как условия повышения эффективности предварительного следствия / А. В. Образцов // Российский следователь. – 2016. – № 23. – С. 30–33.

250. Овсянников, И. В. «Проблема доказательственного значения объяснений» / И. В. Овсянников // «Законы России: опыт, анализ, практика». – 2016. – № 5. – С. 83–87.

251. Овчинников, Ю. Г. Ознакомление сторон с копиями материалов дела, изготовленными в форме электронного документа / Ю. Г. Овчинников // Законность.

– 2024. – № 4. – С. 52–55.

252. Попов, Д. П. Самостоятельность следователя: проблемные аспекты определения правовой сущности и функционального назначения / Д. П. Попов // Российский следователь. – 2020. – № 11. – С. 19–23.

253. Пушкарев, В. В. Толкование функции уголовного преследования (обвинения) в решениях Европейского Суда по правам человека, Европейской Комиссии по правам человека, Конституционного Суда Российской Федерации как предпосылка ее нормативного выражения в процессуальном статусе следователя [Электронный ресурс] / В. В. Пушкарев // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2016. – № 4. СПС КонсультантПлюс.

254. Ревина, И. В. Безопасность лиц, содействующих правосудию: проблемы обеспечения (Институт безопасности личности в уголовном процессе России: проблемы теории и практики) / И. В. Ревина // Российский следователь. – 2013. – № 19. – С. 33–36.

255. Ринчинов, Б. А. Ознакомление с материалами уголовного дела в уголовном судопроизводстве / Б. А. Ринчинов // Российский судья. – 2015. – № 1. – С. 24–27.

256. Россинская, Е. Р. Специальные познания и современные проблемы их использования в судопроизводстве [Электронный ресурс] / Е. Р. Россинская // Журнал российского права. – 2001. – № 5. СПС КонсультантПлюс.

257. Россинский, С. Б. О структуре уголовно-процессуального доказывания / С. Б. Россинский // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2017. – № 5. – С. 39–50.

258. Россинский, С. Б. О порядке приобщения доказательств к уголовному делу / С. Б. Россинский // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2022. – № 6. – С. 40–46.

259. Россинский, С. Б. Обвинительное заключение: мнимые и подлинные процессуальные смыслы / С. Б. Россинский // Российский следователь. – 2023. – № 10. – С. 10–14.

260. Россинский, С. Б. Паратусные доказательства в уголовном судопроизводстве / С. Б. Россинский // Юридический вестник Самарского университета. – 2023. – Т. 9. – № 3. – С. 44.

261. Россинский, С. Б. Проблема использования в уголовном процессе результатов оперативно-розыскной деятельности требует окончательного разрешения [Электронный ресурс] / С. Б. Россинский // Lex russica. – 2018. – № 10. СПС КонсультантПлюс.

262. Рудич, В. В. Международные стандарты разумности процессуальных сроков в уголовном судопроизводстве / В. В. Рудич // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2015. – № 2. – С. 8–9.

263. Семенцов, В. А. О соотношении следственных и иных процессуальных действий, предназначенных для собирания доказательств [Электронный ресурс] / В. А. Семенцов // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2015. – № 2. СПС КонсультантПлюс.

264. Середнев, В. А. К вопросу о роли и статусе следователя в Российском уголовном процессе [Электронный ресурс] / В. А. Середнев // Российский следователь». – 2017. – № 1. СПС КонсультантПлюс.

265. Скачко, А. В. Институт возвращения прокурором уголовного дела следователю: международные правовые стандарты и зарубежный опыт / А. В. Скачко, Л. Р. Муллагалеева // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2022. – № 1. – С. 18–21.

266. Смирнов, А. В. Вопрос о типологической принадлежности Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и его дальнейших перспективах / А. В. Смирнов // Уголовное судопроизводство. – 2023 – № 1. – С. 11–15.

267. Собчук, М. В. Продление сроков следствия и содержания под стражей / М. В. Собчук // Законность. – 2014. – № 8. – С. 41–44.

268. Соловьев, С. А. Процессуальная ценность обвинительного заключения на современном этапе (практический аспект) [Электронный ресурс] / С. А. Соловьев // Адвокатская практика. – 2016. – № 1. СПС КонсультантПлюс.

269. Спиридонова, Ю. Н. Актуальные вопросы досудебного производства в

уголовном процессе России / Ю. Н. Спиридонова // Российский следователь. – 2019. – № 1. – С. 26–28.

270. Стремоухов, А. В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве: проблемы и пути их решений / А. В. Стремоухов, И. А. Иванов // Ленинградский юридический журнал. – 2016. – № 1. – С. 185–192.

271. Табалдиева, Ч. С. Особенности производства отдельных следственных действий по материалам и уголовным делам, поступившим из других государств / Ч. С. Табалдиева // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2010. – № 2. – С. 14–17.

272. Тарасов, А. А. Рациональное и иррациональное в дискуссиях о развитии российского уголовного процесса / А. А. Тарасов // Журнал российского права. – 2023. – № 3. – С. 100–112.

273. Тугутов, Б. А. «Уголовно-процессуальные функции: понятие и содержание [Электронный ресурс] / Б. А. Тугутов // Российский судья. – 2014. – № 7. СПС КонсультантПлюс.

274. Фролкин, Н. П. Возможности протоколирования процессуальных действий в уголовном судопроизводстве с использованием электронных (цифровых) средств / Н. П. Фролкин // Российский следователь. – 2014. – № 11. – С. 5–8.

275. Халиков, А. Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства в стадии судебного разбирательства [Электронный ресурс] / А. Халиков // Уголовное право. – 2008. – № 4. СПС КонсультантПлюс.

276. Хитрова, О. В. Особый порядок движения уголовного дела или возвращение уголовного дела для производства дополнительного следствия / О. В. Хитрова // Российский следователь. – 2013. – № 21. – С. 13–16.

277. Хмелева, А. В. Вопросы законодательного урегулирования использования следователем специальных знаний «сведущих лиц» [Электронный ресурс] / А. В. Хмелева // Российский следователь. – 2014. – № 11. СПС КонсультантПлюс.

278. Цветков, Ю. А. Кризис социально-правовой идентичности следователя и прокурора [Электронный ресурс] / Ю. А. Цветков // «Уголовное судопроизводство». – 2014. – № 1. СПС КонсультантПлюс.

279. Цветков, Ю. А. Принцип равенства юридической силы доказательств в международно-правовом сотрудничестве по уголовным делам / Ю. А. Цветков // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2013. – № 2. – С. 7–10.

280. Цветков, Ю. А. Процессуальная самостоятельность следователя в современной парадигме досудебного производства / Ю. А. Цветков // Российский следователь – 2014. – № 14. – С. 52–56.

281. Цветков, Ю. А. Следователь в судебном процессе [Электронный ресурс] / Ю. А. Цветков // Российская юстиция. – 2013. – № 3. СПС КонсультантПлюс.

282. Чабукиани, О. А. Признание самостоятельности следственной деятельности – способ достижения состязательности / О. А. Чабукиани // Уголовное судопроизводство. – 2023. – № 4. – С. 26–31.

283. Шадже, А. М. Уголовно-процессуальный механизм устранения ошибок в контексте уголовной политики государства / А. М. Шадже, Б. Е. Чич // Российская юстиция. – 2017. – № 9. – С. 24–25.

284. Шадрин, В. С. Следователь как участник уголовного процесса на рубеже третьего десятилетия применения УПК РФ / В. С. Шадрин // Российский следователь. – 2023. – № 4. – С. 28–32.

285. Шевцова, Л. В. Проблемы гармонизации законодательства по борьбе с организованными преступными формированиями в России и странах романо-германской и англосаксонской системы права / Л. В. Шевцова // Вопросы российского и международного права. – 2017. – Т. 7. – № 12А. – С. 159–165.

286. Шевчук, А. Н. Полномочия следователя по осуществлению доказывания и вопросы их реализации / А. Н. Шевчук // Россия и мир: вчера, сегодня, завтра: актуальные проблемы политики, экономики и права. – М.: МГИ им. Р.Е. Дашковой, 2011. – С. 173–183.

287. Шейфер, С. А. Российский следователь – исследователь или преследователь? [Электронный ресурс] / С. А. Шейфер // Российская юстиция. – 2010. – № 11. СПС КонсультантПлюс.

288. Шейфер, С. А. Следственные действия – правомерны ли новые трактовки [Электронный ресурс] / С. А. Шейфер // Lex russica. – 2015. – № 10. СПС КонсультантПлюс.

289. Шмонин, А. В. Понятие и содержание специальных познаний в уголовном процессе [Электронный ресурс] / А. В. Шмонин // Российский судья. – 2002. – № 11. СПС КонсультантПлюс.

Справка по результатам анкетирования

Вопросы анкеты № 1. Опрошены 139 следователей.

Анкетирование, проведённое в рамках настоящего исследования, показало, что 53 % из 139 опрошенных следователей согласились с тем, что отнесение следователя к стороне обвинения провоцирует обвинительный уклон, и только 5 % из них затруднились ответить на данный вопрос.

86 % из 139 опрошенных следователей согласились с тем, что в УПК РФ необходим принцип всесторонности, полноты и объективности, и только 4 % из них затруднились ответить на данный вопрос.

81 % из 139 проанкетированных в рамках настоящей работы следователей согласились с тем, что функция следователя – это исследование обстоятельств преступления, и только 3 % из них затруднились ответить на данный вопрос.

55 % из 139 опрошенных следователей согласились с тем, что полномочия следователя не полностью регламентированы в УПК РФ, и только 3 % из них затруднились ответить на данный вопрос; 69 % из указанного числа согласились с тем, что в УПК РФ необходима детальная регламентация полномочий следователя, и лишь два следователя затруднились ответить на данный вопрос. При этом 64 % из указанного числа согласились с тем, что существующая в УПК РФ регламентация полномочий следователя влияет на качество их работы, и лишь 3 % затруднились ответить на данный вопрос.

Вопросы анкеты № 2. Опрошены 140 следователей.

Из 140 проанкетированных в рамках настоящей работы следователей 76 % согласились с тем, что совершенствование полномочий следователя необходимо в действующем уголовно-процессуальном законе, и только 7 % из них затруднились ответить на данный вопрос.

71 % согласился с тем, что определение в УПК РФ полномочий следователя и их правоприменение взаимосвязаны с реальной реализацией прав и обязанностей всех других субъектов уголовно-процессуальных отношений,

обеспечением законности отсутствием произвола, и только 8 % затруднились ответить на данный вопрос.

79 % также считают, что полномочия следователя – это его права и обязанности, и только 4 % затруднились ответить на данный вопрос.

88 % считают, что полномочия следователя дают ему способность реализовать свое предназначение, то есть его процессуальную функцию, и только 4 % затруднились ответить на данный вопрос.

С предложенным в научной среде определением полномочий следователя «установленные уголовно-процессуальным законом права и обязанности следователя, достаточные и необходимые для возбуждения уголовного дела и установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу в целях законного и обоснованного осуществления уголовного преследования подозреваемого или обвиняемого, восстановления нарушенных преступлением прав и свобод физических и юридических лиц, а также разрешения уголовного дела путем его прекращения или направления в суд с обвинительным заключением (постановлением о возбуждении перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительной меры воспитательного воздействия или постановлением о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера)» согласны 74 % следователей, при этом только 5 % затруднились выразить отношение к данному определению.

С необходимостью включения в УПК РФ понятия «полномочия» согласны 48 % из 140 проанкетированных в рамках настоящей работы следователей, но 11 % затруднились высказаться о необходимости такого определения.

С мнением, что «российский следователь, равно, как и прокурор, переживает кризис своей социально-правовой идентичности, который негативно отражается на всей правоприменительной системе» согласны 49 %, но 19 % затруднились высказаться по этому поводу.

С предложенным диссертантом определением полномочий «совокупность процессуальных прав и обязанностей участника уголовного судопроизводства,

отражающая его назначение и деятельность» согласны 76 %, при этом только 6 % затруднились выразить отношение к данному определению.

Вопросы анкеты № 3. Опрошены 189 следователей.

С необходимостью регламентации полномочий следователя в судебных заседаниях при рассмотрении его ходатайств согласны только 42 % из 189 проанкетированных, а 6 % затруднились высказаться по этому поводу, за право следователя обжаловать вынесенное по результатам рассмотрения его ходатайства решение судьи высказались 85 % из указанного числа и только два следователя затруднились выразить своё мнение по этому вопросу.

На вопрос о том, обладает ли в действительности следователь процессуальной самостоятельностью отрицательно ответили 66 % следователей, при этом 59 % из указанного количества также отрицают, что существующая система ведомственного, судебного контроля и прокурорского надзора положительно влияет на работу следователя, и только 4 % затруднились выразить своё мнение по этим вопросам.

53 % следователей согласились с необходимостью дальнейшей реформы следствия, при этом 64 % считают себя готовыми к работе судебного следователя или следователя единого следственного органа, и только 5 % из них затруднились ответить на данные вопросы.

Приложение 2

Анкета № 1 (139 опрошенных)

1	Каков стаж работы?	менее 10 лет	10–15 лет	15 лет и более	продолжительность работы
Ответы на вопрос № 1:					
	Варианты ответов для ниже приведенных вопросов:	Да	нет	затрудняюсь ответить	пояснение ответа, если есть
2	Необходим ли в УПК РФ принцип всесторонности, полноты и объективности?	86%	10%	4%	
3	Провоцирует ли отнесение следователя к стороне обвинения обвинительный уклон следователя?	53%	42%	5%	
4	Согласны, что функция следователя – это исследование обстоятельств преступления?	81%	16%	3%	
5	Полностью ли регламентированы в УПК РФ полномочия следователя?	55%	42%	3%	
6	Необходима ли детальная правовая регламентация полномочий следователя?	69%	30%	1%	
7	Влияет ли существующая регламентация полномочий следователя в УПК РФ на качество его работы?	64%	23%	3%	

Анкета № 2 (140 опрошенных)

1	Каков стаж работы?	менее 10 лет	10–15 лет	15 лет и более	продолжительность работы
Ответы на вопрос № 1:					
2	Варианты ответов для ниже приведенных вопросов:	Да	нет	затрудняюсь ответить	пояснение ответа, если есть
3	Взаимосвязаны ли определение в УПК РФ полномочий следователя и их правоприменение с реальной реализацией прав и обязанностей всех других субъектов уголовно-процессуальных отношений, обеспечением законности и отсутствием произвола?	71%	21%	8%	

4	Полномочия следователя – это его права и обязанности?	79%	17%	4%	
5	Полномочия следователя дают ему способность реализовать свое предназначение (процессуальную функцию)?	88%	8%	4%	
6	Необходимо ли совершенствование в УПК РФ регламентации полномочий следователя?	76%	17%	7%	
7	Вы согласны с определением понятия полномочия следователя - это установленные уголовно-процессуальным законом права и обязанности следователя, достаточные и необходимые для возбуждения уголовного дела и установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу в целях законного и обоснованного осуществления уголовного преследования подозреваемого или обвиняемого, восстановления нарушенных преступлением прав и свобод физических и юридических лиц, а также разрешения уголовного дела путем его прекращения или направления в суд с обвинительным заключением, иным предусмотренным УПК РФ решением.	74%	21%	5%	
8	Необходимо ли в УПК РФ определение понятия «полномочия»?	48%	41%	11%	
9	Согласны ли Вы с тем, что полномочия – это совокупность процессуальных прав и обязанностей должностного лица, органа государственной власти, защитника, отражающая его назначение и деятельность как участника уголовного судопроизводства?	76%	18%	6%	
10	Переживает ли в настоящее время следователь, дознаватель, прокурор кризис своей социально-правовой идентичности?	49%	32%	19%	

Анкета № 3 (189 опрошенных)

1	Каков стаж работы?	менее 10 лет	10–15 лет	15 лет и более	продолжительность работы
Ответы на вопрос № 1:					
	Варианты ответов для ниже приведенных вопросов:	Да	нет	затрудняюсь ответить	пояснение ответа, если есть
2	Необходима ли регламентация полномочий следователя в судебных заседаниях при рассмотрении его ходатайств?	42%	52%	6%	
3	Должен ли следователь иметь право обжаловать, вынесенное по результатам рассмотрения его ходатайства решение судьи?	85%	14%	1%	
4	Обладает ли следователь в действительности процессуальной самостоятельностью?	30%	66%	4%	
5	Положительно ли влияет на работу следователя существующая система ведомственного, судебного контроля и прокурорского надзора?	37%	59%	4%	
6	Необходимо ли дальнейшее отделение следственной власти в виде создания единого следственного органа либо судебного следователя?	53%	42%	5%	
7	Готовы ли Вы к работе в качестве следователя единого следственного органа либо судебного следователя?	64%	31%	5%	

АНАЛИТИЧЕСКАЯ СПРАВКА

об изучении материалов уголовных дел и материалов проверок по сообщениям о преступлении

Настоящая диссертация касается проблематики реализации полномочий следователя по собиранию доказательств в досудебном производстве. Соискатель поддерживает сложившееся в науке мнение о том, что практика является основополагающим критерием истины. Указанные в диссертации и очевидные для практиков проблемы в процессе собирания следователем доказательств подтверждают актуальность темы исследования.

В настоящей работе для обоснования эмпирическими данными выводов исследования неоднократно упоминался опыт следственной работы диссертанта, поскольку им использован 25-летний личный опыт практической деятельности в качестве следователя в системе МВД России, прокуратуры Российской Федерации, Следственного комитета Российской Федерации, в том числе в трёх следственных подразделениях первичного уровня указанных ведомств. В связи с этим, изучение уголовных дел, материалов проверок, актов прокурора и судебных решений являлось и является для диссертанта повседневной служебной обязанностью.

Этим объясняется значительный объем материалов, составивших эмпирическую основу представленного исследования, которую составили данные, полученные в результате изучения 300 уголовных дел по различным статьям Уголовного кодекса Российской Федерации и 1010 материалов процессуальных проверок, проведённых по сообщениям о преступлениях.

Соискатель считает нецелесообразным приводить весь перечень изученных уголовных дел, материалов проверок и отдельных процессуальных документов. В диссертации приведены наиболее интересные и значимые для исследования результаты изучения практической деятельности в виде решений следователей по результатам расследования конкретных уголовных дел, а также решений судов, на которые по тексту диссертации оформлены ссылки.

Считаем, что заявленное количество исследованных эмпирических материалов не должно вызывать сомнений в связи с длительностью работы диссертанта следователем и тем, что в тексте диссертации и публикациях автора по теме настоящей работы проанализированы и упомянуты процессуальные решения по уголовным делам различной степени давности, в том числе и более чем двадцатилетней давности.

Так, за один месяц нахождения в апреле 2025 года в зоне проведения специальной военной операции соискателем было изучено порядка 130 материалов доследственных проверок по фактам обстрелов и атак летательных аппаратов со стороны Вооруженных сил Украины за 2024-2025 годы, о чём соискателем подготовлено выступление для участия в Луганском международном юридическом форуме «Особенности противодействия гибридным угрозам в отношении Российской Федерации» (г. Луганск, 16 мая 2025 года).

В результате изучения указанных материалов установлено, что бланки объяснений, также, как и в иных изученных соискателем материалах проверок сообщений о преступлении, находящихся в архивах СУ при УВД г. Тобольска, прокуратуры г. Тобольска Тюменской области, прокуратуры Красногвардейского района г. Санкт-Петербурга, следственного отдела по Красногвардейскому району ГСУ СК России по г. Санкт-Петербургу, ГСУ СК России по г. Санкт-Петербургу, доступ к которым имел диссертант в течение двадцатипятилетней служебной деятельности, в 100 % случаев оформления результатов получения объяснений содержат основные биографические данные опрашиваемых лиц и иные биографические данные, а также разъяснение ст. 51 Конституции Российской Федерации, которые указываются в протоколах допросов.

Поэтому при получении объяснений необходимо оформлять протокол получения объяснения, содержащий неотъемлемые элементы, выработанные и апробированные фактически существующей в течение длительного времени правоприменительной практикой, с детализацией в уголовно-процессуальном законе порядка получения объяснения.

Результаты изучения 1010 материалов доследственных проверок и 300 уголовных дел, находящихся в указанных архивах, также свидетельствуют, что в отсутствие полномочия, регламентированного в ст. 38 УПК РФ, следователи направляли запросы и требования для получения документов, предметов, на основе которых можно установить обстоятельства, имеющие значение по делу, в том числе, подлежащие доказыванию. Также установлено, что требования, поручения и запросы следователя исполняются незамедлительно или в указанный в них срок. В связи с этим необходимо внести в действующий уголовно-процессуальный закон изменения, расширив полномочия следователя на осуществление указанных процессуальных действий с регламентацией указания сроков их исполнения.

Результаты изучения 1010 материалов доследственных проверок в ходе настоящего исследования свидетельствуют о том, что внесённые в УПК РФ 4 марта 2013 года изменения не устранили все пробелы в регламентации назначения и проведения экспертизы на стадии проверки сообщения о преступлении. Несмотря на то, что ст. 144 УПК РФ была дополнена ч. 1.2 о том, что «Полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений статей 75 и 89 настоящего Кодекса», в этой же части установлено ограничение на случай, если стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы, то после возбуждения уголовного дела такое ходатайство подлежит удовлетворению и отказать в этом невозможно. Таким образом, судебная экспертиза может быть проведена в ходе проверки сообщения о преступлении, при этом участники уголовного производства не могут воспользоваться своими правами, перечисленными в ст. 198 УПК РФ, поскольку их ещё не существует в связи с отсутствием уголовного дела, что фактически создаёт условия для обязательного назначения и производства дополнительной либо повторной судебной экспертизы после возбуждения уголовного дела. На практике ознакомление с постановлением о назначении экспертизы и её результатами, как и постановка дополнительных

вопросов перед экспертом, предоставление предметов и документов для производства экспертизы, если следователем не были вручены копии указанных документов, решается путём заявления ходатайства о предоставлении возможности знакомиться со всеми материалами проверки, постановке дополнительных вопросов и предоставлении дополнительных материалов.

Материалы 300 уголовных дел, изученных в рамках настоящего исследования, свидетельствуют о том, что заинтересованные участники уголовного судопроизводства знакомятся с постановлениями о назначении судебных экспертиз и результатами их проведения в течение трёх – десяти суток. При этом, даже в случае значительных расстояний между следователем и заинтересованными лицами последние знакомятся с документами о назначении, проведении судебной экспертизы в указанный срок дистанционно, получая их через электронные средства связи и имея достаточное время на их изучение, подготовку замечаний, ходатайств о постановке дополнительных вопросов, проведении дополнительных экспертиз, допросов эксперта, что впоследствии находит отражение в составленных позднее протоколах ознакомления.

Поэтому в ходе проверки сообщения о преступлении следователь также должен обладать полномочием знакомить заинтересованных лиц и их адвокатов с постановлением о назначении экспертизы, заключением эксперта или сообщением эксперта о невозможности дать заключение, и установить срок такого ознакомления – не позднее пяти суток, как в ходе доследственной проверки, так и в ходе расследования.

Результаты изучения вышеуказанного объёма эмпирического материала, состоящего из 300 уголовных дел и 1010 материалов по сообщениям о преступлении, 70 % которых составляют уголовные дела и проверочные материалы об имущественных, насильственных преступлениях, преступлениях против половой свободы, и свидетельствуют, что при выезде следственно-оперативной группы на место происшествия оперативные работники, участковые уполномоченные осуществляют оперативно-розыскные мероприятия в виде опросов, наведения справок при осуществлении обхода прилегающей к месту

происшествия территории с целью установления очевидцев, лиц, совершивших преступление, личности обнаруженного трупа или выяснения иных обстоятельств. Результаты этих мероприятий обычно оформляются на месте происшествия справкой или рапортом оперативного работника и передаются следователю без оформления постановлений о передаче результатов оперативно-розыскной деятельности и сопроводительных писем. Аналогично оформляются полученные в результате обхода сведения об обнаружении ими похищенного имущества, о чём составляются справки или рапорты, которые сразу же вручаются следователю для организации проведения осмотра, выемки или обыска.

Поэтому для обеспечения эффективности взаимодействия следственных органов и органов дознания, а также установления ответственности должностных лиц за результаты их деятельности, для производства расследования тяжких или особо тяжких преступлений, совершённых в условиях неочевидности, необходимо формирование следственно-оперативных групп, с нормативным закреплением их создания в уголовно-процессуальном законе. Оптимальным вариантом решения проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве допустимых доказательств, легализации и их введения в уголовный процесс является вынесение следователем как субъектом доказывания постановления об их приобщении к делу.

Результаты изучения соискателем 12 уголовных дел по месту прохождения службы во втором следственном управлении (с дислокацией в городе Санкт-Петербург) ГСУ СК России за период с 2014 по 2025 год показывают, что на практике в направляемых запросах о правовой помощи о проведении конкретных процессуальных действий указывается просьба к компетентным органам иностранного государства разъяснить участникам процессуального действия под роспись положения статей УПК РФ, регламентирующих проведение запрашиваемого процессуального действия, их права и обязанности. Также результаты изучения указанных уголовных дел свидетельствуют о том, что запросы о правовой помощи, как правило, исполняются компетентными органами

иностранных государств в срок от шести месяцев до полутора лет, а в отдельных случаях, в течение 2-3 лет.

Исходя из этого, для придания доказательственной силы результатам исполнения запроса о правовой помощи, он должен содержать предложение о разъяснении порядка проведения запрашиваемого процессуального действия, прав, обязанностей и ответственности его участников в соответствии с законодательством запрашивающей стороны.

При этом, участники международных соглашений, конвенций в целях совершенствования международного сотрудничества по уголовным делам должны рассмотреть вопрос о внесении в национальное законодательство норм, устанавливающих конкретные сроки исполнения запросов о правовой помощи.

В связи с этим основания, порядок и сроки приостановления предварительного следствия в УПК РФ необходимо дополнить ещё одним основанием – «отсутствие результатов исполнения запроса о правовой помощи спустя год после его получения компетентными органами иностранного государства при отсутствии сведений о принятии его к исполнению либо ходе его исполнения».

Архивы уголовных дел и материалов доследственных проверок СУ при УВД г. Тобольска, прокуратуры г. Тобольска Тюменской области, прокуратуры Красногвардейского района г. Санкт-Петербурга, следственного отдела по Красногвардейскому району ГСУ СК России по г. Санкт-Петербургу, второго следственного управления (с дислокацией в городе Санкт-Петербург) ГСУ СК России, Тобольского городского суда Тюменской области, Красногвардейского районного суда г. Санкт-Петербурга, Санкт-Петербургского городского суда, Ленинградского областного суда, которые содержат результаты расследования соискателем уголовных дел и их рассмотрения судом, дали ему основания предложить авторский уголовно-процессуальный порядок исправления технических ошибок по завершении расследования, доля которых, исходя из количества возвращённых уголовных дел, изученных в рамках настоящего исследования, не превышает десяти процентов. В связи с этим необходимо

наделить полномочием по исправлению технических ошибок и опечаток следователя, его руководителя, прокурора мотивированным постановлением без перепредъявления обвинения, пересоставления обвинительного заключения (акта, постановления).

Обобщая вышеизложенное, в результате изучения 100 % собранного в ходе настоящего исследования объёма эмпирического материала, состоящего из 300 уголовных дел по различным статьям Уголовного кодекса Российской Федерации и 1010 материалов процессуальных проверок, проведённых по сообщениям о преступлениях, соискатель приходит к выводу о необходимости внесения в действующий уголовно-процессуальный закон упоминаемых в тексте диссертации и настоящей справке изменений и дополнений по осуществлению вышеуказанных следственных и иных процессуальных действий, таким образом, расширив полномочия следователя по собиранию доказательств в досудебном производстве.